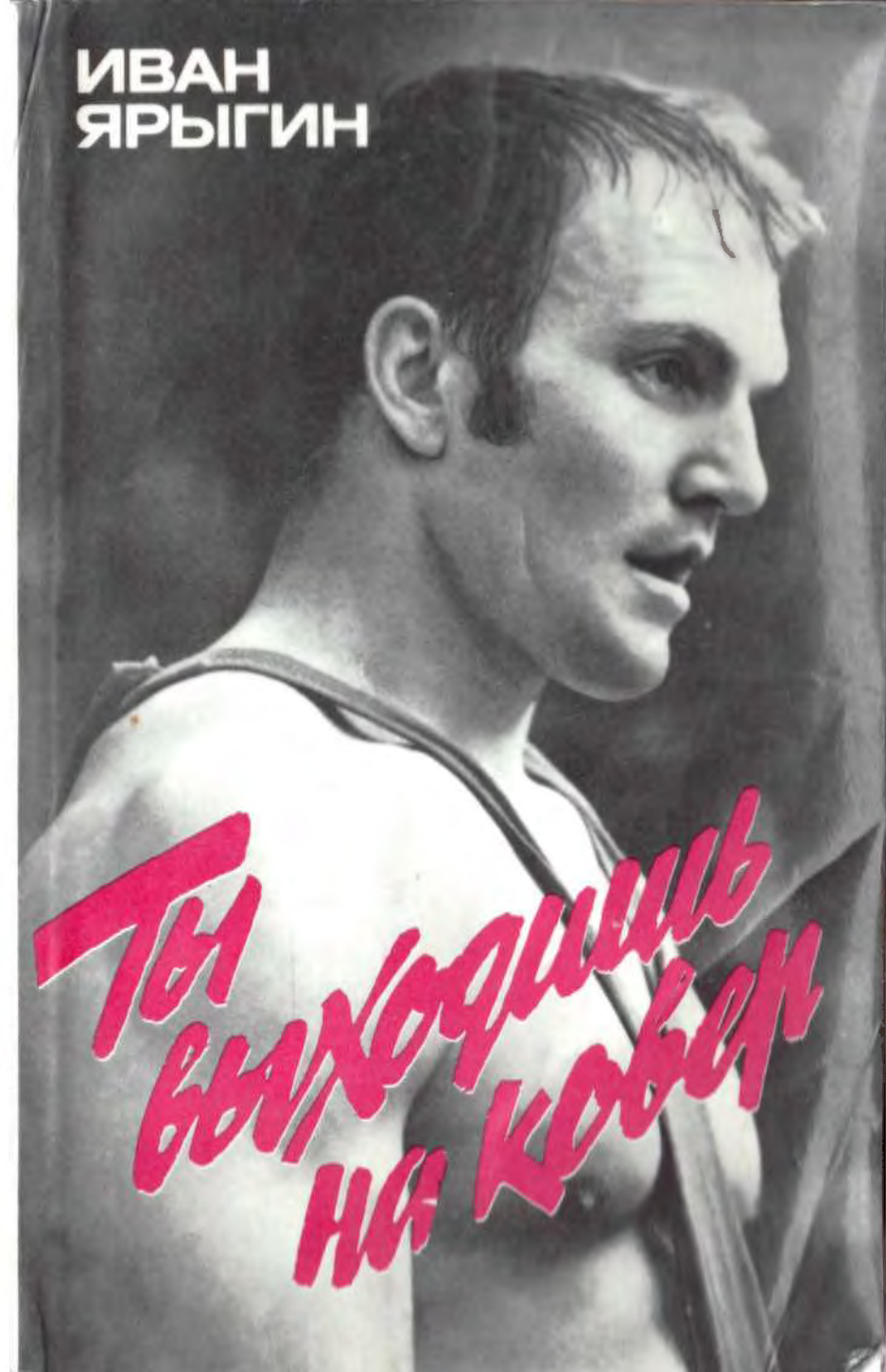
ИВАН
ЯРЫГИН

Ты выходишь на ковер



OCR Деревянко В.Н.
support@yarigin-museum.ru

ИВАН ЯРЫГИН

Ты выходишь на ковер

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1989

7А3.5.
Я79

Литературная запись **В. Голубева**

Художник **Т. Самигулин**

Фото **Н. Мищенко, Ю. Соколова**

Я $\frac{4204000000-094}{М-105(03)89}$ КБ-55-42-88

ISBN 5—268—00787—4

© Издательство «Советская Россия», 1989 г

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мысль о создании книги родилась на чемпионате мира 1982 года в Канаде. Успех был ошеломляющим, все наши борцы завоевали награды. Можно было подумать, что сборная СССР прилетела в Эдмонтон на легкую прогулку за медалями. Но я-то знаю, что дается любая медаль тяжелым трудом. Смотрел на счастливых ребят и думал: «В наших газетах будет короткое сообщение об очередной победе советской команды. Могут даже и чемпионов не назвать. А ведь эти мужественные парни достойны того, чтобы их так же хорошо знали, как, скажем, фигуристов или гимнастов».

Должен сказать, что спортивные издания не очень жалуют борьбу вниманием. Почему? Популярность именно вольной борьбы растет с каждым годом, успехи советских атлетов вызывают гордость, а большинство спортивных журналистов борцов как бы не замечают. Обидно. Очерков, статей, книг о нашем виде спорта очень мало.

Рассказывая о себе, мне очень хотелось показать доступность борьбы, ее демократичность, красоту мужского единоборства. Спортивная борьба — это отражение жизни с ее печалями и радостями, где приходится отстаивать свои принципы, идеалы, спорить с оппонентами, доказывать свою правоту.

Удачлив ли я? Счастлив? Пожалуй, да. Спорт стал частью моей жизни, вернее, не частью, а делом всей жизни. Чтобы стать знаменитым спортсменом, немало пота надо пролить. Мой путь к вершинам был труден и тернист. Но я об этом не жалею. Мне бы очень хотелось, чтобы его смогли повторить тысячи мальчишек, увлеченных борьбой. Говорят, на примерах учатся. Буду рад, если после прочтения этой книги кто-то заспешит записаться в секцию, кто-то, повзрослее, примется за тренировки с удвоенной энергией.

Чемпионами не рождаются — ими становятся. Мне в

этом помогли многие люди. Поэтому я считаю, что должен рассказать о тех, кто шел рядом со мной, кто был и остается мне другом. О тренерах, воспитателях звезд нашей борьбы я просто обязан рассказать. Только жаль, что настоящих тренеров и прекрасных атлетов у нас очень много, и о всех не расскажешь. Пусть на меня не обижаются те, кто остался «за кадром».

Олимпиада в Сеуле принесла еще один триумфальный успех советскому спорту. И в этой прекрасной общей победе есть и заслуга сборной страны по вольной борьбе.

Нелегкая жизнь у главного тренера сборной. Давит груз ответственности. Мы, борцы, не имеем права отступать с завоеванных позиций, должны думать о том, как сохранить победные традиции.

Помочь написать книгу взялся журналист Владимир Голубев, с которым я познакомился в 1970 году в Махачкале, где выиграл золотую медаль чемпиона страны. Была весна, хорошее настроение. Гулял с товарищем по городу, зашли в кафе пообедать. За одним столиком с нами сидел молодой парень. Разговорились. Оказалось, что он журналист из «Советского спорта» и тоже впервые приехал на чемпионат СССР по вольной борьбе.

С того дня началась наша дружба. Встречались на чемпионатах мира и Европы, на больших турнирах. И в гости ко мне в Сизую Голубев приезжал.

Мастер спорта по гимнастике, Владимир хорошо понимает суть спорта, его людей. И о борьбе он пишет увлеченно, с любовью. На соревнованиях он был всегда рядом с нами, у ковра, в раздевалках, в тренировочном, пропахшем потом зале. Не приставал с расспросами, не «тянул душу» накануне поединка. Он не только болел за нас, но как бы сам выходил на ковер. Мы это чувствовали и доверяли корреспонденту полностью.

Заметки Владимира о борьбе, его мнение о спортсменах и тренерах, заметки о наших национальных школах борьбы тоже найдут отражение на страницах этой книги.

ВЛАДИМИР ГОЛУБЕВ, КОРРЕСПОНДЕНТ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКИЙ СПОРТ».— Почему решил взяться за книгу именно с Иваном Ярыгиным? Потому, наверное, что это не только феноменальный борец, но и замечательный человек. Душа команды, гордость нашей вольной борьбы.

Журналистские тропы сводили меня со многими людь-

ми. Многих вспоминаешь с теплотой, с доброй улыбкой. Каждая же встреча с Иваном Ярыгиным лично меня делала счастливым, радостным, если хотите, чище. Человек удивительной доброты, честности, прямоты, Ярыгин прост в разговоре, в поступках. В нем все открыто — и душа, и мысли, и действия. Богатырская мощь, статность, неимоверная физическая сила. Это внешне. И в то же время он очень чуткий, ранимый, бережно относится к друзьям, беззаветно любит землю, Сибирь, родителей, жену, детей.

Его уважают все, с кем он прошел трудные дороги многих турниров. Я видел, как тянулись к нему ребята из команды, как сами тренеры старались в минуты тяжких испытаний быть поближе к Ивану. Ибо от Ярыгина всегда исходили «токи» необычайной теплоты, спокойствия, уверенности. С ним было не страшно даже проигрывать. Казалось, что этот русский чудо-богатырь поведет плечом, вынет из ножен меч-кладенец, и все соперники полягут враз на поле боя, то бишь на ковре из красивого синтетического материала.

Я помню его фантастические выступления на чемпионате Европы-72 в Катовице, на чемпионате мира-73 в Тегеране, на Кубке мира-80 в Толидо. Популярность Ярыгина просто поражала. Джеймс Кук, репортер небольшой газетки в Толидо, показывая мне фото культуриста и актера Стива Ривса, который играл в кинофильме «Подвиги Геракла», говорил, что «ваш Ярыгин лучше Ривса».

Сколько мы с Иваном переговорили за годы нашей дружбы! И в гости я к нему ездил в Шушенский район, в далекую таежную деревню Сизую, и в Красноярске бывал, и в Абакане, познакомился с тренером Чарковым, искателем талантов, и на сборы ездил. И очень переживал за Ивана, когда он не попал на свою третью Олимпиаду в Москве. Но сам Иван был как всегда честен: «Илья Мате из Донецка оказался тогда сильнее меня. Он настоящий олимпиец. Я желаю ему только «золота».

Ярыгин трудно рассказывает о себе. Не любитель он громких слов. Но в его простом искреннем жизнеописании вы найдете немало примеров для подражания. Ибо настоящий спортсмен — это открытый учебник для юного поколения. А Ярыгин — настоящий спортсмен!

Возглавив в 1981 году сборную СССР, Иван Сергеевич Ярыгин с его огромным авторитетом органично вошел в

коллектив, не возвысился над ребятами, с которыми сам выступал, стал для них старшим товарищем, заботливым другом, знающим специалистом. С ним по-прежнему было спокойно и уверенно. За эти годы наша команда добилась прекрасных результатов. Но и трудности у нее тоже были. Ведь гладкой дороги нигде, никогда не бывает.

Итак, мы начинаем...

...ТОЛЬКО САМОЛЕТОМ МОЖНО ДОЛЕТЕТЬ

К своей третьей Олимпиаде я решил готовиться по особому графику. Чувствовал, что в 32 года уже потерял былую скорость, не все теперь удавалось и в технике, в сложных комбинациях приемов. Были и серьезные проигрыши соперникам. Нелегко отдавать место в олимпийской команде. Отступить, спасовать, не дать настоящий бой, нет, это был не мой принцип.

За год до Олимпиады, на всесоюзных спартакиадах, как правило, определяются основные кандидаты на этот самый главный турнир четырехлетия. И я понимал, что на VII летней Спартакиаде народов СССР надо приложить все силы ради достижения цели.

Когда мне бывало особенно трудно, когда хотелось по-настоящему отдохнуть, я улетал на вертолете на свою любимую заимку в глухой тайге. Также перед важными событиями в своей жизни. Я уходил в глухомань — побродить с ружьем по непролазной чаще, поохотиться на медведя, половить свежей рыбы в свирепой горной речке. Там, в тайге, ко мне приходило то удивительное ощущение силы, здоровья, когда «тянет на подвиги». Проснешься на зорьке, выйдешь из палатки, потянешься с хрустом, увидишь сопки в тумане, могучие ели и сосны,— и ты уже заряжен мощью и бодростью.

Вот и летом 1979 года я взял своего закадычного друга Виктора Попова и махнул с ним в тайгу. О, это знаете, как далеко! Знакомые вертолетчики подхватили нас в Дивногорске и «сбросили» за несколько сот километров от этого чудо-города.

Восемь дней пролетели как один. Мы делали огромные марш-броски в поисках медведя или какой-нибудь дичи для пропитания и возвращались на заимку. Короткий сон на чистейшем воздухе восстанавливал силы. Потом боролись на влажном речном песке.

Попов выдающихся успехов не достиг, стал только мас-

тером. Но он крепок, ловок, кряжист, «бронебоен». Добродушный, улыбчивый, товарищу все отдаст. Виктор мне очень помог — я отрабатывал с ним свои коронные приемы.

Я отлично понимал, что мне надо подготовить что-то необычное для Ильи Мате и Левана Тедиашвили, основных соперников на Спартакиаде. Тревожила меня и встреча с чемпионом мира среди юниоров Магомедом Магомедовым из Махачкалы. Видел я его на ковре, подивился крепости фигуры, силе рук.

Короткий сбор команды Российской Федерации — и мы уже в столице Родины. Спартакиада!

Спартакиадный турнир был для меня третьим по счету. Мне он запомнился больше всех. Москва жила приближающейся Олимпиадой. Среди спортсменов и тренеров разговоры шли только о ней. Волновались все больше обычного. Нам, борцам, доверили первыми опробовать будущие олимпийские сооружения. Когда мы осмотрели футбольно-легкоатлетический комплекс ЦСКА, восхищению нашему не было предела. Сколько света, воздуха! Какой блестящий помост. Признаться, за все годы пребывания в спорте мне не доводилось еще выступать в таком просторном зале. Но придется ли мне бороться здесь во время Олимпиады?

Все дни, все тренировки перед соревнованиями были уплотнены до предела. Не покидало ощущение праздника, праздника грандиозного, всенародного. Приехали зарубежные спортсмены. Много было старых знакомых. Сердце билось — и впрямь генеральная репетиция Олимпиады.

С удивлением узнал, что Тедиашвили выступать не будет, хотя было известно, что он тоже хочет попытаться на Спартакиаде проторить себе дорогу на олимпийский ковер.

За поединками полутяжеловесов зрители наблюдали с особым интересом. А журналисты окрестили наши соревнования «битвой гигантов». Да и то сказать, в полутяжелом весе у нас всегда были отличные борцы. Взять хотя бы второго призера Олимпиады-56 Бориса Кулаева или обладателя Кубка мира-56 Анатолия Албула. И Александр Медведь, между прочим, чемпионом Олимпийских игр в Токио стал в полутяжелом весе.

А Шота Ломидзе? Уникальный атлет! Сколько он бился с выдающимся Ахмедом Айиком из Турции — на чемпионатах мира, в турнирах. И проигрывал, и побеж-

дал. Жаль, конечно, что уступил турку на Олимпиаде в Мехико...

...Провел несколько очередных встреч, а меня уже «поджидал» Магомед Магомедов. Плотный, вязкий атлет, с прекрасной фигурой. Я чувствовал его силу, старался «пробить» его защиту, но Магомед ловко избегал клинча. Устав, я «зевнул» быстрый проход в ноги — проиграл балл...

Неужели все кончено? Неужели пора прощаться с ковром? Можете понять мое состояние. Конечно, рассуждал я, пришел черед молодых ребят — Мате, Магомедова. Время — жестокий соперник. Раньше меня боялись, теперь я уже с опаской жду поединка с Мате. Хотя внешне в нем-то как раз нет ничего устрашающего — обычный парень, мышцы не выпирают, ходит вразвалочку, руку жмет вяло. Но все это обманчиво. На ковре он пружина, стальная пружина, и техника отменная. Илья блестяще выиграл у Магомедова. Поединок из классических. Сложится ли у меня с ним встреча?

Не сложилась...

Удрученный, читал я комментарий Юрия Аванесовича Шахмурадова к схваткам полутяжеловесов: «Победа победе рознь. Мате добился ее в исключительно сильной компании. И как бы утвердил свой статус сильнейшего. Да, он чемпион Европы 1979 года, чемпион страны прошлого сезона. Все это так. Но именно на Спартакиаде он доказал, что предыдущие его успехи не были случайностью. И я уверен, что можно сказать: Спартакиада подарила нам еще одного Мастера с большой буквы. Что главное в манере его борьбы? Он почти не делает ошибок. Его ходы на ковре нестандартны, сопернику трудно предположить, что сделает он через мгновенье.

И вообще в весовой категории собрались отличные борцы — Мате, Ярыгин, Бисултанов, Магомедов. Хочется верить, что не сказал последнего слова Тедиашвили. Сегодня лучше всех все же Мате. Он готов к борьбе за медали самой высокой пробы на Олимпиаде».

Как видите, Шахмурадов как бы назвал борца, который выступит на Московской Олимпиаде. Может быть, действительно стоит на все махнуть рукой и смириться с тем, что появился классный атлет в нашем полутяжелом весе? Но уходить с ковра не хотелось, да и гордость не позволяла. Ведь будут же еще турниры, почему бы не попробовать посражаться за третью олимпийскую

путевку? Ведь и на предыдущей Спартакиаде у меня была «бронза», а все-таки поехал в Монреаль. Конечно, сейчас меня могут выручить только победы. Поговорил с Леваном Тедиашвили, и тот не собирался сдаваться. На чемпионат мира уже не попасть, а вот в будущем году надо выложиться полностью.

Я решил дать себе передышку. Побывал дома, в Красноярске, повидал жену, дочку, сына, а потом поехал к маме, в Сизую. Заглянул и в Абакан, к Владимиру Ильичу Чаркову. Там неожиданно встретился с Владимиром Голубевым и пригласил его поехать со мной в Сизую.

В. ГОЛУБЕВ. В то время я получил редакционное задание написать серию репортажей о наших известных борцовских центрах. Путешествовал вместе с заслуженным тренером РСФСР Ильей Токмаковым, который в то время был старшим тренером общества «Урожай». Побывал в Якутии, Бурятии, Красноярске, в Абакане. Знакомился с работой детских спортивных школ, с тренерами, которые в глубинке воспитывают замечательных борцов.

Давно мечтал подружиться с Владимиром Ильичом Чарковым, первым тренером Ярыгина. Вот и довелось. Понравился он мне. Коренаст, плотен. В лице что-то монгольское, глаза жгучие. Веселый человек, балагур. Знает много потешных историй. Гостеприимен, щедр. Собиратель книг, дома у него большая библиотека. Знаток и ценитель искусства, да и понятно: жена — режиссер местного драмтеатра.

Чарков возил нас в отдаленные села, где в маленьких зальчиках с энтузиазмом тренируются ребятишки. Сам же Чарков возглавлял центральную борцовскую школу.

Когда Владимир Ильич сказал, что Иван на своей машине едет в Сизую и предлагает нам прокатиться туда с ним, уговаривать нас долго не пришлось.

Утром пустились в дорогу. «Волга» Ярыгина и «Жигули» Чаркова мчались по ровному, как стол, шоссе. Поля, бесконечные поля, оросительные системы. Мелькали аккуратные деревушки. И только на горизонте голубели Саяны, напоминающие выжженные солнцем Крымские горы. Шоссе проложено вдоль Енисея, и трудно оторвать взгляд от этой широченной водной дороги с крутыми берегами.

Токмаков предложил заехать в Минусинск — там в

сельскохозяйственном техникуме «поднимала голову» секция дзюдо и самбо. Когда-то место ссылки революционеров, город встретил нас большим количеством башенных кранов у строящихся домов. Ветхие домишки стыдливо прятались за новенькими восьмиэтажками.

Тренер техникума Владимир Щедрухин нам обрадовался. Повел на занятия своих учеников. С гордостью показывал пожелтевшую вырезку из «Советского спорта», где были перечислены чемпионы страны по самбо среди молодежи и красным карандашом подчеркнуто: «Д. Вишневский (Минусинск)».

Зал у Щедрухина совсем никудышный, в подвале, ковры старые, рваные. Но видно, трудится человек с азартом. Мечтает он воспитать сильного мастера. Между прочим, в 1987 году чемпионом страны по дзюдо стал минусинец Сергей Космынин. Я поздравил Щедрухина и напомнил ему о встрече в 1979 году.

Еще четыре часа пути, и показалось Шушенское, где мы, разумеется, не могли не остановиться. Осмотрели мемориальный комплекс «Сибирская ссылка Владимира Ильича Ленина». Музей содержится в отличном состоянии, все чисто, очень много вещей и документов. И множество туристов. И сам поселок ухоженный, современный. Когда-то здесь молодой Ульянов, катаясь на коньках, вызывал всеобщее удивление. А теперь в Шушенском два стадиона, спортшколы, пять стрелковых тиров.

К вечеру снова сели в машины. Проехали немного, и вдруг перед нами выросли скалы. Шоссе совсем придвинулось к Енисею, потом стало уходить в сторону. Мы съехали на проселочную дорогу и навстречу задымили соляркой тарахтящие самосвалы, груженные доверху древесиной.

Скалы нависли над нами, даже стало как-то жутковато. Можно было видеть, как домашние козы легко прыгают с уступа на уступ. Чем же они здесь питаются? Пожухлой травкой?

А вот и знаменитая по рассказам скала Хабас, в профиль напоминающая «Говорящую голову» из поэмы «Руслан и Людмила». Вспомнились стихи Евгения Антошкина:

Валун-Гора,
Как след Миротворенья...
Здесь, кажется,
Притихли лишь вчера
И ледника незримое движенье,
И каменная пляска топора

Ты приглядись,
Она тебе напомнит
Застывший взгляд холодного лица.
На ней следы
Прошедших лет
И молний,
И клинопись победного резца.
...Судить о всем
Мы, может быть,
Не вправе,
Но все-таки
За вереницей лет
Гляди,
Гляди,
Мечтающий о славе,
Какой ты на земле
Оставишь след.

Наконец увидели вывеску «Верхне-Енисейский леспромхоз». В леспромхозе работали Иван, его братья, отец Сергей Николаевич. Проползли мимо деревушки по коричневым от опилок лужам, подъехали к маленькому кладбищу. Печальный дали гудок. Вышли поклониться могилам Сергея Николаевича и его сына Василия. До последних дней жизни трудился Ярыгин-старший, лес валил, от молодых не отставал. Но в черный вторник здоровенный разлапистый кедр придавил своими клешнями Сергея Николаевича. Не дожил он до своего 70-летия совсем немного...

Дом Ярыгиных стоит на отшибе. Весело бежали нам навстречу собачонки, козочка, симпатичная хрюшка, мычала корова. Евдокия Павловна, счастливо улыбаясь, приговаривала: «Ванечка, сыночек, кровинушка моя!» Эта простая русская женщина воспитала десятерых детей, она награждена орденом «Мать-героиня». Под шестьдесят уже, а чувствуется былая статность и огонь. Хлопотала, помогая матери накрывать на стол, сестра Ивана Надежда, приехавшая с дочкой погостить.

Иван, раздевшись до пояса, пошел показывать нам хозяйство — дворик, баньку, огород. Голова кружилась от чистейшего горного воздуха. Прямо за огородом шумела, пенилась речка Голубая с холоднющей горной водой. Мы пили эту воду, уставшие с дороги, прямо из пригоршни и не могли оторваться, хотя сводило зубы.

Знатную баньку устроил нам Иван! Штук десять веников извел.

...Иван Ярыгин родился 7 ноября 1948 года, седьмым по счету ребенком в семье. Отец был невысок, но кряжист, силен, в кости широк. И дети пошли в него — ладные, статные, белолицые, волосы с рыжинкой. Все с малых лет помогали по хозяйству — косили траву для домашнего скота, рубили лес, работали в кузнице. А охота была семейной страстью. Да как здесь не охотиться — в этой дремучей тайге!

Иван всех ростом и силой перещеголял. В пятнадцать лет мог с любым мужиком из леспромхоза на поясах схватиться.

В школу Ярыгины ходили за три километра. Летом — бегом или на велосипеде, зимой — на лыжах. Иван всегда возвращался позже всех — после уроков дотемна гонял с ребятами в футбол на школьном пустыре. И был он в команде не нападающим, а вратарем. И то сказать: рослый, цепкий, верткий, стоит такой верзила в воротах, и кажется, что не забить ему гола, из любого угла мяч достанет.

Сергей Николаевич не одобрял увлечения сына футболом. Часто сердился: «Чем ногами дрыгать, лучше дров пойди наруби. И уроки садись учить. Это полезнее будет...»

Когда Иван окончил школу, то с разрешения родителей поехал в Абакан — поступать в автошколу, учиться на шофера грузовых автомашин. Поступил. Дали койку в общежитии.

Изучал шоферское дело прилежно. И радовался тому, что мог часами играть в футбол. Команда автошколы участвовала в первенстве Абакана, и все шло к тому, что будущим шоферам «светило» призовое место.

Во время одного такого матча увидел Ярыгина тренер местной борцовской школы, Владимир Чарков. Зашел на стадион случайно, глянул на вратаря и обомлел: «Вот это богатырь! Какой футбол, какой мяч! Да ему же цены не будет на ковре!»

Подбежал в перерыве Чарков к Ивану, начал уговаривать: так, мол, и так, я тренер по вольной борьбе, приходи ко мне на занятия, больших успехов достигнешь.

Но Иван и слышать не хотел ни о какой борьбе, футболом бредил.

Задумался Чарков: как же парня борьбой увлечь? Не отставал от Ярыгина, в автошколу к нему ходил, в

общежитие, все уговаривал: «Иван, ну ты хоть попробуй. Не понравится в зале — уйдешь. Никуда твой футбол не денется. Я тебе как специалист говорю, ты создан для вольной борьбы. Силища-то у тебя какая! Неужели не хочешь стать чемпионом мира?»

Иван в конце концов согласился прийти в спортшколу. Одно занятие, другое, месяц тренируется, вроде понравилось. На первенстве Хакасии среди юношей Ярыгин занял последнее место: мало приемов знал. Очень расстроился. Разочаровался в борьбе.

Приехал в Абакан Сергей Николаевич: «Собирайся, начинаются каникулы. Надо семье помочь. Есть хорошая работа. Поплывем в верховья Енисея на лесозаготовки. Заработки обещали солидные».

Иван ничего Чаркову не сказал, уехал в Сизую, не попрощавшись.

Владимир Ильич очень расстроился, когда узнал, что Ваня домой отправился. Пошел к директору автошколы, узнал адрес леспромхоза и помчался туда, как говорится, на перекладных. Разыскал дом Ярыгиных, но ни Ивана, ни отца не застал. Начал Евдокию Павловну расспрашивать, где работают отец и сын. А она твердит одно: «Уехали в тайгу, далеко. Деньги на жизнь зарабатывают. А где, не знаю».

Пошел тогда Чарков к директору леспромхоза. Выяснил все-таки, в какую сторону Иван с отцом уехали. Упросил одного парня дать ему моторную лодку и двинулся вверх по Енисею. Километров 170 проплыл, должен был уже лесозаготовителей найти, но никаких следов не видно. Неужели все тщетно?

Разбитый, усталый, Владимир Ильич хотел поворачивать назад, как вдруг увидел на берегу Ваню с удочкой. Подивился Иван настойчивости тренера, извинился перед ним. Согласился снова вернуться в спортшколу, да вот отпустит ли отец?

Чарков приготовился к «битве» с Сергеем Николаевичем. Но тот неожиданно легко уступил, правда, поворчав немного: «Конечно, баловство все это. Какой из него спортсмен? Вот лес валить он умеет. Но если такое дело — пусть тренируется, не подведи, парень, нашу семью».

Вернулись Чарков и Ярыгин в Абакан. Горячо взялись за дело. Три месяца тренировок. Пора было и на турнире себя испытать. Проводились раньше такие со-

ревнования — назывались «Открытый ковер». Проходили они в Красноярске. Там впервые и увидел Ярыгина тренер Дмитрий Георгиевич Миндиашвили. Наметанным глазом сразу определил: этот богатырь далеко пойдет. Поговорил с Чарковым, который стал его просить взять к себе Ивана: «Иван должен тренироваться у тебя. В Красноярске борцовская школа большая, а у меня ему и соперников-то нет Славный парень, поверь».

И. ЯРЫГИН. Но не сразу я в Красноярск перебрался. Надо было автошколу закончить. Между прочим, этот турнир, «Открытый ковер», я до сих пор помню в подробностях. В январе 1966 года морозы были жестокие — 45 градусов. Самолеты не летали, и в Красноярск мы отправились поездом. Из-за заносов были задержки в пути. И появились мы в Красноярске только к концу турнира, уже и финалисты определились.

Мы очень расстроились, но организаторы соревнований над нами сжалились: провели показательные встречи новичка Ярыгина с чемпионом края в тяжелом весе. Я так понял, что на меня хотели посмотреть тренеры, это они такую идею подсказали. Один поединок я выиграл, другой проиграл. Ко мне подходили тренеры, поздравляли. Представили меня и Дмитрию Миндиашвили, старшему тренеру Красноярского края по вольной борьбе.

Поговорили с ним, и он мне сказал, что надо мне перебираться в Красноярск, где и зал отличный, и борцы моего веса тоже есть.

Через день мы должны были возвращаться в Абакан. Но тут один из тренеров по классической борьбе упросил Чаркова отпустить меня в Бийск. Владимир Ильич посчитал, что мне лишний турнир не повредит. И вот на юношеских состязаниях я выиграл у «классиков». Да еще мне вручили приз за лучшую технику Я удивился — какая у новичка техника, просто я своих соперников одной силой рук «гнул». Можете себе представить, как начал тот самый тренер, с которым я поехал в Бийск, уговаривать меня заняться классической борьбой, сулил золотые горы. Не поддался я уговорам, сказал, что вольная борьба мне больше нравится.

Вернулся я в Абакан, продолжил тренировки. По вечерам на мясокомбинате подрабатывал чернорабочим, тяжеленные тележки с тушами возил по цехам. И не уставал. Силу в себе чувствовал отменную. И думал, что

на юношеском первенстве страны, к которому я готовился, легко у всех выиграю. Как я жестоко ошибался!

В Баку, на первенство СССР, я полетел в составе сборной России. Для меня такая далекая поездка была первой в жизни. Впервые увидел море. Все мне казалось диковинным.

Признаться, далеко от дома чувствовал себя подавленно. Проиграл две встречи и выбыл из турнира.

Я был просто убит горем, хотел все бросить. Но Владимир Ильич стоял на своем: «Поражения тоже учат. Видишь, какие есть тяжеловесы? Быстрые, выносливые. Ты сильнее их физически, а они техничнее тебя. Вывод простой — тренироваться и тренироваться. И не унывать. Я в тебя очень верю. Поэтому и дал согласие на то, чтобы ты переехал в Красноярск, к Миндиашвили. Он отличный тренер. Так что собирайся. Там тебя ждут».

, И я полетел в Красноярск. Меня устроили слесарем на шинный завод (я действительно там работал), а жил в доме Дмитрия Георгиевича. Красноярск — город красивый, шумный, рабочий. Трудно было привыкнуть к суете, и через месяц я запросился в Сизую, родителей навестить. Миндиашвили разрешил съездить туда на недельку.

Что и говорить — тренировки в школе Миндиашвили были интенсивнее и разнообразнее. Нагрузки увеличились почти втрое. Я занимался с мастерами спорта, жадно изучал новые приемы, броски.

Чарков не раз прилетал в Красноярск, следил за моими успехами. А результаты и вправду появились. Я уже обыгрывал на тренировках взрослых атлетов.

Знаю немало борцов, которые забывали своих первых тренеров. Уедут в другой город, пойдут в гору, а новый наставник себе славу приписывает. Ученик же не возражает.

Мы сразу же с Миндиашвили договорились: на соревнованиях при заполнении анкеты в графе «тренер» писать — В. Чарков, Д. Миндиашвили. И так было всегда. Вот поэтому, когда я стал заслуженным мастером спорта, олимпийским чемпионом, Владимиру Ильичу Чаркову было присвоено звание «Заслуженный тренер СССР». А потом это звание получил и Миндиашвили.

Пришло время служить в армии. Меня призвали в Новосибирский округ. Как перспективному спортсмену мне разрешили проходить службу в спортивной роте. И я в

основном жил в Красноярске, то в казарме, то у Миндиашвили.

Вспоминая те годы, я думаю прежде всего о Миндиашвили. Он увлек меня и других своих учеников большой целью. Он уверенно заявлял: «Ярыгин будет чемпионом страны. И на Олимпиаде победит». И ребята надо мной при этом подтрунивали, а я очень смущался.

Мы все бредили борьбой, занимались с упоением. Каждый спортсмен проходит этот «черновой отрезок», когда идет адская работа в зале. Конечно, не все выдерживали нагрузки, уходили из группы ребята. Миндиашвили не печалился: «Это ушел не настоящий сибиряк».

Помню, мы нередко с Миндиашвили просыпались ночью, как по команде. И говорили часами, до первых петухов. Мы увлеченно мечтали о будущих победах. Дмитрий Георгиевич рассказывал о себе, о своей жизни. Мы могли ночью прямо у кроватей провести небольшую тренировку, если Миндиашвили приходила в голову новая идея.

В Мехико шла Олимпиада. Раскрывая газеты, мы, конечно, выискивали репортажи о турнире борцов. Я рассматривал фотографии Александра Медведя, Бориса Гуревича, Шота Ломидзе. И думал: «А попаду ли я на следующие Олимпийские игры?» Но пока еще и не мыслил себя на олимпийском пьедестале. Тогда я готовился к молодежному первенству страны в Риге. Сбор проходил там же. Должен был выступать в полутяжелом весе, но тренеры сборной России попросили меня перейти в тяжелую категорию, где боролись атлеты, которые весили больше 97 килограммов. Во мне же было 95. Я приналег на еду, по рекомендации врача много пил молока, соков.

Все удачно для меня сложилось в турнире. В финале выиграл даже у Нодара Модебадзе, которого уже тогда называли восходящей звездой, новым Александром Медведем. Мне очень понравилось выступление тбилисца Левана Тедиашвили, он тоже завоевал «золото» — в категории 78 кг. Поразил он меня своей техникой: применял целые каскады хитроумных бросков. Миндиашвили объяснил мне, что Леван занимался национальной борьбой «чидаоба», поэтому так ловко владеет приемами ногами. Я познакомился с Тедиашвили. С того для мы стали друзьями на всю жизнь.

...Через год — международные соревнования в Минске, которые назывались «Олимпийские надежды». Молодые зарубежные соперники оказались для меня «легкой добычей», но я очень волновался, ведь это был первый международный старт.

Перед самой демобилизацией послали меня еще на одно молодежное первенство, в Ереван. Дошел до финала В решающем поединке встретился с парнем из донецкого села Староигнатьевка Алексеем Атамановым. Проиграл Досталось мне второе место.

Но я не очень огорчился. Мыслями уже был в Красноярске, на гражданке. И в ноябре снова стал рабочим человеком — слесарем шестого разряда в цехе подготовки на шинном заводе.

Появились первые интервью со мной в местных газетах. Теперь и я слышал разговоры о том, что «Ярыгин — надежда сибиряков Красноярского края, что на его примере спортом заинтересуются тысячи ребят из таежных деревень».

Жизнь шла своим чередом. Начал выступать во взрослых турнирах. В 1970 году выиграл звание чемпиона России, которое в то время высоко ценилось знатоками, а потом отправился на «настоящее первенство Союза» — в Махачкалу. Это был апрель, море уже было теплым, а солнце жгло немилосердно.

В Дагестане все соревнования проводятся на воздухе, на республиканском стадионе. Ставят помост, расстилают ковры на футбольном поле. Трибуны заполняются за три часа до начала схваток — борьбу в республике очень любят. На турниры съезжаются со всего Дагестана. Я был просто поражен таким интересом к борьбе. Здесь и убеленные сединами старцы в каракулевых папахах, и чабаны с горных пастбищ, и множество ребятни — такое пестрое зрелище представляли трибуны.

Для меня тот чемпионат в какой-то мере стал поворотным в судьбе. Я абсолютно не загадывал победить, знал, что слишком сильны «полутяжи», среди которых особенно выделялся титулами неоднократный чемпион Европы Владимир Гулюткин. Да и другие бойцы подобрались не хуже — Владимир Капошкин, Эльбрус Икаев, Семен Лисафин. Дебютировал и мой «обидчик», Леша Атаманов.

Признаться, я впервые попал в обстановку, когда во время поединков не слышишь своего голоса — такой стоял

шум на стадионе. Да, болеть дагестанцы умеют не хуже бразильцев. Ажиотаж подогревался еще и тем, что махачкалинец Али Алиев, пятикратный чемпион мира, решил последний раз выступить на чемпионате и распрощаться с ковром. Организаторы запланировали Алиеву пышные проводы, и всем хотелось, чтобы кумир, гордость республики, победил.

Не скрою, мне были приятны аплодисменты зрителей, когда я «расправлялся» с очередным соперником. Да что там аплодисменты — буря восторгов обрушивалась на тебя. Голова шла кругом.

Дмитрия Георгиевича в Махачкале не было, его вызвали в Москву для подготовки к турниру в Болгарии. Это осложнило мне задачу, ведь советы давали другие тренеры. Но чувствовал я себя отменно — был в хорошей форме.

По мере приближения к финалу я все больше обретал уверенность. С каждой удачей я окрылялся, хотя о золотой медали старался не думать. На третий день турнира я понял, что в последнем поединке предстоит встреча с Владимиром Гулюткиным, который тоже шел без поражений. Гулюткин был широк в кости, и казалось, что в нем не сто килограммов, как положено, а все 120. Нет, он не увалень, наоборот, прекрасно сложенный атлет, расчетливый боец, цепок, хитер, прекрасно владеет зацепами и подсечками.

Конструировал ли я особую тактику на схватку с ним? Нет, принципиально отказался от этого, меня тогда влекла романтика открытой борьбы, без всяких разведок и ухищрений. Правда, раньше мы с Миндиашвили обсуждали возможный поединок с Гулюткиным. Выискивали у него слабые стороны, пробелы, да так ни к чему определенному не пришли. Он был хорош и в атаке, и в защите.

Финалы проходили в субботу. Нещадно палило солнце. На стадионе творилось что-то невообразимое. Болельщиков прорвалось так много, что те, кому не досталось места на трибунах, плотным кольцом окружили три ковра. Милиция беспомощно разводила руками, никакие угрозы не действовали. Организаторы посовещались и решили не срывать чемпионат. Но нам, борцам, очень трудно было выходить на ковер — как протиснуться сквозь строй «аэродромов»?

Владимир был внешне спокоен, щурился на солнце,

поглядывал по сторонам. Он считал меня, вероятно, зеленым новичком, которому надо вовремя дать отпор. Да, он был гораздо опытнее меня.

Мы не осторожничали. Без разведки ринулись друг на друга. Я сразу почувствовал решимость соперника — он опережал меня в захватах, швунговал, дергал, бил широкой ладонью по шее. Я не отступал, но никак не мог наладить дыхание. Ринулся в ноги, а Владимир зацепил левой ногой мою правую, и я в броске перевернулся в воздухе и сумел встать на «мост».

Рев на стадионе. Уверен, что многие подумали — это конец для Ярыгина, сейчас его Гулюткин дожмет. Ох, неприятная эта штука — стоять на «мосту». Соперник наваливается всем телом, и лопатки медленно приближаются к обжигающему ковру. Около минуты он меня дожимал, потом чуть перехватил руки, и в это мгновение я сумел перекатиться на живот.

Отдышался, прикинул, что многовато баллов уступил. Пожалуй, проиграл. Но серебряная медаль тоже неплохо для дебютанта.

И вдруг понял, что публика-то болеет за меня! Ведь когда стоял на «мосту», рев внезапно прекратился, и я услышал, именно услышал, удивительную тишину. Что тут объяснять мое состояние, поддержка зрителей многое значит. Я был благодарен знатокам борьбы. Конечно, в этом есть определенный нюанс: всем хотелось сенсации — новичок обыгрывает титулованного атлета.

Минута на перерыв. Второй период. Я вижу, как соперник раздосадован, злится на себя за то, что «упустил» верную победу. Он становится агрессивнее, ему удается два или три раза поймать меня на контрприемах и перевести в партер. А это значит, потеряны еще три балла.

Я знал, что у Гулюткина есть коронный бросок прогибом. И опасался его, хотя и сам научился неплохо выполнять этот прием. Чувствовал, что соперник в порыве азарта пойдет на этот в общем-то рискованный бросок. Надо быть в себе очень уверенным, чтобы использовать его.

Гулюткин вошел в захват, потоптался и резко откинулся назад. По огромной дуге мы долго, очень долго летели на ковер. И здесь решающим фактором оказалась сила моих рук, которыми я успел буквально скрутить тело Владимира. И теперь уже я накрыл его в воздухе

и поставил на «мост». Через двадцать секунд лопатки Гулюткина коснулись ковра.

Я подскочил, как ужаленный. Я что-то кричал. Однако у меня хватило такта помочь подняться Владимиру. Он мотал головой, мычал, ничего не понимая. Болельщики в восторге выскочили прямо на ковер и на плечах унесли меня в центр футбольного поля. Все кричали: «Мужчина!»

Первое, о чем я подумал, так это о том, как будут радоваться Дмитрий Георгиевич, Владимир Ильич, отец, братья моей победе. Чемпион Советского Союза Иван Ярыгин!

Сидел вечером в гостинице в окружении тренеров, ребят из нашей команды. Вспоминали схватки, давали оценку победителям. А я все время мысленно представлял улыбающееся лицо Миндиашвили. Это он из меня настоящего борца сделал. И приятно было слышать: «Вот еще и в Красноярске сильная школа борьбы появилась. Школа Миндиашвили».

Миндиашвили — человек счастливой судьбы. Но ведь счастье не само приходит, его завоевывают. Миндиашвили из породы бойцов. Если что задумал, обязательно добьется. Теперь у него огромная борцовская школа со своими филиалами в городах края. Выросли в ней чемпионы мира Виктор Алексеев, Владимир Модосян, большое количество чемпионов страны. Двадцать три года мы с ним неразлучны. Кто бы мог подумать, что он будет у меня под началом — я главный тренер сборной, а Дмитрий Георгиевич один из тренеров команды. Живу я в Москве, а Миндиашвили по-прежнему в Красноярске. Но мы почти весь год вместе — то сборы, то чемпионат мира и Европы, Кубки мира. И я продолжаю у него учиться, несмотря на то, что «главный». Характер у него не простой, он не ангел. Всякое между нами бывало. Но мы верны друг другу.

Какой он, Дмитрий Георгиевич Миндиашвили, «дедушка Мито», как он себя в шутку называет? Он действительно дедушка: ему 55 лет, у него есть внуки. Но пусть он сам о себе расскажет в монологе «От Чалаубани до Красноярска».

«Никогда не думал и не предполагал, что жизнь свою отдам спорту, стану тренером, буду воспитывать чемпионов. Да где? В Красноярске!

Правда, борцом я был еще в детстве. В нашем селе Чалаубани Гурджаанского района каждый мальчишка

знал приемы «чидаобы». Кто не может постоять за себя — тот не джигит, не мужчина.

Алазанскую долину в Кахетии все, конечно, знают. Вот там я рос, пас отары овец, рано утром гнал их в горы. Старые чабаны звали меня Мито «мцноби», что значит шустрый, смелый. Мне нравилось бродить в горах с отарой, волков не боялся. И в борцовских поединках на сельских праздниках не последним был.

Какая самая большая мечта была у пацанов послевоенных лет? Выучиться на шофера. Вот эту мечту я и осуществил — в Тбилиси поступил на курсы водителей. Но недолго гонял я на грузовике по столице — настала пора идти в армию. И на службе стал водителем военной машины.

В 1955 году прочитал призыв комсомола ко всей советской молодежи ехать на ударные стройки Сибири. Я загорелся, с нетерпением ждал демобилизации.

И вот по комсомольской путевке поехал строить железнодорожную линию Абакан — Тайшет. Тогда об этой ветке писали во всех газетах.

В сибирскую природу влюбился сразу — просторы, размах! Мне все было нипочем — ни морозы, ни мошкара, ни болота. Я попал в механизированную колонну № 65. Работали Днем и ночью. Но я не стонал. Дело молодое, все шло в охотку.

Строил я и Красноярскую ГЭС, и знаменитый Коммунальный мост через Енисей, и дорогу на Дивногорск. Это — когда перевели меня в Красноярск, и я сел на могучую машину ЯЗ-200. Везде я получал наслаждение от работы — здоровье было в порядке. Другие с ног валились от усталости, а я только посмеивался за рулем трехтонки.

И что вы думаете? Для поддержания бодрости еще записался в секцию классической борьбы. Приглянулся я, видимо, тренеру Анатолию Солопову, недолго ему пришлось меня уговаривать. Но через некоторое время я «перебрался» на тренировки борцов вольного стиля: ну какая же это борьба без подножек и подсечек? В «чиадобе» это ведь главное.

Пошло у меня дело. Даже предложили вести группу на общественных началах в «Труде». Тренировал ребят, с ними же сам боролся. И мечтал о славе своего земляка Гиви Картозия, неоднократного чемпиона мира. Вот уж кто кудесником на ковре был! Залюбуешься!

Вот так протекала моя холостяцкая жизнь, пока не встретил я девушку Тамару. Встретил и влюбился. Ну, понятно, ухаживал, цветы дарил, затем и свадьбу сыграли. И окончательно остался я в Красноярске.

Мои товарищи — шоферских дел виртуозы — только головой качали: решительный парень Мито!

А я увлекался борьбой все больше. На соревнования ездил, даже на чемпионат страны попал, правда, выше четвертого места подняться не удалось — тренировки все-таки не каждый день были. Но «мастера» выполнил! Я от счастья чуть не ошалел — ведь первый мастер спорта по борьбе в Сибири! В отпуск выбрался в родное село. Так я там с мастерским значком национальным героем ходил. Старцы руку жали, даже сельский праздник был устроен в мою честь. Вот как у нас борьбу почитают!

А грустные дни тоже бывали. Как-то в 1969 году моя команда «Труда» на первенстве общества заняла последнее место. Я так ужасно расстроился, что решил бросить тренировать ребят. И вдруг жена Тамара решительно мне заявляет: «Не по-сибирски это. Как первые места — так ты грамоты получаешь, а как разок провалился, так ты сразу на попятную? Где же твоя гордость!»

Эти слова больно мое самолюбие задели. Пересмотрел я свое решение. С новой силой взялся за своих учеников.

В общем, тренерское дело все сильнее меня затягивало. В заочный педагогический институт поступил: понял, что мне теперь без спорта не жить.

Какое же это необыкновенное чувство - увидеть своего воспитанника на пьедестале! Вкалываешь на ковре, пот проливаешь, споришь, ругаешься, нервы треплешь, а выиграл твой парень — солнце для тебя взошло, день ясный кругом!

С Иваном мы сразу начали работать на полную мощность: знал, что он, с детства приученный к тяжкому сельскому труду, выдюжит и роптать на судьбу не будет. Работали мы с ним до седьмого пота. Главное было технику ему поставить — без нее далеко не уедешь. Приемы он осваивал быстро, но требовалось время, чтобы навык закрепить.

Увлекала Ваню борьба все больше и больше. Придем, бывало, с тренировки домой. Поужинаем, поговорим, телевизор посмотрим. А разговор все равно возвращается

к борьбе: что нового выучить надо, какими бросками владеют лучшие атлеты мира. Иногда в такой раж входили, что тут же, на полу, разметав стол и стулья, начинали что-то интересное пробовать. Сердилась на нас Тамара, но по-доброму, видела, что мы не балуемся, а дело делаем.

Не скрою, я был к Ивану слишком требователен, даже порой жесток. Надо было наверстывать упущенное. Мы оба знали и верили, что труд до изнеможения может принести плоды.

...Поехали на молодежное первенство страны. Победа. На чемпионате России среди взрослых — тоже удача. Потом золотая медаль в Махачкале. Ну, а затем чемпионат Европы-70...

Я боялся только одного — как бы у Ивана голова от всего этого шума не закружилась. Представляете, сколько вокруг него разговоров: «феномен, Геркулес, Геракл, сибирский богатырь...» И как я ни старался все это обращать в шутку, мой Ваня все-таки загордился. Чуть недорабатывал на тренировках, чуть поблажку себе давал. Я предупреждал: «Соревнования тебе всю правду скажут! Рано непобедимым возомнил себя...»

И точно. На Спартакиаде народов СССР мой богатырь уже в полуфинале уступил Владимиру Гулюткину, который был в ударе: он осенью 1970 года наконец завоевал титул чемпиона мира. У Ярыгина четвертый результат. Вот вам и прошлогодний чемпион страны...

Расстроился он очень. И я ему хорошую взбучку задал. Но была еще одна причина некоторого охлаждения Ивана к тренировкам. Невесту привез из Салавата. Вот его семейная жизнь немного из колеи и выбила. А вообще я чуть сгустил краски — Иван оставался скромным парнем, и мы не скрывали мечту выступить на Олимпиаде...»

И. ЯРЫГИН: Для меня это время было сложным: я был весь в поиске своего «места» на ковре.

Представляете, сбылась заветная мечта: я выиграл чемпионат страны! Тогда, в Махачкале, я пережил совершенно необыкновенное волнение, удивительный душевный подъем, видно, потому, что это было впервые. И после были большие победы, и на олимпийский пьедестал поднимался, но, мне кажется, больше я ничего подобного не испытывал.

Из Махачкалы я поездом отправился в Москву — меня решили послать на турнир в Болгарию, и в столице меня ждал Миндиашвили. И вот вечером по радио, в «Спортивном дневнике», я услышал сообщение о закончившемся чемпионате страны по вольной борьбе. Услышал свою фамилию и невольно встал по стойке «смирно». В купе никого не было, но мне представилось, что в этот миг на меня смотрят все пассажиры поезда. От волнения, от распиравших чувств пошел умылся, надел костюм, галстук да так и просидел полночи, думая о будущем...

И вот, счастливый, радостный, лечу в Софию на турнир памяти Дана Колова. На турнире тренеры сборной ко мне присматриваются, похваливают, когда я побеж даю с большим преимуществом самых лучших полу тяжеловесов — болгарина Тодорова, венгра Чатари, монгола Баянмунха. И уж только после этого выносят вердикт — готовиться к европейскому первенству.

Чемпионат Европы-70, который проводился в Берлине, был, по сути, для меня третьим в жизни международным турниром. Я тогда не думал о славе, о красивых победах. Я еще не знал, как будут реагировать на меня зарубежные борцы и как я на них. Это очень важный момент для спортсмена — встреча с зарубежными соперниками. Здесь главное преодолеть психологический «барьер неуверенности» и внушить себе, что страха быть не должно, что должны тебя бояться, а не ты их.

Я знал немало способных атлетов, которые не смогли преодолеть этот «барьер неизвестности». На всесоюзных чемпионатах такой борец творит чудеса, легко обыгрывает самых ярких, самых виртуозных конкурентов, а выйдет на международный ковер — теряется, действует робко, атакует не смело. Я не знаю, как квалифицировать эту встречающуюся довольно часто «болезнь», но «лекарство» от нее только одно — быть всегда мужчиной, бойцом.

Здесь не в самом проигрыше дело, а в том, чтобы всегда чувствовать себя на верху положения, подавлять соперника волей.

Не скрою, были у меня конкуренты, которые наводили на других панический ужас. Впрочем, я, наверное, не точно выразился: не ужас, а невольное удивление перед высшим классом борьбы. Вот с таким экстра-мастером мне довелось встретиться в Берлине. Это был знаменитый турецкий пехлеван Ахмет Айик.

Один-единственный раз пришлось мне с ним померить-

ся силой. И где? В финале европейского первенства! Мне шел 22-й год, ему было далеко за тридцать. Именно Ахмет Айик вставал не раз на пути нашего выдающегося полутяжеловеса Шота Ломидзе. Турок «отбирал» у Шота титулы чемпиона мира и Европы, а в Мехико и титул олимпийского чемпиона. Он был необыкновенно силен и вынослив. На мировом первенстве в 1965 году он победил даже Александра Медведя. Правда, на Олимпиаде в Токио Айик Медведю уступил «золото», хотя встреча у них сложилась вничью.

Для Айика выступление в Берлине было последним. И он хотел уйти непобежденным. Об этом мечтают многие выдающиеся спортсмены, но для него это имело особое значение: Ахмет стал содержателем ресторана в Анкаре, поэтому для своего дела ему очень нужна была реклама.

Я — молодой борец, естественно, робел перед столь заслуженным атлетом, и отсюда осторожность у меня во время схватки.

Каждым движением Айик давал понять, что он не умеет проигрывать. Сколько кошачьей мягкости, грациозности пумы, рациональности движений рыси, скрытой могучести льва было в этом стареющем богатыре! Я чувствовал, что могу перевернуть трактор, а когда вцеплялся в руки Айика, какая-то невидимая сила сковывала мою волю, мои горячие мышцы.

Тот поединок сделал из меня борца по большому счету. Я понял, что не одной силой жива борьба. Я, молодой и азартный, не смог найти слабого места у спокойного и сверхопытного визави. Ни одного движения «не проиграл» Айик. Я имею в виду не баллы, а сами движения в плотной борьбе за выбор наиболее удачной позиции для проведения приема.

Правила в то время были не очень-то строги к тем, кто вел выжидательный, разведывательный бой. Айик этим умело пользовался. В изнурительном по огромному напряжению поединке он взорвался единственный раз, и я, казалось бы, готовый к любым неожиданностям, все-таки «прозевал» этот гром среди ясного неба — перевод в партер был хлесток, выполнен зло, дерзко. Айик отдал этому швунгу все, весь свой колоссальный опыт. Заработал балл. А тут вскоре и конец встречи.

Я четко уяснил для себя, что никогда тактика выжидания, надежда на ошибку соперника не может прине-

сти удачу. Прояви я сам инициативу, будь поактивнее, продумай тщательнее план схватки — все было бы по-другому.

...В тот год произошло немало для меня знаменательных событий. Дмитрий Георгиевич вот сказал, что я жену в Красноярск привез. О, это целая эпопея...

Летом мне дали квартиру в доме, где жил заместитель председателя краевого спорткомитета Петр Михайлович Токмаков. Он с семьей на шестом этаже, я — на девятом. На каникулы к его жене Галине приехала из Салавата родная сестра, Наташа, симпатичная девочка, десятиклассница. Наташа вечерами выходила погулять во двор с сынишкой Петра Михайловича. Я возвращался с тренировки, мы чинно здоровались, и мне было приятно, что эта девочка с большими голубыми глазами рассматривала меня с интересом. Наверняка Михалыч ей про меня рассказывал, что, мол, живет в доме чемпион Советского Союза.

Как-то в выходной день все вместе поехали в Дивногорск — плотину смотреть, в Енисее искупаться. А вечером я пригласил Наташу в кино. Картина называлась «Белый взрыв».

Возвращаясь из кино, она сказала, что рано утром уезжает в Салават. Я пообещал проводить. И проспал! Примчался на вокзал, до отхода поезда минута оставалась... Смотрю — в окне Наташка, увидела меня и заплакала. Я ей только рукой успел махнуть.

Пришел домой и сразу письмо ей написал. Во мне что-то словно всколыхнулось. Эта тихая девчушка как родная мне стала...

Началась у нас переписка, да такая пылкая, что я уже не мог толком ничего делать, все думал, как мне Наташку повидать. А тут в ноябре Миндиашвили повез команду на турнир в Салават. Я его упросил и меня с собой взять, дескать, соревнования посмотреть, соперников изучить.

В город приехали — и сразу к невесте, как мысленно называл Наташу. Дверь открыла ее сестра, Танечка. Вижу, знает, кто я такой. Радостно защебетала: «А Наташка в школе, посидите чуточки, я за ней сбегаю!» Но я ужасно застеснялся, сказал, что зайду попозже, но здесь Анна Афанасьевна, мама Наташи, из магазина пришла, видно, тоже обо мне наслышана была, пригласила чай пить.

Вскоре Наташа из школы вернулась. Мы убежали из дома, до ночи бродили по городу.

Эх, молодо-зелено! Я со всего размаху и рубанул: «Поедем, Наташка, в Красноярск, там и распишемся. А то здесь долгая волокита, противиться начнут».

Через три дня поехали в аэропорт. Ночь на дворе. В зале мой тренер с командой самолет ожидают. Я ему все начистоту и выложил. Огорчился Дмитрий Георгиевич моему безрассудному поступку, но, к нашему удивлению, отговаривать от женитьбы не стал. Поручил другому тренеру ребят до Красноярска довезти, а сам сказал: «Вот что, Ваня. Все должно быть честь-честью. Возвращаемся в Салават и, как положено, будем свататься».

В пять утра подкатили к дому. Разбудили всех. Анна Афанасьевна всплакнула и стала на стол накрывать...

Через день достали билеты до Красноярска, но попали в непогоду — посадили нас в Новосибирске. Там, в аэропорту, ожидание казалось невыносимым. Я купил билеты на поезд. Тут все мои сбережения и кончились. Вот так жених!

Началась моя семейная жизнь. Нелегкая, прямо скажу. Наташа школу рабочей молодежи заканчивала, по хозяйству хлопотала. Я готовился к Кубку страны, который проводился зимой в Ленинграде. Ночами сидел за учебниками — я ведь в августе в Красноярский пединститут поступил...

Чувствовал, что выбился из формы. Но в Ленинград ехать надо.

А тут и Спартакиада народов СССР на носу. Сборная России собралась в Калуге. Все российские знаменитости съехались — Юрий Шахмурадов, Загалав Абдулбеков, братья Насруллаевы, Анатолий Прокопчук, Володя Парщуков, богатырь из Сыктывкара.

Спартакиадный турнир проводился в 1971 году в манеже братьев Знаменских. Жара в Москве стояла одуряющая. В зале народу — битком.

В третьем поединке вышел я на Шота Ломидзе из команды Грузии. Нет, я не боялся знаменитого полутяжеловеса, но невольно начал осторожничать, думал — проведу атаку на последних секундах. Мои надежды не оправдались. Ничья, но победу присудили Ломидзе.

Во мне что-то надломилось. Я-то думал, что подготовился к соревнованиям неплохо, а тут...

У нас была дружная команда, мы на сборах даже

постриглись «под Котовского», чтобы быть похожими друг на друга. И на Спартакиаде горячо болели друг за друга. Во время схватки с Ломидзе я слышал, как неистово кричали мои товарищи по сборной России, поддерживая меня. Но почему я так осторожничал? Неужели довлел авторитет великого борца? Видимо, мне все-таки не хватало еще технических средств, чтобы осуществить атаку по задуманному плану...

Признаться, сильно растерялся. Сила во мне кипела, а реализовать не смог. Сказались, вероятно, пропуски в тренировках зимой, когда закрутили домашние хлопоты.

В таком подавленном состоянии я продолжал выступать, но уже в группе «Б», куда переместился после поражения. И что вы думаете? Как нарочно, там меня «поджидал» Гулюткин. Я не настроился на поединок. Да и трудно было настроиться — ребята из команды буквально «валились» на ковре. Тренеры хватались за голову: что такое? Перетренировались или недотренировались? Один Загалав Абдулбеков победил. Даже Юрий Шахмурадов уступил молодому Левану Тедиашвили.

Я отдал схватке все силы, но проиграл Гулюткину два балла. Позиционная борьба вымотала меня, пропустил два прохода в ноги. Остался я на четвертом месте. И российская сборная тоже на четвертом. «Приятное» совпадение, ничего не скажешь...

Смотрел на стоящих на пьедестале призеров Спартакиады в полутяжелом весе — Ломидзе, Гулюткин и Семен Лисафин из Минска (у которого, кстати, я выиграл, но такие в то время были запутанные правила, что у Лисафина каких-то «плюсов» оказалось больше, чем у меня) — и думал: сумею ли стать таким же мудрым, как Шота, таким же волевым, как Абдулбеков? И смогу ли доказать, что сильнее всех, техничнее, грамотнее?

Мне хочется рассказать особо об одном из славной плеяды сильных мира сего. Я отдаю себе отчет, что упомянуть именитых атлетов, которые входили в сборную страны, прославили нашу Родину на международном ковре, не сумею. Шота Ломидзе, на мой взгляд, наиболее полно вписался в социальный портрет единого коллектива — интернациональную команду страны.

Шота Ломидзе оставил след на борцовском ковре. Мне довелось увидеть его выступления, быть с ним в одной сборной.

...Последнюю свою медаль чемпиона страны Шота Ломидзе выиграл в 36 лет. Он был кумиром своих земляков — и можете себе представить, какие волнующие проводы устроили ему тбилисцы во Дворце спорта в день прощания с ковром!

Тринадцать лет выступал за сборную СССР Ломидзе. Не сразу получил он признание в стане богатырей, долго торил путь к победе на всесоюзных соревнованиях.

Только в год окончания Грузинского сельскохозяйственного института почувствовал Шота настоящее удовлетворение — выиграл-таки золотую медаль на первенстве страны. Было это в 1964 году. Сейчас бы 28-летнего Ломидзе назвали ветераном и бесперспективным, а тогда он только и начал по-настоящему бороться.

Но на Олимпиаде в Токио в полутяжелом весе выступил все-таки Александр Медведь — гроза всех чемпионов. Ему удалось вырвать золотую награду у Ахмета Айика, который скоро встанет на пути и у Ломидзе.

Четыре раза подряд (!) доказывал Ломидзе свое преимущество на чемпионатах страны. Четвертая высшая медаль была самой весомой — он заслужил ее на Спартакиаде народов СССР 1967 года.

Первый поединок с Айиком закончился для Ломидзе удачно: был завоеван титул чемпиона Европы-66. А вот на следующий год турецкий богатырь взял реванш у грузинского атлета и на европейском первенстве, и на мировом. Но самое обидное поражение потерпел Шота от Айика на Олимпиаде в Мехико...

Другой бы опустил руки, махнув на все горести — эх, невезуха, распрощался с ковром. Но Шота не думал сдаваться. Он человек действия. У него кипучая натура и жажда познания своих возможностей. Товарищи по сборной удивлялись: когда он готовит себя к турнирам? Ведь все знали, что Шота не записался в «вечные студенты», влюбленный в профессию агронома, он добросовестно готовится к ней.

Восхождение по производственной лестнице и спортивной шло одновременно. Он рос и как борец, и как специалист сельского хозяйства. Сначала был простым агрономом в совхозе, потом назначен заместителем директора овощеводческого хозяйства. К этому времени Ломидзе уже стал двукратным чемпионом мира и во второй раз победил на Спартакиаде народов СССР 1971 года.

Бесстрашным бойцом был Ломидзе. Он умел быть «танком», сметающим все на своем пути, умел быть и тонким тактиком. Не раз получал призы и за виртуозную технику.

Ушел он с ковра не потому, что почувствовал «упадок сил», нет, Шота на здоровье не жаловался. Ему предложили должность директора консервного завода — должность хлопотную и ответственную. Директором нельзя быть наполовину, директор уже принадлежит не себе, а производству. Шота Григорьевич в 36 лет прощается с борьбой. Жизнь продолжается, и он хочет заниматься любимым делом.

«А почему же он тренером не стал?» — спросит поклонник таланта Шота Ломидзе. Но разве обязательно, чтобы большой спортсмен непременно оставался на ковре? Ломидзе вырос в крупного хозяйственного работника, он возглавлял Гардабанский консервный комбинат — один из самых известных в Грузии. Ломидзе-директора невозможно застать на месте: то он «пробивает» и запускает в эксплуатацию новую линию, то пропадает в тресте, то в цехах. Ломидзе-директор «не убил» в себе в текучке дел Ломидзе-спортсмена. Шота Григорьевича быт и отдых рабочих комбината заботят не меньше, чем увеличение продукции. Как член республиканской федерации борьбы, Ломидзе делает все, чтобы этот вид развивался в районе...

Ломидзе стоит в ряду самых выдающихся наших борцов. И не только потому, что он побеждал на чемпионатах мира: на его примере воспиталось не одно поколение атлетов. У Шота Григорьевича учился и я. Учился грамотно строить поединок, учился науке жаркого бескомпромиссного боя.

Были у такого прекрасного мастера поражения? Были, да еще какие обидные! Значит ли, что Ломидзе не столь выдающийся спортсмен, как мы его хотим представить? Для меня лично Шота Ломидзе истинный борец в том смысле, что добился своего на ковре, не махнул на все рукой, когда видел неудачи. В этом есть мужество человека.

ОЛИМПИЙСКИЙ ТРАВЕРС

Быть мужчиной — значит уметь примиряться с обстоятельствами.

Генрих Бёлль

И. ЯРЫГИН. Вспоминая свои выступления на ковре, я с некоторым недоумением констатирую, что поражений у меня было больше, чем побед. Следовательно, и грустных, печальных дней тоже было достаточно. Что там говорить — проигрыши больно бьют по самолюбию, прибавляют седины тренеру. Сидишь опустошенный в раздевалке и думаешь, почему же такое случилось? Ведь готовился, пыхтел в зале, увеличил нагрузки, а вот не смог обыграть.

Я знал борцов, которые каждую неудачу на ковре воспринимали как жизненную катастрофу, и требовалось время, чтобы зарубцевалась моральная рана, чтобы отступило отчаяние, чтобы проснулась снова спортивная злость. Тяжелый надлом пережил и я после Спартакиады народов СССР. Как меня представляли публике? Чемпион страны, серебряный призер европейского первенства. Соперники здоровались уважительно. А на ковре со мной обошлись «неуважительно». Четвертое место было для меня нокаутирующим ударом.

Возвращался в Красноярск сам не свой. Без медали, подавленный. Много горьких слов выслушал я и от Миндиашвили, и от руководителей российского спорта. И не оправдывался. Я подвел их. А только в такие дни и приходят мысли о своей бесперспективности, о бесталанности.

Знакомых в Красноярске сторонился, боялся расспросов, утешений. Зачем мне это? Теперь и на чемпионат мира меня не возьмут. Пожалуй, и олимпийские шансы весьма туманны. Кому нужен ненадежный борец в команде?

Одолевали тяжелые мысли о безнадежной ситуации. Появилась апатия, какой-то страх перед тренировочными схватками. Броски не получались. И понял: устал, видимо, перед Спартакиадой «наелся» на ковре. Как восстановить душевное спокойствие, где отдохнуть? Конечно, надо поехать домой, в Сизую.

В Сизой я пробыл семь дней. Собрали с отцом провиант, взяли наши старенькие ружья и на рассвете ушли. Правильно говорят: кто хоть раз побывал на охоте,

тот уже ни на какие черноморские курорты ездить не будет.

За неделю настроение у меня переменилось в корне. Надышался лесным воздухом, отдохнул морально, хотя ноги гудели от длительных переходов. Когда вернулся в Красноярск, то с удовольствием пошел в зал. Хотелось тренироваться!

После занятий мы часа два говорили с Миндиашвили и другими тренерами. Беседа была доброжелательная: мне внушали, что я надежда сибиряков, что на Олимпиаду надо попасть обязательно, а неудача на Спартакиаде еще ничего не значит.

Жизнь вошла в свою колею: ежедневные тренировки, вызовы на сборы, участие в больших и малых международных турнирах. Чувствовал, что ко мне возвращается уверенность, мышцы наливались мощью. И вот уже появилось знакомое ощущение, что любого могу свернуть в тугой жгут. Признаюсь, на международных соревнованиях вера в себя крепла быстрее, ибо там мне удавалось выигрывать с явным преимуществом. Это были хорошие «полутяжи», но все-таки не самые главные конкуренты, которые не спешили встречаться со мной до чемпионата Европы. И чем больше накапливалось побед, тем больше крепла надежда на успех в будущем. И хотя чемпионом мира осенью 1971 года стал Шота Ломидзе, тренеры сборной в числе кандидатов в олимпийцы называли и меня.

Зимой 1972 года несколько атлетов сборной страны приняли участие в турнире в Болгарии. Выступил я там весьма прилично, попробовал в деле домашние заготовки. Миндиашвили был доволен моими досрочными победами. Стали больше проявлять внимания местные журналисты, в красноярских газетах часто появлялись интервью со мной и с тренером. Помню, как после соревнований в Болгарии нас пригласили на Красноярское телевидение, рассказать о своих впечатлениях. Признаюсь, что сидеть перед камерой в прямом эфире — дело нелегкое. Волнуешься, как бы не «сморозить» чего-нибудь. Миндиашвили выступать было не впервой, он уверенным тоном вел свой монолог. Я сидел рядом, смущаясь от лестных эпитетов тренера в мой адрес. Дмитрий Георгиевич так увлекся рассказом, что, спеша расписать покрасивее мои выигрыши, начал путать фамилии соперников. Это вызвало у меня такой чудовищный приступ смеха, что я сжал зубы и покраснел как рак. Я буквально

задыхался от сдерживаемого хохота. Миндиашвили, посмотрев на меня, тоже стал расплываться в улыбке. О, я знаю, как громогласно он может смеяться. Комментатор, быстро оценив ситуацию, за несколько секунд закруглил интервью, камеры отключились, и мы все трое разразились гомерическим хохотом, дали волю своим чувствам. Этот эпизод лишний раз подтвердил, что моя хандра исчезла, я нормально тренировался и с нетерпением ожидал чемпионат Европы.

В апреле наша команда отправилась в Польшу. Прилетели в Варшаву и сразу же из аэропорта на специальном автобусе отправились в город горняков — Катовице.

Старший тренер сборной Болеслав Михайлович Рыбалко решил сделать тактический ход. Обычно на европейские первенства посылали двух-трех лидеров, а остальные борцы были или новичками или дублерами фаворитов. На сей раз Рыбалко в Катовице взял всех будущих олимпийцев. «Замены могут быть только в двух-трех категориях из десяти»,— заявил нам Рыбалко. Человек большого оптимизма, любящий риск, он не умел «темнить», скрывать что-то от соперников. Он считал, что в олимпийской команде будут очень сильные ребята и пусть они на европейском ковре «напугают» соперников.

Капитаном команды избрали Александра Медведя. Он мечтал о своей третьей Олимпиаде, но у него стало пошаливать сердце. Его берегли, он мало выступал, а в зарубежной печати появились сообщения, что, Медведь, мол, до Мюнхена не дотянет. Даже если он поедет в Катовице, то проиграет болгарину Осману Дуралиеву, который в отличной форме. Медведь, конечно, нервничал, хотя старался не показывать это, как всегда, подшучивал над ребятами. Я наблюдал за ним. Вот Александр рассказывает какую-нибудь байку и вдруг замолчит, задумается. Явно его мысли заняты предстоящими поединками. Неужели он в себе сомневается, этот уникальный атлет?

Вообще в команде у нас были хорошие ребята. Я подружился еще во время сборов с махачкалинцем Арсеном Алахвердиевым, очень скромным студентом строительного института. Нравился мне киевлянин Ваня Кулешов, шустрый парень, говорливый, подвижный. Старался быть поближе к Геннадию Страхову, Васе Казахову, эти спортсмены мыслили не стандартно, обладали сметкой, с ними было интересно.

Никогда не думал, что в Польше, где впервые проводилось европейское первенство, так любят вольную борьбу. Дворец спорта гудел, бесновался, переполненный зрителями. Надо отдать им должное, они болели вполне объективно, хорошо разбирались в тонкостях приемов. Разумеется, у них был и свой любимец — 22-летний Павел Курчевский, лидер в категории 90 кг. Красивый парень. Ну просто киноартист.

Очень тепло встречали и наших борцов. Мы стартовали хорошо, было приятно, что за нас болеют, аплодируют удачным броскам.

Волновался ли я так, как многоопытный Медведь? Пожалуй, нет. Сразу почему-то пришла уверенность, что привезу домой золотую медаль, и даже авторитет таких известных мастеров, как болгарин Тодоров, турок Йилдрим, не сбивал моей решимости. Перед первой встречей оживился Медведь. Узнав, что его первым соперником будет Вирделак из команды ГДР, Саша ухмыльнулся, пробормотал: «Что за новичок такой?» — и спокойно ушел в раздевалку. Через пять минут после начала поединка Вирделак был уже на лопатках. Медведь мне подмигнул: теперь твоя очередь.

«Вот так надо брать себя в руки»,— подумал я и вышел против швейцарца Ютцеллера. Рыхловатый он был, но цепкий. Подошел к нему, «подергал» в разные стороны, подсек и кинул на ковер. «Туше». На табло замерли цифры — 45 секунд. Сдержал себя, не улыбнулся, чтобы ребята не обвинили в самомнении. Все видели, что швейцарец намного слабее меня.

Турнир шел своим чередом, по заведенному порядку, а вот погода менялась каждый день: то ливень, то сухо, то холодно, то жарко. Вдруг «проснулся» Дед Мороз и высыпал из своего мешка снежинки величиной с пятак. Улицы покрылись белым пухом. Чудно, это в апреле-то!

Чем ближе к финалам, тем сильнее разгорались страсти — и на трибунах, и на ковре. Советская сборная выступала уверенно, выбыли только два борца. В день финалов наша команда принимала поздравления «классиков», которые прибыли в Катовице на свой чемпионат Европы. Семь золотых и одна серебряная — вот наш «улов». Болеслав Михайлович радовался, как ребенок, целовал, тормошил нас.

Все ребята находились в приподнятом настроении. Даже молчуны разговорились. А Ваня Кулешов, счастли-

вый чемпион, раздавал интервью направо и налево: «Представляете, я ведь трижды проигрывал болгарину Савову на разных турнирах, а вот теперь победил его. Ох и верткий же он парень, скажу я вам! Но я все до мелочей продумал, весь поединок еще раньше в голове прокрутил. Никогда не забуду эту встречу, мы катались в клубке, даже рычали друг на друга. А все кончилось — мы обнялись, как братья, и поцеловались».

Медведь тоже разоткровенничался: «Чуть-чуть я опасался Дуралиева, он моложе меня, а годы все-таки сказываются. Я на чемпионате мира в прошлом году «сыграл» с ним вничью, хотя «золото» присудили мне. Я видел, как он воспрянул духом. Осман очень хотел сейчас у меня выиграть, чтобы поверить в себя. Да и тренеры ему, кажется, нашептали, что Медведь выдохся. Ты же видел, как я с ним боролся — пошел в открытую атаку. Он опешил, не ожидал от меня такой прыти и скис. Эта победа для меня важна, на Олимпиаде Дуралиев будет меня бояться, это я точно знаю».

А тихий, скромнейший Руслан Плиев то и дело разглядывал свою золотую медаль. Ему было тридцать лет, отец семейства, работал завучем в спортивной школе Орджоникидзе. Руслана никогда не включали в сборную, но вот неожиданно он проявил себя зимой на крупном международном турнире в Тбилиси. Плиев отлично выступил в Катовице, показав красивую технику.

Особенно радовался успеху Руслана руководитель нашей делегации Аркадий Николаевич Ленц, начальник Управления единоборств Спорткомитета СССР. Он был прекрасным борцом, тренером, защитил кандидатскую диссертацию. Мы его уважали за доброту, за сердечность. Справедливый был человек. Я говорю «был», ибо Аркадий Николаевич трагически погиб в автомобильной катастрофе в 1974 году.

Ленц говорил: «В нашей борьбе немало талантов. Вот сколько лет не замечали Руслана Плиева, а это ведь мастер высокого класса. Обрати на него внимание пораньше — он мог бы стать и чемпионом мира. Нет, надо внимательнее тренерам приглядываться к борцам и не только к молодым. В нашем виде спортсмен может раскрыться и поздно. А Плиев просто умница, давно мы в легкой категории «золота» не имели».

На обратном пути в Москву, в самолете, Рыбалко много шутил, уверял нас, что и на Олимпиаде в Мюнхене

мы выступим так же. Он вообще никогда не печалился, всегда был в отличном настроении.

Ваня Кулешов раздобыл у стюардессы свежий номер «Советского спорта» и нашел там заметку о подготовке американского тяжеловеса Криса Тэйлора к Олимпийским играм. Ваня прочитал заметку вслух, изображая с помощью надутых щек Тэйлора. В то время много говорили об этом борце. Весил Крис 180 кг при росте 195 см. Он считался главным соперником Медведя. А тут мы узнали, что этот «увалень» 100 метров пробегает за 14 секунд, 25 раз подтягивается на перекладине, выталкивает ногами груз весом 340 кг. На счету Криса 185 побед, две ничьи и всего тринадцать поражений. «Но я поменял бы все свои 185 побед на одну — на победу на Олимпиаде над Александром Медведем» — так заявил Тэйлор.

Мы все посмотрели на Сашу. Он спокойно сказал: «Так я же у него уже трижды выигрывал. Чего он хочет, этот малыш?» Салон грохнул от смеха. Нет, хорошо, что к нашему капитану вернулось прекрасное расположение духа.

...И снова потянулись бесконечные тренировки. Такова спортивная жизнь — хочешь побеждать, трудись ежедневно. Многое должен был прояснить июньский чемпионат страны. И хотя Рыбалко сказал, что замены в команде будут минимальные, все же настоящие бойцы хотели пробиться в сборную. В Минск приехало 195 атлетов. Захватывающий получился чемпионат. Скажем, встречи Романа Дмитриева и Рафика Гаджиева, Аминуллы Насруллаева и Арсена Алахвердиева, Руслана Ашуралиева и Юрия Гусова. Жаль, что эти захватывающие схватки не сняты на пленку и нынешние молодые атлеты не могут оценить своих предшественников. Нисколько не преувеличиваю — это была Борьба с большой буквы. Бескомпромиссная, жаркая, без утайки «козырей». Слишком высока была цена победы. Только Медведя освободили от чемпионата: решили дать ему отдохнуть, потому что более надежного бойца в тяжелом весе никто не видел.

Правда, уже второй раз на взрослом ковре появился юный Сослан Андиев из Орджоникидзе — двухметровый «баскетболист» с застенчивой улыбкой. В нем не было ничего богатырского, но действовал он действительно в баскетбольном темпе, и мы не могли понять, когда же этому юноше успели «поставить» отменную технику.

В полутяжелом весе к финалу Гулюткин и я продвигались уверенно — позади остались и Николай Муханов, и Петр Фиясь, и Алексей Атаманов, и Роман Мосешвили. А в решающей встрече я уступил — всего один бал, но уступил.

Представляю, сколько загадок задал этот чемпионат тренерскому совету!

Девятого августа появилась статья Болеслава Рыбалко. В ней он давал оценку подготовке к Олимпиаде борцам Японии, Ирана и Болгарии. Особенно выделял американскую сборную, которую считал самой сильной за все времена. В ней собрались выдающиеся атлеты — Дан Гейбл, братья Джон и Бен Петерсоны, Крис Тэйлор, Уэйн Уэллс, Лари Кристофф.

«Тренерскому совету было нелегко сделать выбор десяти борцов,— писал Рыбалко.— Чемпионат Европы в Катовице открыл Алахвердиева и Кулешова, Плиева и Василия Сюльжина. С полным правом в Мюнхен могли поехать Шахмурадов и Гулюткин. Но было отдано предпочтение — после громких, многодневных споров — Левану Тедиашвили и Ивану Ярыгину. Они оказались готовы лучше, на ковре действуют острее, быстрее, В условиях жесткого судейства это может сыграть свою положительную роль. В поединках на Олимпиаде не должно быть осторожности, выжидательной тактики. Только натиск должен принести успех.

Объявляю окончательный состав. Чемпион Европы, второй призер первенства мира Роман Дмитриев из Якутска. Чемпионы Европы махачкалинец Арсен Алахвердиев и киевлянин Иван Кулешов. Чемпион мира махачкалинец Загалав Абдулбеков. Махачкалинец Руслан Ашуралиев, которого мы перевели из категории 74 кг в категорию 68 кг. Москвич Юрий Гусов, чемпион мира. Тбилисец Леван Тедиашвили, чемпион мира. Чемпионы Европы москвич Геннадий Страхов и красноярец Иван Ярыгин. Двухкратный олимпийский чемпион, семикратный чемпион мира минчанин Александр Медведь».

...Что должен чувствовать дебютант Олимпийских игр? Страх, волнение? Прилетев в олимпийский Мюнхен, я, например, «прислушиваясь» к себе, убедился, что «сильной дрожи» не испытываю. Все привычно, как, скажем, на чемпионате Европы.

Мне не хотелось бы много места уделять описанию событий на Олимпиаде, потому что все запомнилось отрывочно. Я пытаюсь восстановить отдельные куски, словно просматриваю на экране яркие слайды.

Многие, наверное, думают, что во время Олимпиады спортсмены только соревнуются, а вечерами ходят на танцы. Нет, основное время у них заполнено тренировками, пусть и не интенсивными, но двухразовыми. Хотелось спать днем, вставали рано, чуть ли не в шесть утра. И все-таки находили «окошки» побродить по Мюнхену, «вырываясь» из Олимпийской деревни. Что и говорить, олимпийские объекты поражали своими необычными формами, от них веяло чем-то космическим. Может, в двадцать первом веке вся архитектура будет вот такой оригинальной?

Церемония открытия запомнилась усталостью, она проходила долго, стоять под палящим солнцем было нелегко, мы сильно притомились. Зато радостно было видеть во главе советской делегации Александра Медведя, который на вытянутой руке нес алый стяг. Знаменосец — это как бы символ всей сборной страны. Значит, никто не сомневался в победе борца, верили — не подведет.

По вечерам из штаба делегации нам приносили письма и телеграммы. В каждом послании пожелания выиграть «золото». Особенно много телеграмм было из Сибири. А когда борцовский турнир закончился, то письма стали приносить в мешках. Кто-то из журналистов подсчитал, что больше всего весточек с родины получил я — 117 телеграмм и писем. Я и не знал, что так у нас борьбу любят...

Спорткомплекс «Мессегеленде» — просторный, светлый. На арене уложены четыре желтых ковра, словно яичница-глазунья на голубой сковородке. Удобные для зрителей электротабло. Непрерывный шум и свист. Это не отвлекало, а, наоборот, «заводило»: раз бури страстей на трибунах, значит, борьба захватывает.

Конечно, все ждали выступления Медведя. Он был один из самых популярных людей на Олимпиаде. Когда Саша выходил на ковер, в «Мессегеленде» творилось что-то несусветное. Можете себе представить, какое напряжение царило в зале, когда во второй встрече тяжеловесов сошлись Медведь и Крис Тэйлор — поднеси спичку к трибунам — все взорвалось бы.

Наш мощный, рослый Медведь выглядел тоненькой

тростиночкой по сравнению с американским Гулливером. Вес его достигал почти двести килограммов, видно, поправился за полгода. Мы боялись, что Крис может просто-напросто накрыть своей слоноподобной тушей Сашу. Он не только стоял и выжидал для этого удобного момента, но и пытался сам создать острую ситуацию. Медведь умело разгадывал его намерения и, наконец, на восьмой минуте резким зацепом как бы подсек соперника. Тэйлор ухнул на ковер. Зрелище было такое, словно тесто расплылось на желтой синтетической покрышке. За этот прием Медведь получил один балл. Он оказался последним в этом поединке.

Надежда команды ФРГ в вольной борьбе — знаменитый тяжеловес Вильфрид Дитрих. Лысеющий 38-летний человек. Чемпионом был еще в Риме, а в 1961 году на чемпионате мира выиграл у Медведя. Единственный раз. Сейчас Саша набрал шесть баллов. Разочарование на трибунах. Минутное. И взрыв аплодисментов, это благодарность Медведю за класс.

Не подумайте, что я это утверждаю сейчас: во время олимпийского турнира я был уверен в себе. Даже тени сомнения не возникло, что могу кому-то проиграть. Судите сами. Первый поединок со швейцарцем Ютцеллером длился всего 22 секунды. Затем за две минуты положил на лопатки Бахмана из ГДР. Канадца Джонсона бросил на «туше» на первой минуте. Чистую победу почему-то не засчитали. Через несколько секунд свою ошибку «исправил». Теперь «туше» засчитали. Иранец Анвари сопротивлялся две минуты. После подсечки полетел вниз, как срезанный сноп.

Я прилагал все усилия, чтобы не расслабляться, но проклятая мысль, что медаль уже в кармане, лезла в голову. «Не думать об этом!» — приказывал я себе. Старался больше времени проводить в зале, во всю глотку поддерживал ребят. Отлично выступали Дмитриев, Абдулбеков, Тедиашвили. Прекрасно боролся американец Дан Гейбл.

С нетерпением ждем заседания конгресса Международной любительской федерации борьбы, которой исполнилось 60 лет. Нам, борцам, далеко не безразлично, кто возглавит мировое объединение, какую политику будет проводить новый президент. И вот мы узнаем, что президентом ФИЛА избран югослав Милан Эрцеган, человек прогрессивных взглядов. В своем выступлении он пообе-

щал сделать все возможное для популяризации борьбы в мире. Очень приятное известие.

А мне остается провести еще три поединка. Всех соперников — монгола Баянмунха, венгра Чатари, болгарина Тодорова — положил досрочно. Это победа! Олимпийская, желанная!

Да, победа далась мне в общем-то легко, но в этих стремительных атаках выплеснулось все — пот и боль, годы тренировок. Я установил неофициальный рекорд в борьбе: на семь схваток затрачено всего 12 минут из 63 положенных. До меня ни одному атлету на олимпийских турнирах не удавалось выступить столь лихо.

Москва встречала олимпийцев цветами. Мы были счастливы, завоевано 50 золотых медалей. Я вдыхал осенний воздух столицы, а мыслями был уже дома, в Красноярске.

...Что ни говорите, героем Олимпиады стал Александр Медведь, трижды олимпионик, самый выдающийся борец. Он и самый титулованный атлет современности. И еще замечательный, добрый человек.

20 ноября мы приехали в Минск. ФИЛА как раз утвердила международный турнир на призы Медведя — в знак его заслуг. И тысячи людей пришли на проводы Александра Васильевича из спорта. Тяжеловесы посадили Медведя на могучие плечи и совершили круг почета вдоль трибун Дворца спорта. Были речи, подарки. Медведь не стеснялся слез. Мы, борцы, тоже. Было очень грустно: Медведь для нас, молодых, как талисман, как символ рыцарства и чести.

Слава его была удивительна. А сам Александр Васильевич был необыкновенно скромен, даже застенчив. Он и как борец ничем таким особенным не выделялся — поджарый, без рельефных мышц. Его преимущество над соперниками выражалось, пожалуй, в выносливости и быстроте проведения приемов. Вот и все. И никто у него не мог выиграть — ни сверхтяжеловес, ни Геракл с чудовищной силой в руках.

У Медведя вес колебался в пределах 105-110 килограммов, рост — 191 сантиметр. Сначала он выступал в полутяжелом весе. Когда впервые появился на чемпионате мира, конкуренты обрадовались: слабака русские привезли. Саша и вправду стал только третьим. А через год уже первым.

В Мюнхене Медведь в финале встретился с Османом Дуралиевым. Болгарин поставил на карту все, он тоже решил оставить ковер. Хотел уйти красиво. Красиво ушел Саша.

Осман бился, как лев. Он пытался подмять Медведя под себя, перевести в партер. Обычно медлительный, болгарин вдруг преобразился, глаза его пылали, движения стали быстрыми, он даже «швунговал», дергая туловище Медведя в разные стороны, пытаясь расшатать оборону и найти удобный момент для атаки.

Так, на высшей точке экзальтации, вдохновения, решимости действовал Дуралиев. Но так же действовал и Александр Медведь, для которого это было обычным стилем ведения поединка. Как ни старался Осман, Александр все время опережал его на какую-то долю секунды. Только болгарин начнет комбинацию с захватом руки и переводом в партер — Медведь отвечает молниеносной контратакой, сам проводит трехходовую комбинацию, и Осман проигрывает очко.

Потом еще, еще.

Немногие знали в тот момент, что Медведь был не в лучшей своей форме, что он чувствовал недомогание и держался из последних сил. Зрители об этом даже не догадывались: никогда Александр не показывал на людях свою слабость.

И когда прозвучала сирена, извещающая о конце поединка, Медведь, застигнутый ею в атаке, победно вскинул руки, потом встал на колени и поцеловал ковер. Судья свел борцов на середину, поднял руку советского атлета. Медведь плакал и не стеснялся слез. Он обнял Дуралиева, судью. Он выглядел счастливым и растерянным. Он приветствовал зрителей, кланялся, прикладывая руку к сердцу. Он прощался с борьбой.

Десятки фото- и кинокамер впились объективами в советского спортсмена. Третья золотая олимпийская медаль! Стоя на пьедестале, Александр долго ее рассматривал, целовал. Теперь его лицо светилось счастьем.

А разве легче досталась ему вторая олимпийская медаль? Тогда, в 1968 году, в знойном Мехико Александр Медведь, которому все крупнейшие знатоки борьбы заранее отдавали «золото», четырехкратному чемпиону мира и победителю токийской Олимпиады, узнал, что бывают соперники и посильнее, бороться с которыми нет никакой

возможности. В этом случае таким соперником оказалась высота.

Мехико находится на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря. Каждый, кто приезжает в этот город, испытывает кислородное голодание. Это чувство усиливается во много раз, когда человек выполняет большие физические нагрузки.

Еще на последней тренировке Александр почувствовал головокружение, тошноту, общее недомогание. А во время поединка энергии затрачивается гораздо больше, да и нервы тут на пределе.

Когда Медведь провел свою первую встречу в Мехико, он чуть не упал от изнеможения прямо на ковер. Конечно, всем атлетам было нелегко в высокогорном Мехико, но Медведь переносил высоту особенно тяжело. Поднялось давление. После первой схватки он лежал в раздевалке, а врач сборной озабоченно проверял его пульс.

К последнему дню турнира Медведя было не узнать: худой, с запавшими глазами. Соперник — Вильфрид Дитрих из ФРГ Титулов его не перечесть.

Медведь не стал прибегать ни к каким тактическим уловкам. Он знал, что такого «старого волка», как Дитрих, не проведешь. Нужно было доказывать делом свое превосходство: победить соперника столь убедительно, чтобы ни у кого никаких сомнений не возникло. Первый период прошел в равной борьбе. Во втором Александр усилил натиск. И вдруг тренеры и все члены нашей команды, наблюдавшие за поединком, вскочили со своих мест. Медведь, проводя очередную атаку, внезапно сморщился от боли — он вывихнул большой палец. Арбитр остановил поединок и жестом показал атлету, что надо немедленно идти к врачу.

Медведь только зло махнул головой и на глазах изумленного Дитриха, не обращая внимания на чудовищную боль, сам вправил палец на место. Тут уж и все зрители, заполнившие огромный зал «Инсурхентес», поняв, в чем дело, замерли, потрясенные мужеством советского спортсмена.

Вот так достаются золотые медали даже тем атлетам, которых заранее прочат в чемпионы.

В день своих проводов с ковра Александр Васильевич наверняка вспомнил всю свою жизнь...

Вспомнил он, конечно, Белую Церковь на Украине,

где родился и рос. Вспомнил, как он, мальчишка, старший сын в семье, помогал отцу и матери по хозяйству. Отец, Василий Зенькович, был лесничим, браконьеры убегали от него в страхе — ничего хорошего встреча с ним не сулила. Василий Медведь, мужик крепкий, суровый, даже угрюмый, сыновей держал в строгости. Первым делом считал, что они обязаны трудиться.

Александр быстро вверх пошел, и сила в руках появилась. Любил он возиться с ребятами. Но кто против такого гиганта устоит! Сашка хоть пятерых в охапку сгребет да кучей друг на друга повалит. Отец посмеивался, глядя на проделки сына, но не забывал и прикрикнуть: «А ну, Сашка, воды в дом принеси да дров наколи побольше!»

Отец с сыном и траву косили, и на лесозаготовки ходили, и лес охраняли. В общем, жизнь у будущего чемпиона была нелегкой — в послевоенные годы никто не жил в большом достатке.

В пятнадцать лет Александр пошел на завод. Отец слег с больными ногами, получил инвалидность. Кто поможет семье? Ясно, старший сын. Но будущий чемпион находил время и для учебы в школе рабочей молодежи.

Попробовал ходить в секцию борьбы. Понравилось. Да, столкнулся с неудобствами: соперников равных по силе никак не мог подобрать.

Но вот подошло время в армию идти. Попал Медведь в часть, которая располагалась в Белоруссии. Повезло ему: командир, сам борец, выбрал Медведя в спарринг-партнеры. Приемам обучал, кроссы бегать заставлял. Медведь за часть стал выступать на первенстве округа. А в последний год службы попал даже на чемпионат страны, и... неожиданно для всех занял третье место.

После армии Медведь решил остаться в Минске, поступил в педагогический институт. Под руководством тренеров Павла Васильевича Григорьева и Болеслава Михайловича Рыбалко стал серьезно заниматься борьбой. По сути дела, тогда-то, в 1959 году, и начался путь Медведя в большом спорте.

Я много раз видел Медведя на крупных состязаниях. И каждый раз не переставал удивляться: как может этот застенчивый человек с доброй и постоянной улыбкой на лице преображаться на ковре! В поединке Медведь был

совершенно другим — хлестким, злым, упрямым. Нет, он не «рычал», не делал страшных гримас. Он был сама сосредоточенность, целеустремленность. Атлет полностью отдавался единоборству, был художником ковра, выдумывал все новые и новые комбинации для атаки, для чистой победы. Да, жажда чистой победы была его страстью. Побед по баллам он признавать не хотел, ему непременно нужно было «тушировать» соперника, выиграть за явным преимуществом.

Вот такой он, Александр Медведь, честный, прямой до конца, беспощадный к проявлениям слабости. Никто никогда не скажет, что Медведь схитрил на ковре, отдал кому-нибудь победу (увы, бывали в борьбе и такие случаи). Александр был принципиален всегда. Родина по достоинству оценила самоотверженный труд выдающегося спортсмена, знаменосца советской команды на Олимпийских играх в Мюнхене. Медведь был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».

После ухода из спорта Александр Васильевич преподавал в Минском радиотехническом институте, получил должность доцента. Сейчас он заведующий кафедрой физического воспитания межвузовского спорта, пишет кандидатскую диссертацию. Медведь — председатель Федерации борьбы Белоруссии, сам имеет учеников. Например, Ваха Евлоев победил на чемпионате Европы 1984 года, а Малхаз Мерманишвили — на турнире «Дружба-84». В том же году Александру было присвоено звание заслуженного тренера СССР, Международный олимпийский комитет удостоил его серебряного олимпийского ордена, ЮНЕСКО наградила международным призом «За благородство в спорте».

Француз Жан Боротра, один из учредителей приза, сказал: «Мы никогда не присуждали приз «За благородство в спорте» за образцовую спортивную карьеру. И вот принято это решение. Советский борец, который добился выдающихся успехов, всегда выделялся своей корректностью, честностью и спортивным духом».

ВОСХОЖДЕНИЕ ВТОРОЕ

Неизвестно почему, сразу становилось ясно, что этот человек представляет законченное явление воли.

Б. Пастернак

Нелегко добраться до олимпийской вершины, но еще сложнее выдержать испытание славой. Никогда не думал, что к похвалам, почестям можно привыкнуть. Для меня всегда выражения типа «наш замечательный богатырь Ярыгин» были противоестественными. Готов был сквозь землю провалиться, чтобы не читать в газетах, не слышать о себе такое. Но вот ты становишься олимпийским чемпионом, и слава растет, как на дрожжах. Даже не представлял, как умеют люди радоваться за своего земляка. Продолжал получать тысячи писем, открыток с поздравлениями — в основном от жителей Сибири и Дальнего Востока.

Знаете, нас с Миндиашвили «затаскали» по всяким спортивным вечерам, по устным спортивным выпускам в институтах, на заводах. Теперь я понимаю, время было такое — захваливать, делать из человека идола. Я не то чтобы привык к «громким» словам в свой адрес, но принимал их поспокойнее, не с таким уж сопротивлением. Случалось, в доверие старались втереться и «прилипалы», разного рода фарцовщики, жулики всех мастей. У этой породы людей какой-то особый нюх — там, где слава, там, значит, можно чем-то поразжиться. Честно говорю, с этими у меня разговор был коротким.

На отдых времени отпущено немного, и я поспешил в Сизую, где всегда обретал душевный покой. Отец зазнаваться не давал: «Что нос задрал? Пойдем в кузню!» И я работал с утра дотемна. Подновлял изгородь, пилил и колол дрова, косил сено, ездил в леспромхоз за продуктами, махал молотом в кузнице вместе с отцом.

— Вот это по-нашему, по-сибирски, — удовлетворенно крякал Сергей Николаевич. — Подумаешь, чемпион. Велика ли хитрость с такой силищей людей мять?

Господи, как же хорошо мне было в родном доме! Ночи напролет разговаривал с братьями. Конечно, у меня и «Волга» появилась, и заграничные вещи. Но мне не завидовали, нет в нашем роду завистников. Они понимали, что машина за труд мне досталась. И радовались моим успехам.

Но Дмитрий Георгиевич с нетерпением ждал моего возвращения. Уже планировались мои выступления на разных турнирах, не за горами был и чемпионат мира.

Мы уже знали, что в команде ГДР появился сильный атлет — Харальд Бюттнер. Он дебютировал на европейском первенстве весной 1973 года и сразу занял третье место, пропустив венгра Йожефа Чатари и нашего Владимира Гулюткина. Дмитрий Георгиевич призадумался: «Да, за ним надо смотреть в оба. Чувствует мое сердце — конкурент достойный». Действительно, Бюттнер надолго вышел на ковер.

И той же весной вторая сборная страны отправилась за океан, в США, в город Толидо, на первый в истории вольной борьбы лично-командный Кубок мира.

Что там говорить — эта поездка была желанной. Америка, какая она? Как нас встретит? Об американских борцах я имел представление, они приезжали на тбилисский турнир. И регулярные товарищеские встречи между национальными сборными начались с 1971 года. Поэтому уже дважды наши ребята летали через Атлантический...

Дорогой Болеслав Михайлович Рыбалко предварительно знакомил нас со страной, рассказывал о характере, жизни американцев, традициях, истории. Он уверял нас, что вольная борьба популярна в Штатах так же, как и бейсбол, баскетбол, легкая атлетика, бокс. Борьба давно включена в систему школьного обучения, обязательна она и в колледжах.

Принимали советскую команду американские зрители доброжелательно. За двенадцать дней — четыре выступления. Все встречи мы выиграли со значительным перевесом. Но никто тогда не мог одолеть Дана Гейбла. Он законно в Мюнхене стал олимпийским чемпионом.

Товарищеские матчи это одно, а Кубок мира — другое. Как-то сложится для нас турнир в Толидо?

Утомительные авиарейсы Москва — Нью-Йорк, Нью-Йорк — Толидо. Сразу почувствовали повышенное внимание газетчиков, давали бесчисленные интервью. Особенно «тискали» вопросами меня и Сослана Андиева — в Америке любят сильных людей.

Толидо — порт на озере Эри, развита сталелитейная, угольная, автомобилестроительная промышленность. Население не превышает полмиллиона жителей. Это

типичный город «одноэтажной Америки»: восемь-десять относительно высотных зданий в центре, а остальные — красивые, уютные коттеджи. Тротуары узкие, прохожих мало. На каждом шагу закусочные «Макдональд», получить сосиски с булочкой или сэндвич можно даже не выходя из автомобиля. Ресторанчики, дискотеки, огромные магазины на специальных торговых площадях — темные коробки без окон. Видели мы и довольно мрачные кварталы с обшарпанными домами, с мусорными кучами, в тесноватых двориках гоняли мяч веселые негритянские мальчишки.

Четыре команды разместили в роскошном отеле «Шератон». Десятки добровольных помощников, в основном студенты местного университета, сопровождали спортсменов и на тренировках, и в поездках на автобусе по городу, стараясь выполнить любые наши просьбы. Многие студенты изучают русский язык, поэтому мы не испытывали трудностей при общении. Где бы мы ни находились, нас сразу окружали улыбающиеся американцы. Самая большая удача для болельщика — заполучить советский значок или вымпел. Признаться, я не ожидал такого доброжелательного отношения к нам. Думалось, откуда же идут разговоры о том, что американцы видят в русских врагов?

Председатель оргкомитета Джозеф Скальзо, член бюро Международной федерации борьбы, с неизменной трубкой, источающей ароматный запах табака, был целый день на виду, дипломатично утрясал мелкие неувязки. Его миловидная дочка нацарапала два плакатика с приветствиями участникам, их повесили в отеле и во Дворце спорта. Никаких афиш о предстоящем Кубке мира в Толидо мы не видели, но все, я подчеркиваю, все жители знали о соревнованиях.

Один тренировочный ковер постелили в «Шератоне»: вынесли в холл столики небольшого кафе, и мы по утрам ходили в этот зальчик с цветами в кадках, с крохотным бассейном у керамической стены. Веселый тренер американцев Билл Уик ежедневно приветствовал нас громовым грузинским «Гамарджоба!», я смеялся, зная, что Билл побывал в прошлом году в Тбилиси.

Университетская территория — это город в городе. Прекрасные учебные корпуса, отели, несколько стадионов, вместительных игровых залов, теннисные площадки. А здание самого университета старинное, выстроенное в

готическом стиле в 1872 году. Всего обучается 18 тысяч студентов.

Два дня Дворец спорта был переполнен, извергая вулкан страстей. Да, в Америке любят борьбу, в этом мы сами убедились. За своих переживают истово, с каким-то надрывом. Гул стоял такой, что мы не слышали друг друга, приходилось кричать что есть силы в ухо. Но ведь самое поразительное в том, что каждый удачный прием, каждую выигранную схватку советского борца зрители встречали еще более оглушительным одобрением. Это нас очень вдохновляло.

На тренировках я познакомился с полутяжеловесом из команды США Рассом Хелликсеном, добродушным парнем с голубыми глазами и копной светлых волос. Сила у него была, но техника хромала. Я охотно показывал ему свои броски, научил новому приему в партере, о котором Расе не знал. Мы сдружились за семь дней пребывания в Толидо, и еще много лет встречались потом на разных турнирах.

В финал Кубка вышли сборные США и СССР. Мы выиграли со счетом 7:3. Нам вручили приз: почти метровую фигуру борца из серебра на красивой деревянной подставке, а победителям в личном первенстве — копии, размером поменьше.

Для меня этот Кубок был как бы продолжением олимпийского турнира. Мне было очень нужно проверить себя в обстановке ажиотажа, в предельной стрессовой ситуации, а именно такой она была в Толидо. Но даже там, в Толидо, меня не оставляла мысль об июньском чемпионате страны, проведение которого взял на себя Красноярск. И когда я из Штатов вернулся домой, то увидел, что подготовка к первенству идет полным ходом.

Но меня все время подготовки к чемпионату не оставляла тревога, бередило душу сомнение: а вдруг проиграю кому-то на глазах земляков? Жизнь есть жизнь, в ней все возможно. Даже закралась подленькая мыслишка: не выступать, «заболеть», ведь при неудаче я не перенесу позора. Олимпийский чемпион вдруг оказывается не первым. Мне кажется, что мое тогдашнее состояние выражают вот эти строчки поэта Сергея Хомутова. Такое впечатление, что он мне в душу заглянул.

Будь жестким, уверенным, ловким,
Сумей без сомненья в душе

Кого-то оттиснуть на бровке,
Отжать на крутом вираже.
Без всяческих сантиментов
Не думай про совести суд,
Во имя тех сантиметров,
Что первенство принесут.
Забудь, что когда-то наступит
Иной неотступный черед.
И кто-то небрежно и тупо
Тебя самого отожмет.
А может, к чертям все «подножки»,
И надобно силы найти
По дальней рвануться дорожке,
По большему кругу пойти.
Достойно, красиво, открыто,
С хорошею верой в себя,
Пока еще не по лимиту
Тебе отмеряет судьба.

Красноярск встретил участников чемпионата жарой и хлебом-солью. Ковры были уложены на футбольном поле стадиона. Было такое впечатление, что в Красноярск съехались болельщики со всей Сибири. Как они только уместились на трибунах! И откуда пошло мнение, что, дескать, борьба теряет свою привлекательность? Ничего подобного! На поединки атлетов шли, как на футбол в Киеве, как на матчи нашего хоккейного «Енисея».

Александру Медведю — особые почести. Человек-легенда, трехкратный олимпийский чемпион. Как только он прилетел в Красноярск, ему сразу преподнесли подарок: выловленного в тайге медвежонка. Мишке выделили персональную комнату в служебном помещении стадиона, где он ночевал, а вечером выпускали гулять по футбольному полю. Мальчишки его затискали, перекормили конфетами. «Хозяин тайги» до того разбаловался, что стал принимать только шоколад.

Журналисты назвали этот турнир «чемпионатом звезд вольной борьбы». Действительно, блистательно выступали Роман Дмитриев, Загалав Абдулбеков, Руслан Ашуралиев, Леван Тедиашвили. Впервые выиграли золотые медали Владимир Юмин и Сослан Андиев, будущие знаменитости. Конечно, красноярцам очень хотелось увидеть с золотой медалью земляков. Первым это сделал Виталий Токчинаков, еще один ученик Дмитрия Георгиевича.

Пришел и мой час. В финале я встретился с Владимиром Гулюткиным.

Конечно, я не мог, просто не имел права уступить.

Если бы я проиграл, то дал бы злым языкам повод позлословить: ну вот, на Олимпиаду должен был ехать киевлянин, он же все-таки сильнее, выше классом.

Закрою глаза и вижу ту встречу. В ней я отдал всего себя без остатка, пусть это звучит и несколько шаблонно. Великолепно подготовился Гулюткин к чемпионату, для него этот поединок тоже был принципиальным. Мои мышцы готовы были лопнуть от напряжения, мозг лихорадило. Солнце палило нещадно, пот катился с нас обоих градом. Схватка шла к ничейному исходу, но для меня это было равносильно поражению.

«Еще немного, еще. Точнее, точнее, не теряй контроль»,— бились в висках мои собственные приказы. Истошно кричал Миндиашвили, ревели трибуны. Мгновения хватило мне, чтобы увидеть неверные движения соперника: я вошел в обратный пояс, как домкратом потянул тело вверх, поднатужился и бросил. Есть два балла! А тут и схватке конец... Полчаса лежал в раздевалке, слушал сквозь дрему скороговорку Дмитрия Георгиевича, Витальки Токчинакова. Никак не мог отойти после испытанного напряжения.

Каждый турнир — это еще одна проверка своих возможностей. Правда, на Универсиаде-73, проходившей спустя два месяца в Москве, у меня таких грозных соперников, как Гулюткин, не было, просто такого класса борцов еще нет в студенческих командах других стран, но все же турнир есть турнир. Я подготовил несколько новых бросков, и важно было выполнить их в соревновательной ситуации. Кое-что удалось, кое-что осталось «за кадром», но в основном Миндиашвили остался доволен: моя победа выводила меня первым кандидатом на участие в чемпионате мира.

...Тегеран, сентябрь 1973 года. Хочу рассказать о состязаниях подробнее, ведь это было первое и последнее для меня мировое первенство. Поэтому мне особенно дороги эти воспоминания.

Наша команда прилетела в столицу Ирана в полночь. Мехрабатский аэропорт гудел, как улей. Казалось, в одном месте собрались люди всех национальностей земли. Такого скопления туристов не встречал я и в Европе.

Нас посадили в автобус вместе с другими борцами, и

он мягко покатил в город. На одном ярко освещенном проспекте мальчишки, несмотря на столь поздний час, гоняли в футбол, совершенно не обращая внимания на мчащиеся и гудящие автомобили. Шоферы, очевидно, знали эту особенность ночного города и снижали в таких местах скорость. И наш «бус» просто полз мимо игроков, а мы махали им цветами, которые нам вручили при встрече.

Подкатили к семиэтажному отелю «Интернейшнл» и, получив ключи, быстро разбрелись по комнатам. Я открыл окно: почудилось, что нахожусь на высокой горе, потому что город был как бы в долине, и там мириады огней до горизонта.

Утро. Быстро завтракаем, получаем установку на день и выходим к автобусу. Пристраиваемся у окон, чтобы по дороге лучше рассмотреть город. Какой он, Тегеран? Загадочный? Сказочный? Романтичный? Улица Пехлеви, Рузвельта, Фирдоуси, Старая Шимиранская дорога. Древняя история и современная. То шикарные проспекты, то узкие улицы, забитые автомобилями, и это напоминает горную дорогу, потому что мы ползем довольно круто вверх. Узнаем от водителя, что ночью было тридцать градусов, сейчас уже сорок, но мы пока этого не ощущаем, ибо включен кондиционер.

Вот и стадион «Фаррах», здесь мы будем выступать. Стадион большой, около стационарной трибуны натянут на десятиметровой высоте тент, под ним уложены три ковра. Три другие трибуны сборные, деревянно-металлические, очень близко подступают к коврам.

Тренировка прошла нормально. Скопление борцов в зале, сотни знакомых лиц. Где-то здесь и мои соперники, со всеми еще не успел поздороваться.

Обратная дорога по другому маршруту, через центр. Короткая остановка и прогулка. Шикарные магазины, банки, учреждения. А за углом какие-то развалюхи, бедные лавчонки торговцев пряностями, старыми вещами, ослы с повозками. Переводчик сказал, что согласно мусульманскому календарю сейчас идет 1352 год. Значит, мы очутились в XIV веке!

Движение на магистралях броуновское, никто не соблюдает никаких правил. Автомобили катят сплошняком, как вулканическая лава. Можно час простоять на переходе и не найти лазейку, чтобы проскользнуть между рычащими авто. Светофоры здесь излишни, на них никак не реагируют, впрочем, так же вяло действует и регулиров-

щик в белых перчатках. Машины сталкиваются, наезжают друг на друга, но почти никто не ругается, видно, к этому привыкли. Водители под палящим солнцем лениво обсуждают, кто прав, кто виноват.

Побывали мы и на восточном базаре. Это город в городе. Узкие проходы ведут куда-то вниз, в подземелье, и они постепенно превращаются в километры просторных улиц, каждая из которых отдана торговцам одного товара. Улица ковров — идешь, а тебе под ноги кидают разные ковры, берут за руки, заставляют оценить мягкость или рисунок действительно красивейшего ковра. Поворот направо — море света, тысячи стеклянных будочек, все сплошь увешано золотыми изделиями. Еще поворот — торгуют тканями, тысячи, а может, и миллионы рулонов, как толстые бревна в грузовых вагонах, забили пространство сверху донизу. Можно ходить целый день, можно заблудиться. Весело, шумно и, признаться, любопытно.

Впечатлений столько, что можно написать отдельную главу, я же веду речь о чемпионате. Через три дня мы едем на открытие. Шумный, красочный парад и фанфары — чемпионат мира по вольной, классической и борьбе самбо объявляется открытым. Первыми начинают «вольники». Под трибунами в раздевалках очень душно. Чумазые мальчишки торгуют маленькими, похожими на миниатюрные ракеты бутылочками «Кока-колы». Бутылочки лежат в тазах со льдом, а он здесь на вес золота, поэтому цены на питье высокие. Но мальчишки есть мальчишки, они готовы отдать вам напиток за три или четыре значка. Они с восторгом крутятся около богатырей, знают знаменитых в лицо, легко выговаривают иностранные фамилии.

На трибунах столпотворение. А ворота стадиона штурмуют еще тысячи болельщиков. Везде кордоны полицейских с короткими карабинами в руках, пройти куда-либо трудно, вас проверяют тщательно, почти обыскивают, пристально вглядываясь в фото на карте участника чемпионата.

Чудовищно душно, просто невыносимо, да еще табачный дым лезет в глаза. Каждая схватка проходит под непрерывное скандирование. Страсти накалены посильнее, чем в Толидо. Зрители кричат, свистят, топают ногами, трибуны того гляди развалятся.

Второй тренер сборной Сергей Андреевич Преобра-

женский успокаивает: «Не пугайтесь. Борьбу здесь любят, и вы сами скоро убедитесь в этом».

Маленький, толстый, необыкновенно подвижный человек метался от трибуны к трибуне, дул в музыкальный инструмент «буг», похожий на шарманку, и дирижировал многотысячным хором. «Пели» имена своих пехлеванов, получалось ритмично и оглушительно.

Но горю болельщиков не было предела, когда проигрывал иранский борец. Все на мгновение замолкало, зловещая тишина переходила в многострадальный вой. Борца могли «растерзать»: забросать апельсинами, пустыми бутылками. Иранец Горрами, чтобы избежать позора, просто не вышел на схватку с Леваном Тедиашвили, который показывал на ковре чудеса. После Мюнхена Леван налился мышцами, потяжелел, перешел в категорию до 90 килограммов. Но кошачья мягкость осталась. Только один поединок был у него на пределе сил — с олимпийским чемпионом американцем Беном Петерсоном. Закончился он со счетом 14:12, и каждому было ясно, какие великолепные атлеты сошлись в поединке. И никто тогда еще не знал, что в олимпийском Монреале Тедиашвили снова победит Бена...

Все наши ребята выступали отлично. И надо сказать, что иранцы, понимая толк в борьбе, воздавали им должное.

Перед финалом мы собрались в нашей тесной комнатенке под трибунами. Аркадий Николаевич Ленц задушевно обратился к нам:

— Вчера вы пережили тяжкий вечер полуфиналов. Было очень трудно, но все вы теперь обладатели медалей. Вопрос — какого достоинства? Финишная прямая перед вами, остается сделать последнее усилие. И вы его сделаете, я уверен! Мы все в вас верим. Ни на секунду не теряйте внимания. Помните печальные уроки спорта. У всех на памяти чемпионат Европы по классической борьбе 1967 года в Минске, когда все наши борцы попали в финал и ходили гоголями, уверенные, что золото уже у них в кармане. А что? Медалей высшей пробы оказалось всего две. Перегорели ребята.

Вот как важно быть собранным до конца,— продолжал Ленц.— Ребятки, постарайтесь, вы представляете прекрасную страну, поэтому вы должны быть лучшими в мире.

Поздним вечером на стадионе «Фаррах» военный оркестр исполнил Гимн Советского Союза, на пьедестале

стояли Шахмурадов и Преображенский с огромным кубком за командную победу.

Роману Дмитриеву, Загалаву Абдулбекову, Василию Сюльжину, Левану Тедиашвили, Сослану Андиеву и мне вручили золотые награды. У иранцев — три чемпиона, такого успеха они не добивались уже много лет.

Мрачный, аскетичный Джавади все-таки переиграл Арсена Алахвердиева и стал чемпионом мира в четвертый раз. Барзигяр одолел Руслана Ашуралиева, Фарахфаши — Володю Юмина, который еще и уступил монголу Хойлогдоржу. Серебро у Насруллы Насруллаева, он проиграл американцу Ллойду Кизеру.

Так впервые за время выступления на мировых первенствах советская сборная завоевала шесть высших наград и впервые все члены команды оказались с медалями!

До двух часов ночи не могли покинуть стадион — не отпускали болельщики. Мальчишки лезли к нам целоваться: на Востоке есть поверье, что если тебя поцелует сильный человек, то сам вырастешь богатырем. За Сосланом Андиевым ходили толпы, кричали ему вслед: «Медведь! Медведь!» Александр Васильевич много раз выступал на турнирах в Иране, стал кумиром знатоков борьбы, и теперь они Андиева, тяжеловеса, в знак признания, называли Медведем.

Понравилась и моя фамилия. Ребята бегали за значками, если значок им давали советский, то визжали от радости, крича: «Ярыгин! Ярыгин!»

Безмерно усталые и безмерно счастливые ехали в отель в автобусе. Только у Володи Юмина глаза были грустные, он единственный из всех получил «бронзу». Его все уговаривали, что для двадцатилетнего дебютанта в таком сложном весе занять третье место — удача. А он рукой в отчаянии махал — это его никак не устраивало. У Володи очень трудная судьба, мог покатиться по скользкой дорожке, однако нашлись добрые люди, помогли ему стать на ноги.

Он проиграл Фарахфаши, но бился до последнего, упрекнуть его ни в чем нельзя. Правда, Сергей Андреевич сделал ему серьезное замечание, когда Володя свел вничью встречу с Гиреем из ФРГ. Почему устал к концу, еле на ногах держался? Да потому, что пылко переживал за ребят, яростно подсказывал — аж взмок весь, вот психологически и перегорел. Впрочем, Преображенский

больше ворчал для проформы, он был доволен нашим выступлением.

Юрий Шахмурадов обнял Юмина и сказал: «Володька, я тебе точно говорю, ты на следующий год чемпионом будешь. Поверь!»

Юмин промолчал. И никто не знал тогда, что Юмин будет не только чемпионом мира, и даже четырехкратным, но еще завоюет и золотую олимпийскую медаль в Монреале...

Обычно застенчивый, молчаливый Вася Сюльжин вдруг разговорился: «Ребята, я прямо ошалел от радости. Два раза на Европе первым был, а вот «чемпион мира» звучит солиднее!»

Загалав Абдулбеков, небритый, с перебитым носом, как у боксера, с бинтовой повязкой на голове, вытянув поврежденную в схватке ногу, повернулся к Васе: «Я так думаю, Вася, что на этом жизнь не кончается. Чемпион мира — это, конечно, высокое звание, почетное. Разве я не радуюсь? Душа поет, о ноге забыл. Но я сейчас о своих стариках вспомнил, родной аул. Представляю, как там будут все счастливы, какой праздник устроят. Это их общая гордость, и за меня, и за весь Дагестан. Да, Вася, в жизни есть вещи поважнее своей личной радости...»

— Но что же важнее всего, Загалав?

— Друзей надежных иметь, вот главное, я так считаю. И трижды счастлив, что вы все у меня есть...

И Загалав без всякой рисовки со слезами на глазах пошел, прихрамывая, нас всех по очереди обнимать.

У меня тоже подступили слезы, потому что и сам в эти минуты думал о доме, отце с матерью, о том, как я люблю своих товарищей, с кем такой бой выдержал в Тегеране...

На следующий день начинали свой чемпионат самбисты. Собралось их немного, и турнир должен был быть двухдневным. Рано утром, перед вечерним отлетом, мы решили все вместе сходить на восточный базар. Но на завтраке с озабоченным видом к нам подошел Ленц: «Ребята, в нашей команде самбистов нет одного атлета, из-за болезни не прибыл борец веса 90 килограммов. Просят выручить Левана. Я уже поговорил с Вахтангом Михайловичем Балавадзе — он не возражает. А ты, Леван?»

Леван, как всегда, отвечал весело:

— Какие разговоры, Аркадий Николаевич? Если лич-

ный тренер дает приказ выступать, разве я могу его ослушаться? Да я этих самбистов в пух и прах разнесу. А вы знаете, Аркадий Николаевич, что я был чемпионом страны по самбо среди юношей? Нет? Вах, как нехорошо. Не беспокойтесь, выступлю как надо.

Мы изменили свои планы и поехали на «Фаррах», чтобы посмотреть хотя бы одну встречу Левана.

На трибунах — необычная тишина, половина мест пустовала. Самбо у иранцев пока еще не прижилось. Впрочем, мы с Андиевым присутствовали при беседе вице-президента Иранской федерации борьбы Имам Али Хабиби с советскими журналистами.

Хабиби сообщил, что самбо в Иране потихоньку развивается. Оно ведь напоминает национальную борьбу «чухе», центры которой расположены в Мазандаране и Хорасане. И команду на чемпионат мира тоже сумели собрать, правда, неполную.

Наконец, дождались выхода на ковер Тедиашвили. Облачился он в самбистскую белую куртку, смеется, гримасы строит, нас увидел на трибуне — подмигивает. Против него вышел борец из США, робкий парень, хотя и крепкий на вид.

Леван быстро его взял за грудки и нашим приемом из вольной борьбы подсек, обхватив, словно жгутами. Американец охнуть не успел, как оказался на лопатках, а Леван лежит и спокойно его придерживает. В самбо это называется удержание — за 30 секунд дают чистую победу.

После встречи Аркадий Николаевич сделал Левану серьезное внушение: «Я понимаю, что ты сильнее всех, но прекрати шуточки, это же все-таки чемпионат мира».

Уже в Москве мы узнали, что Леван и еще восемь наших самбистов получили золотые медали. Великолепно выступили и «классики» — у них пять золотых, две серебряные и бронзовая медаль.

...А теперь хочу представить читателям Загалава Абдулбекова: заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР, заслуженный работник просвещения Дагестанской АССР, олимпийский чемпион, двукратный чемпион мира, удостоен орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», человек большого мужества, благородный, честный. Когда он только еще мечтал о победах, Да-

гестан гордился Али Алиевым, пятикратным чемпионом мира. Но Алиеву страшно не повезло в другом — на трех Олимпиадах он не сумел даже стать призером. Рок судьбы какой-то. А горная, борцовская республика жаждала, чтобы кто-то победил на Олимпийских играх. И этим первым золотым медалистом оказался Абдулбеков.

На свой первый чемпионат страны (это было в 1966 году) он поехал перворазрядником. Вернулся победителем, мастером спорта. Все удивлялись — что за новичок, всех асов ковра одолел? Тренер Арменак Аршакович Карапетян посмеивался: «Мальчишка еще, но орлом будет. Упорный парень, прирожденный борец — это у него в крови».

Вот насчет «прирожденного борца» Карапетян немного слукавил. Когда вихрастый, тощий Загалав приехал школьником из горного аула Карата в Махачкалу и попросился именно к Арменаку Аршаковичу, тренеру он приглянулся. Устроил его в школу-интернат, обул-одел. Душа радовалась — способный к борьбе невероятно! На ковре злой, резкий. Вот только одна беда — в зал его не тянуло. Карапетян то и дело «отлавливал» строптивого Загалава то у боксеров, то у волейболистов, то у теннисистов. На жизнь смотрел легко, на борьбу еще проще. Тренировался вполсилы, а на первенстве России среди школьников всех обыграл «одной левой».

И только когда Абдулбеков однажды сделал ничью со знаменитым осетинским борцом Елканом Тедеевым, то вдруг посмотрел на себя и окружающих другими глазами. Осенило: все-таки борьба — его любовь и призвание! Почему же не постараться стать первым среди дагестанских пехлеванов?

Пошел домой к тренеру:

— Арменак Аршакович, вы меня неделю назад с сигаретой увидели, голову пообещали оторвать. Больше этого не будет. И вина не будет. Клятву даю. Буду трудиться, как Али Алиев. Слово горца.

Была в Загалаве какая-то сверхупрямость, неистовая энергия, вероятно, унаследованная от гордого народа, неистово защищавшего свои аулы от набегов враждебных племен. Бедой его были частые травмы во время поединков — в истовой жажде победы рассекал бровь, лоб, выбивал пальцы, больше всего страшился услышать приговор врача — снят со схватки ввиду пов-

реждения. Так Загалав боролся и в Тегеране, терпя режущую боль в ноге, с рассеченным лбом.

Но самым для него трагичным был чемпионат мира 1969 года в аргентинском городе Мар-дель-Плата.

Он выиграл турнир. Он радовался, все его поздравляли. Журналисты, информационные агентства разнесли тут же на весь мир, что у советской команды пять чемпионов — Абдулбеков, Зарбег Бериашвили, Борис Гуревич, Шота Ломидзе и Александр Медведь.

Однако почему-то долго, очень долго призеров в легком весе не вызывают на пьедестал. Оказалось, рассматривался протест японской делегации. Японцы нашли какую-то зацепку в пунктах правил (а тогда они были весьма несовершенны), и теперь по их требованию пересчитывали штрафные очки. В конце концов жюри вынесло неожиданный вердикт: на первом месте должен быть японец Морита, на втором иранец Саидабаси и только на третьем Абдулбеков.

Он не стеснялся слез.

Еще горше ему стало тогда, когда через день команда прилетела в Москву. В аэропорту ответственный работник Спорткомитета СССР радостно сообщил Загалаву, что за победу на мировом первенстве ему присвоено звание заслуженного мастера спорта. Загалав ответил: «Это ошибка, я только третий».

Немая сцена.

Он поклялся тут же, при всех, что все равно станет чемпионом мира.

Однако как назло в следующем сезоне у Абдулбекова что-то не заладилось, и на первенстве страны его обошли Виктор Маркелов из Саранска и тбилисец Гиви Кварелашвили. На чемпионат мира в канадский Эдмонтон взяли тбилисца.

Ему надо было доказывать все сначала. И «выстрелить» в самый нужный момент. Этим моментом оказалась Спартакиада народов СССР. В Москве. Загалав теперь уже первый. И близка к осуществлению была его клятва в аэропорту.

В Софии он выиграл «золото».

Загалав помнит один случай, который оставил шрам в его сердце.

Еще будучи совсем молодым, он на одном турнире встретил упорное сопротивление соперника в полуфинальном поединке. Но счет баллов был все-таки в пользу

конкурента. Оставалось несколько секунд до конца. В какой-то момент соперник повернулся к Загалаву спиной, ожидая свистка арбитра к продолжению встречи. Абдулбеков же, разгоряченный сложным поединком, чувствуя близость победы, вдруг резко провел бросок.

Судьи недолго совещались: дисквалифицировали Абдулбекова за нарушение правил.

Загалав ужасно мучился от сознания того, что проявил нечестность, хотя и не умышленно. Для него вообще неправда, ложь, клевета, наговоры, обман, ухищрения, мошенничество — вещи неприемлемые. В команде Загалав был тем человеком, которому доверяли разрешать все споры между борцами,— сама справедливость вершила суд.

Он оставил ковер решительно. И Юрий Шахмурадов пригласил его быть одним из тренеров сборной, помочь готовить команду к мировым первенствам, а главное — к Олимпиаде в Москве.

Два борца из Дагестана стали олимпийскими победителями. Это Сайпулла Абсаидов, Магомед-Гасан Абушев, а их земляк Магомедхан Арацилов получил серебряную медаль. За творческий, непрестанный труд Абдулбекову в числе других наставников было присвоено звание «Заслуженный тренер СССР».

Теперь у него солидная должность — заместитель председателя республиканского совета «Динамо». Забот хватает. И все-таки частенько вырывается в родной аул Карата — встретиться с чинными стариками в папахах, вспомнить, как они посылали телеграммы в далекий Мюнхен: «Держись, Загалав, мы в тебя верим». И он в себя верил, поэтому и исполнил на ковре зажигательную лезгинку. Это был танец олимпийского чемпиона.

И. ЯРЫГИН. В жизни каждого человека бывают, как говорят, черные дни и даже годы. Для меня таким годом был 1974-й.

Чемпионат Европы проводился в Мадриде. Стоял июнь. Хотелось побывать во всех музеях, о которых рассказывала нам переводчица, хотелось бесконечно долго ездить на автобусе по этому величественному городу. Старина и современность. Памятники и «кубические» жилые постройки. Седовласые испанцы и жгучие, стреляющие глазами испанки.

Все это померкло для меня, когда я почувствовал сильное недомогание. Врач Геннадий Константинович Баку-

шев установил: отравление. Меня мутило и выворачивало. Я не спал ночами. На ковре действовал словно в полусне, не контролируя себя. Пропускал броски соперников, не было силы в руках, они ускользали от меня, будто я пытался поймать скользкого удава.

И все-таки я дошел до финала, где меня ожидал Харальд Бюттнер. Здоровенный парень. Гордая осанка. Мощная шея. Грудь атлета. Лидер команды ГДР. Ее надежда.

Я проиграл. Ничего не мог сделать.

Шахмурадов все понимал, а Миндиашвили из себя выходил: «Да ты ж его голыми руками победить можешь. Да как же ты прием простенький прозевал? Ай, как обидно! Ай, скорее бы снова с ним встретиться. Ваня, ты докажешь, докажешь?»

Совершенно разбитый, вернулся я в Красноярск. Еще долго испытывал вялость, апатию, мало тренировался. Часто консультировался с врачами, несколько раз летал в Москву на обследование. Одним словом, выбился из колеи.

Жизнь спортсмена это не только тренировки и выступления. Когда становишься известен, то приходят часто ежедневные приглашения выступить на спортивном вечере. И попробуй откажись — сразу скажут, что зазнался Ярыгин. А ведь еще есть личная жизнь: дети, жена, домашние хлопоты.

Забот же прибавлялось. Меня выбрали депутатом горсовета, включили в комиссию по развитию физической культуры и спорта. Сразу почувствовал ответственность, люди шли к депутату с просьбами: где-то закрыли секцию — помогите ее восстановить, где-то не строят детскую спортплощадку — «пробейте», докажите, что она необходима, в каком-то районе не заливают в большом дворе каток, а раньше он был — убедите райспорткомитет в том, что без катка дети будут болтаться на улице.

Как отказать в просьбах. Писал, звонил, сам ездил по объектам. Что-то получалось, а что-то нет. Брала досада, злость.

С большими трудностями, но спорт в крае все-таки набирал силу. Прочтешь в газете, что в далеком Туруханске прошли соревнования по борьбе среди юношей, и сердце радуется. В каком-нибудь совхозе борцовский зал своими руками построили — тоже хорошо, все для общей пользы делается. И наша школа высшего спортивного

мастерства расширялась, росла, открывала свои филиалы в других городах. Тренеры разъехались по городам и селам края, организовывали борцовские секции.

Но ведь не одной борьбой живуч спорт. Главное, жизнь детей и подростков становилась интересней и полней, они могли найти себе занятие по душе. С каким удовольствием вспоминаю я свою школу в Сизой, учительницу физкультуры Зинаиду Дмитриевну Дмитриеву, которая была неистощима на выдумки, придумывала разные игры в полурусский, полуканадский хоккей, учила, как профессиональный тренер, играть нас в волейбол, футбол. Мы с ней в походы ходили — в тайгу, в горы. Так, я считаю, должно быть в каждой школе, в каждом техникуме, училище. Спорт дисциплинирует, воспитывает. И здесь мало агитировать и пропагандировать — личный пример нужен. Помню, как директор нашего таежного леспромхоза Александр Мазунин сам организовывал лыжные соревнования — трассу разметит, дистанцию посложнее выберет. И первым на лыжню, а за ним молодые ребята. Увы, не часто это было. План был важнее всего, и люди вкалывали по 12—14 часов в сутки на лесозаготовках.

Хотя я и говорю, что год выдался для меня неудачным, но это в спортивном плане. В общественном он был, наоборот, очень счастливым. Меня послали делегатом на XVII съезд комсомола. Там было немало знаменитых спортсменов — Леван Тедиашвили, дзюдоист Сергей Новиков, гимнастки Наталья Шапошникова, Мария Филатова, Ирина Дерюгина. Я был горд оказанным доверием, и запомнился он мне навсегда, вот только барабанные, звонкие речи некоторых выступающих не понравились, можно было подумать, что нигде ни у кого нет никаких проблем, все хорошо и замечательно.

...Как по-иному взглянули мы на жизнь после теплого апреля 85-го! Сколько пластов жизни было скрыто от людей за трескучими фразами! Наша жизнь — как обнаженный нерв, дотронься, взвоешь от боли. Все было покрыто розовой оболочкой, а там годами гноился, зрел нарыв. Но ведь, согласимся, все-таки нет таких черных сил, которые смогли бы повернуть колесо истории вспять. Мы были сильны убеждениями, мы верили, что должны очиститься от шелухи. Пришло такое время.

...Я продолжаю получать много писем от любителей борьбы. Они следят за моей работой, желают успехов сборной СССР. И просят подробнее рассказать о моей судьбе. В первой главе я немного коснулся своего детства, однако еще не успел поведать о каких-то ярких событиях отрочества. Вероятно, читателям интересно узнать побольше о моих братьях и сестрах, чем они занимаются. Сейчас я подумал еще раз о трудном для меня 74-м годе. И чтобы немного отодвинуть эти не очень приятные воспоминания, коротко вернусь к милой мне семейной теме.

...Родился я в селе Усть-Камзас, что в Кемеровской области, в Горной Шории. Затем семья перебралась в Туву, в поселок Усть-Уюг. До Кызыла, столицы Тувы, было не более 80 километров. Отец устроился кузнецом в геологической партии. Я любил наблюдать за работой отца в кузнице и в меру своих сил помогал ему. Геологи мне нравились, люди веселые, много шутили, пели под гитару, угощали колотым сахаром.

Отцу однако не сиделось на месте. Прослышал он о строительстве Саяно-Шушенской ГЭС и поехал в Шушенское на разведку. Вскоре вернулся, стали и мы собираться в дорогу. Мать вначале ворчала, но отец так образно расписывал ей тайгу, поселок, Енисей, так горячо убеждал, что построит большой дом для всей семьи, что она в конце концов сдалась.

Так мы попали в Сизую. Отец в кузню устроился. Мы сначала в небольшом домишке жили, в тесноте, но потом с помощью рабочих леспромхоза поставили солидный сруб.

Я до поступления в школу шоферов в Абакане успел поработать в Якутии, в Вилюйском районе, у газонефтедобытчиков. Зарабатывали мы хорошо, но и труд был тяжелый. Там, на Севере, несладко мне пришлось. Приехал зимой, 50-градусные морозы, ветер жутко завывает. Делал все, что говорили: домики для жилья ставил, кухарил, тяжеленные ящики с оборудованием таскал. Но поскольку был оформлен как вышкомонтажник, то лазил на пятидесятиметровую высоту гайки закручивать. Руки-ноги обмораживал, ладони в кровь сбивал. Но горжусь, что три нефтяные вышки недалеко от поселка Кызыл-сыр — это и мой труд. Год такой работы — память на всю жизнь.

Семья у нас, как я говорил, большая. Но все мы, братья и сестры, давно разлетелись по стране. Редко собираемся вместе, однако в день рождения мамы стараемся

непременно быть у нее. Моя мама, Евдокия Павловна, надевает красивое платье, прикалывает орден «Мать-героиня», и счастливая, что мы с ней, улыбается, приглашая за стол.

Старший брат Николай начинал мастером буровой установки в Туве, а сейчас живет в селе Знаменка Минусинского района. Шофер. Трех внуков имеет.

Приезжает сестра Галина с двумя ребятишками и с мужем, Анатолием Деругой. Сама она учительница математики, а муж — доктор физико-математических наук, трудится в Академгородке.

Прилетает Сашка, он младше меня на два года. Этот в меня пошел — мечтал борцом стать. Чуть помельче, чем я,— выступал в категории 90 килограммов. Был даже чемпионом страны среди молодежи. Но дальше у него как-то не заладилось, одолели травмы.

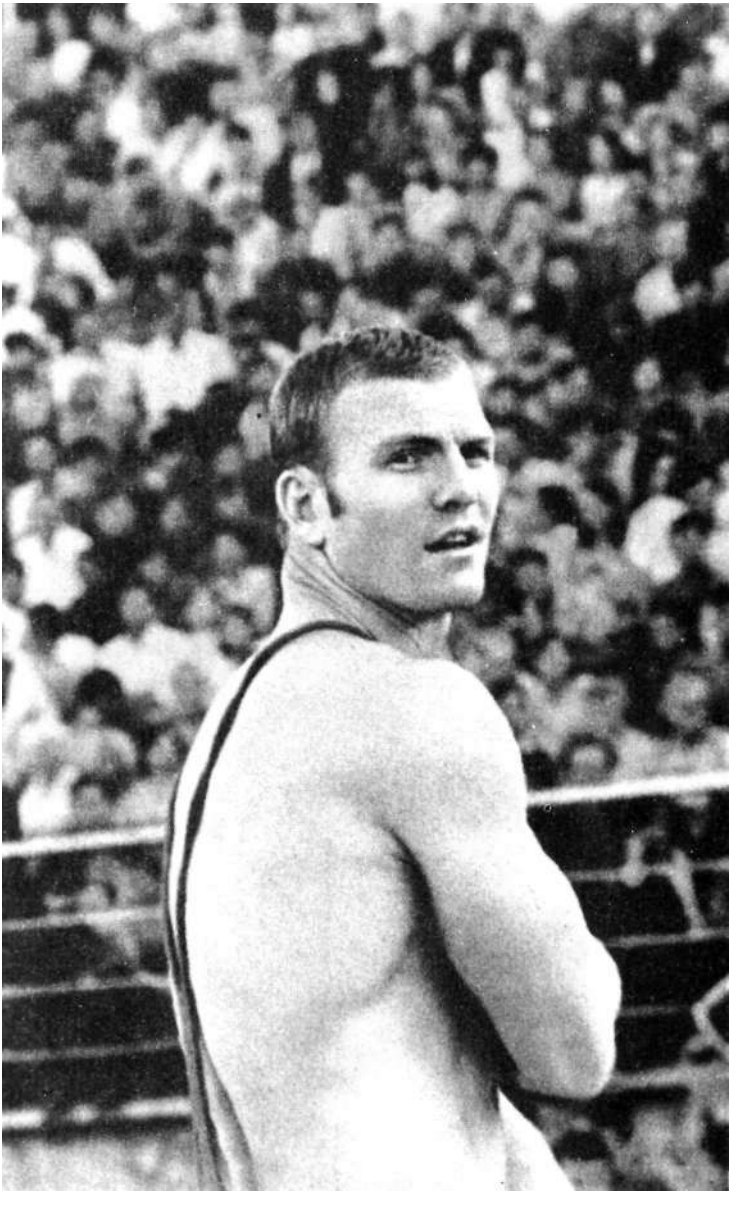
Женился Сашка, захотелось романтики. Далеко махнул — на Север, в село Чокурдах. Завербовался охотником. Говорит, что доволен жизнью. Жена на рыбзаводе бухгалтером, сын растет.

Две сестры живут с мамой — Надя, мастер строительного участка на Саяно-Шушенской ГЭС, и Люба, учительница русского языка, преподает в школе поселка Майна. У обеих по двое детей. В поселок я маму из Сизой перевез (поселок на другой стороне Енисея) в 1982 году, когда увидел, что ей уже трудно управляться с хозяйством. В поселке, где живут энергостроители, обслуживающие ГЭС, и магазинов побольше, и кино есть, газ, водопровод.

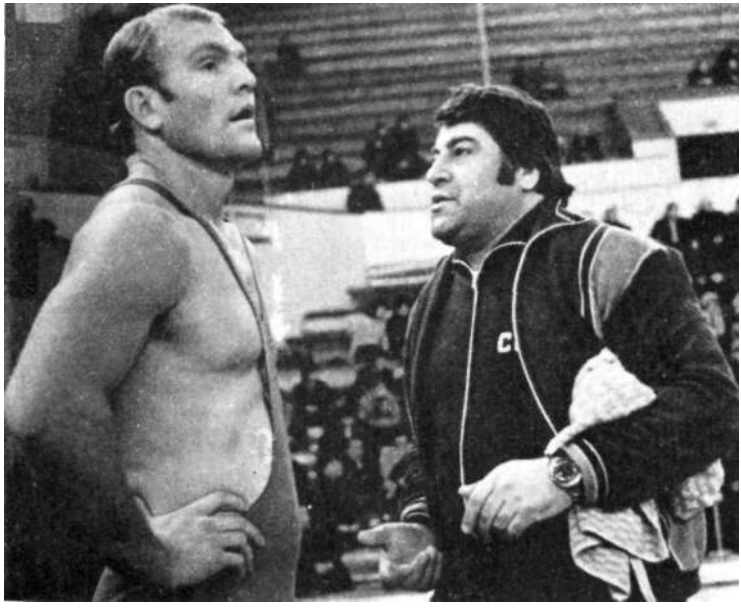
Любимы в семье близнецы — Коля и Люда, родились они в 1958 году, как раз «замкнули» десятку. Люда закончила Красноярский политехнический институт, строительный факультет, а Коля охотником стал, живет в бурятском поселке Большой Уян, соболей в тайге бьет. Крепкий парень, добрый. Пока холостой, привык к одиночеству, но о жене все-таки мечтает.

Не обходится за семейным столом и без слез, когда вспоминаем двух старших братьев. Гена мотористом на катере работал, это было еще в Туве. Однажды катер в путину занесло на пороги, пробило камнями обшивку, и на скорости катер перевернулся... Никто не спасся. Горе в семье было... После того мы в Сизую и перебрались.

А второй погибший брат, Василий, сорокового года рождения, был знатным шофером. На своем БЕЛАЗе

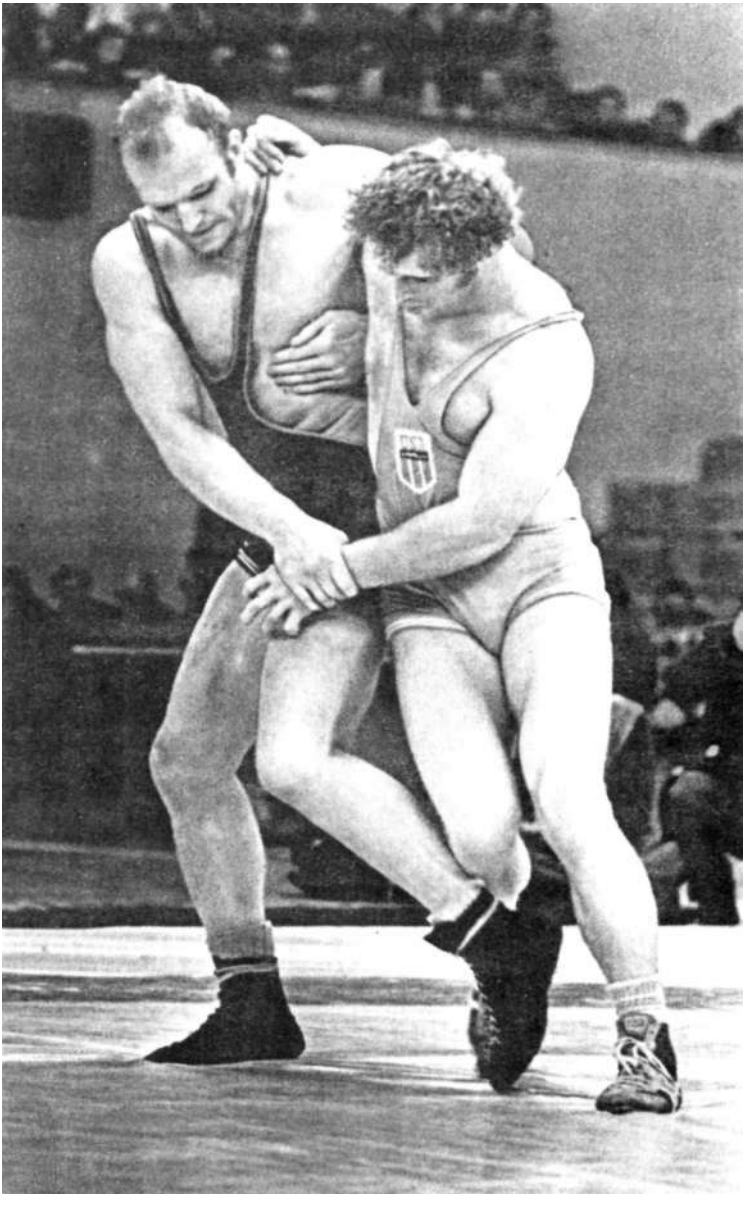


Как молоды мы были... Чемпионат страны-73 в Красноярске

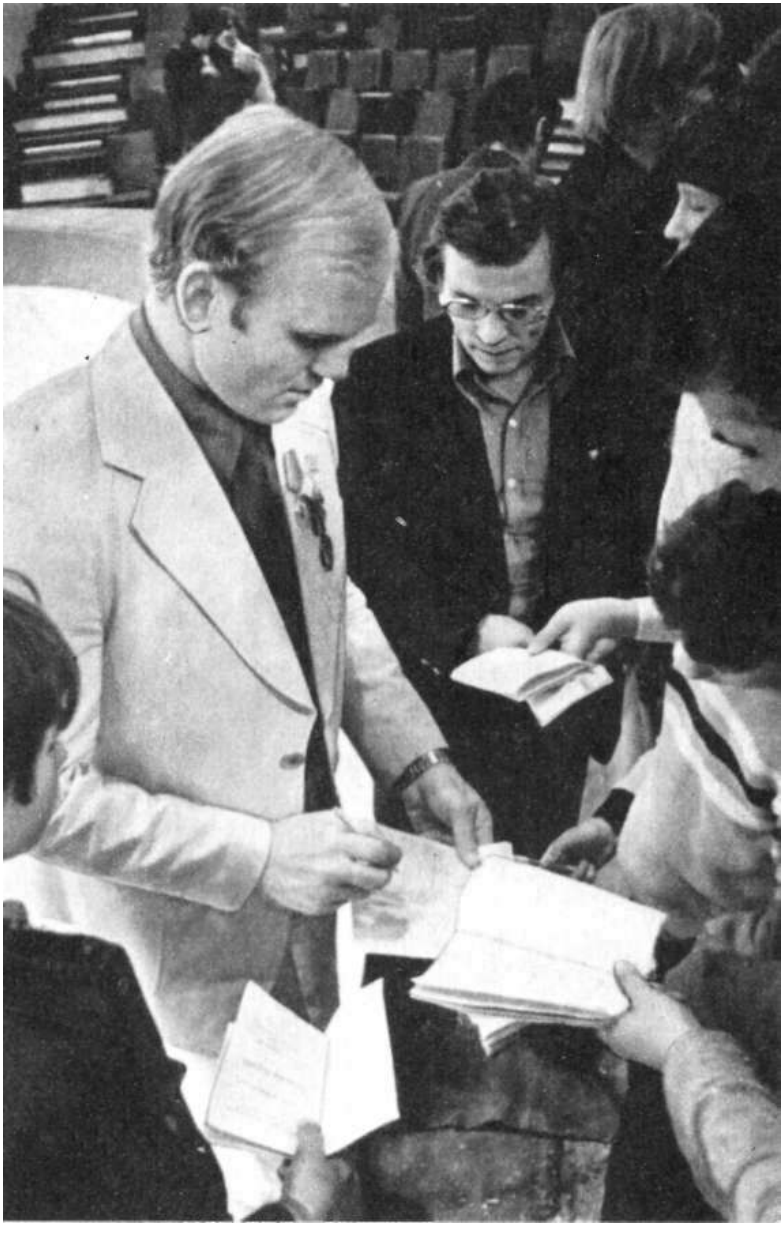


Их знает весь борцовский мир: Иван Ярыгин и Дмитрий Миндиашвили

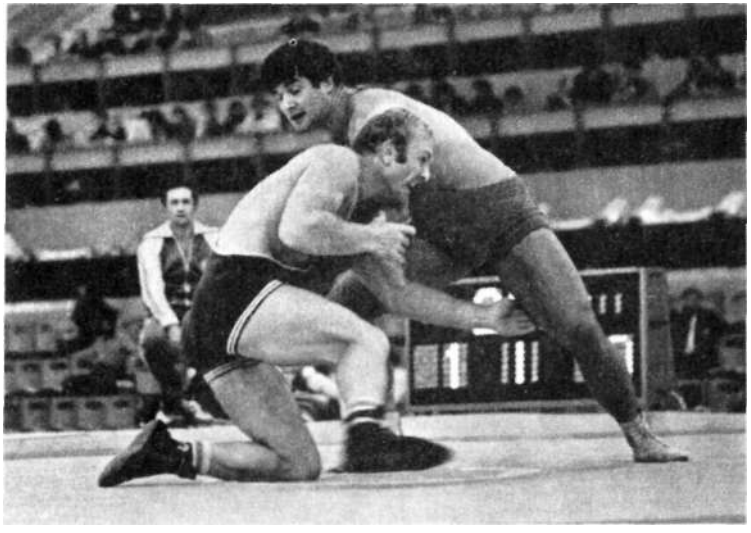
«Лекция» о науке побеждать в Красноярской школе борьбы



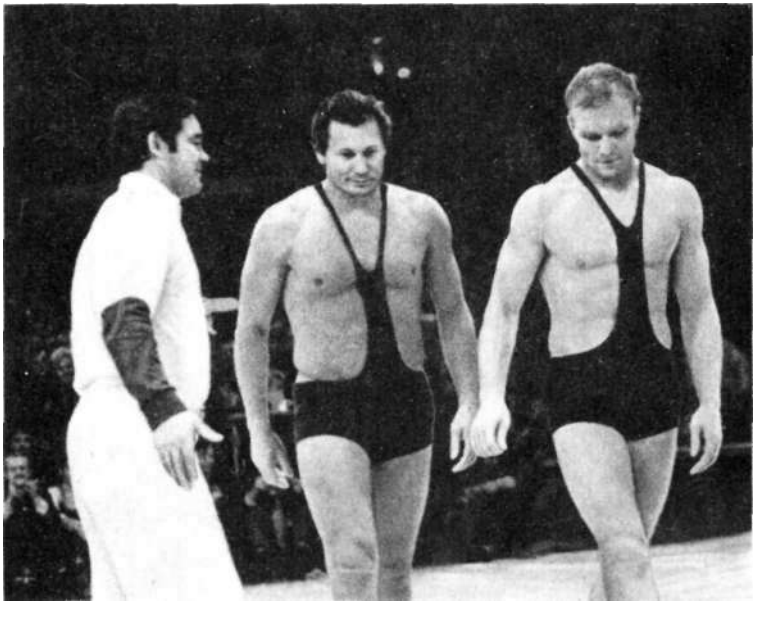
Встреча СССР — США в Толидо. Нужно только такое противостояние — на ковре



Автографы раздавать в общем-то приятно...



Упорный парень этот Магомед Магомедов. А если проход в ноги?

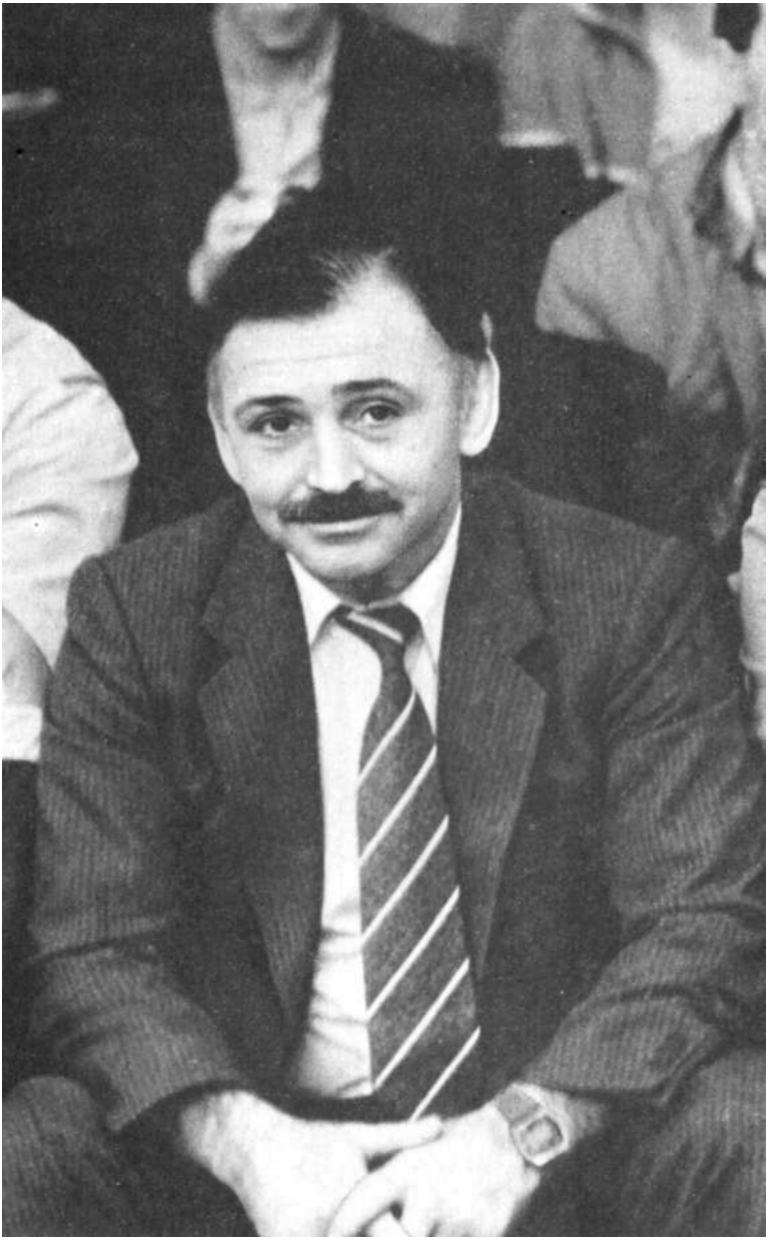


Нет, они не соперники. Просто удачный кадр: Александр Медведь и Иван Ярыгин идут к своим коврам

Итак, предстоит большая охота

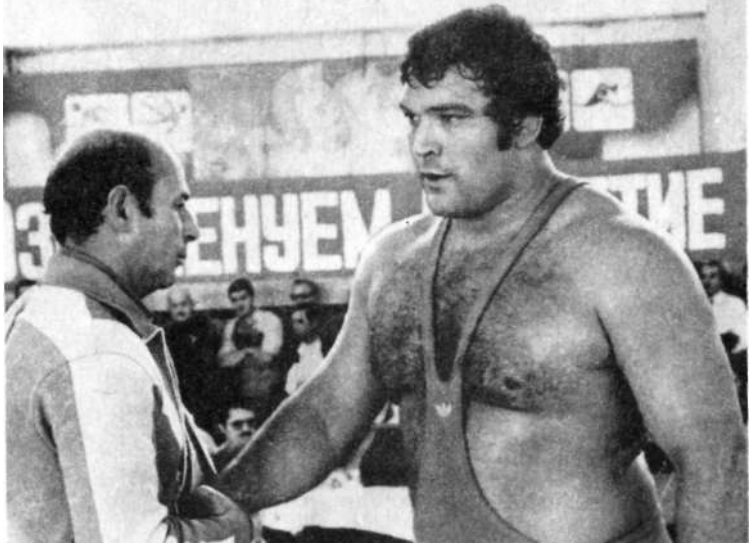
Три богатыря: Сослан Андиев, Александр Медведь и Иван Ярыгин

Горный орел Дагестана: первый чемпион мира Али Алиев



Первый олимпийский чемпион Дагестана Загалав Абдулбеков

Для Якутска чемпионат страны по борьбе — это грандиозное событие!



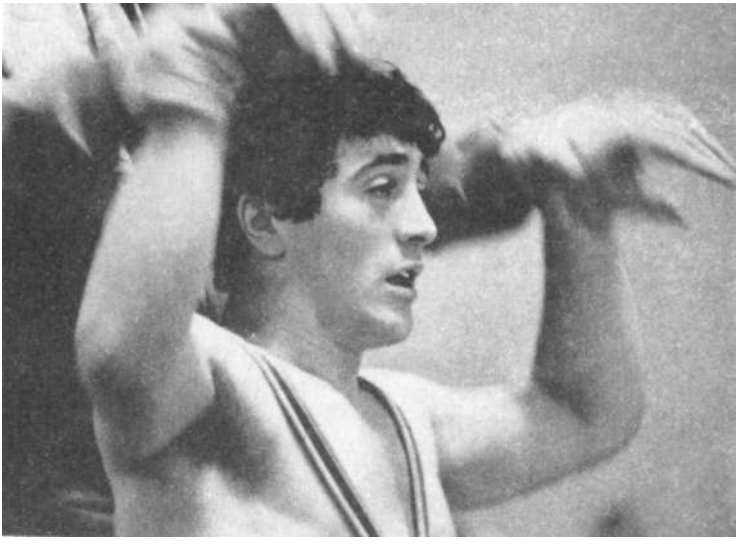
Четырехкратный чемпион мира Салман Хасимиков

Секундирует Иван Ярыгин своему земляку — чемпиону мира из Красноярска Владимиру Модосяну

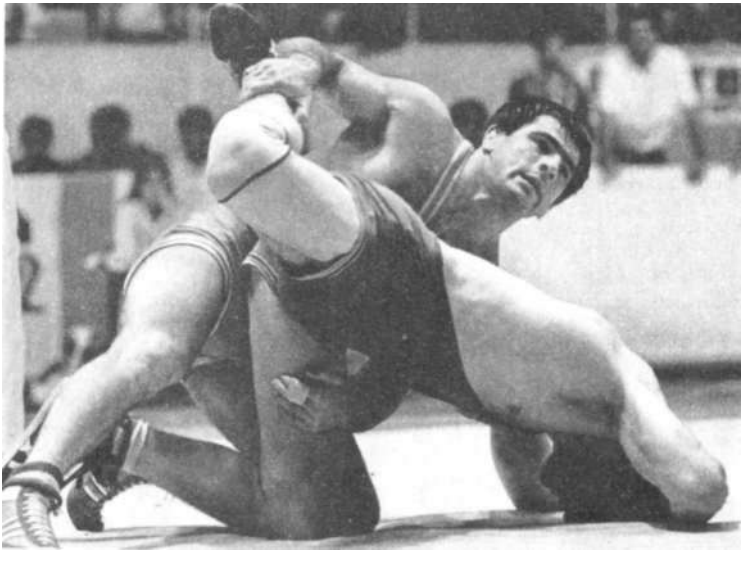
Неразлучное трио: тренер Казбек Дедегкаев и братья Хадарцевы — Махарбек и Аслан

Присядем, друг мой Сослан, перед дальней дорогой...

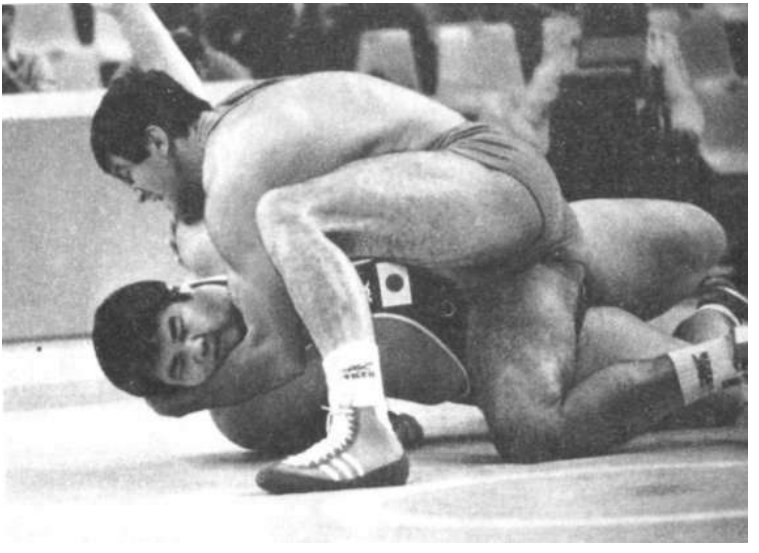
Сборная СССР по вольной борьбе за два дня до начала Олимпиады в Сеуле



Олимпийский чемпион Арсен Фадзаев

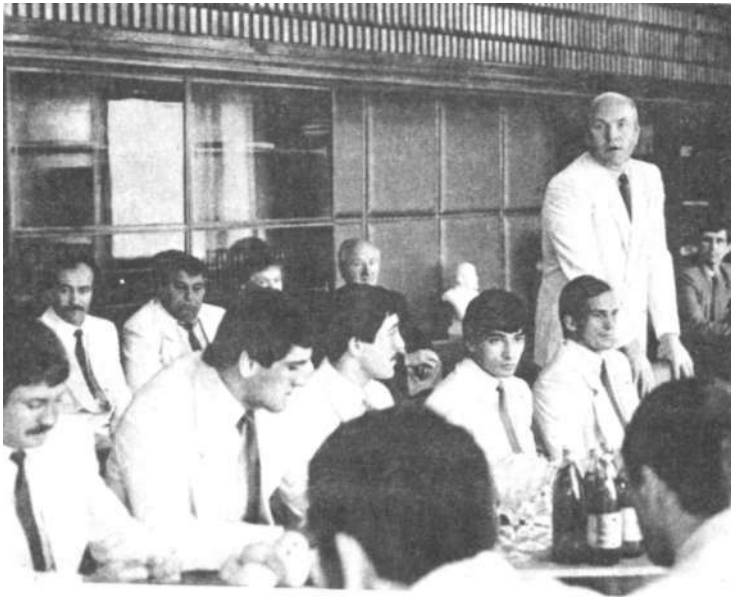


Олимпийский чемпион Махарбек Хадарцев: всегда победы за явным преимуществом

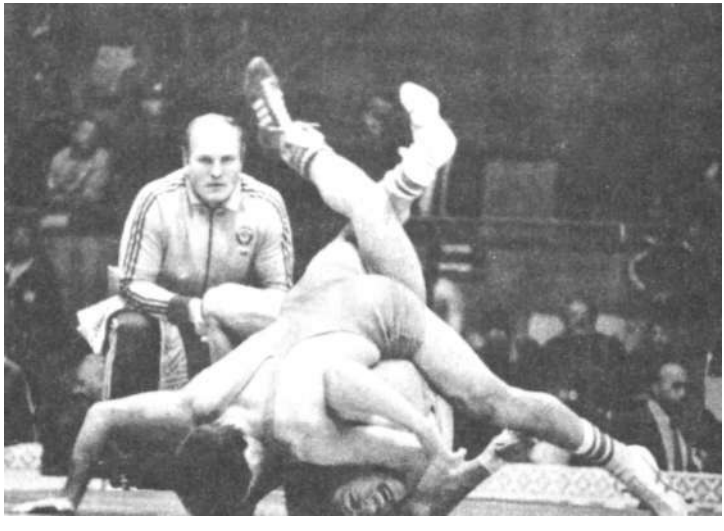


Олимпийский чемпион в тяжелом весе Давид Гобеджишвили — достойный преемник Александра Медведя

Братья Белоглазовы, Анатолий и Сергей (справа). Сергей — шестикратный чемпион мира, двукратный олимпийский чемпион

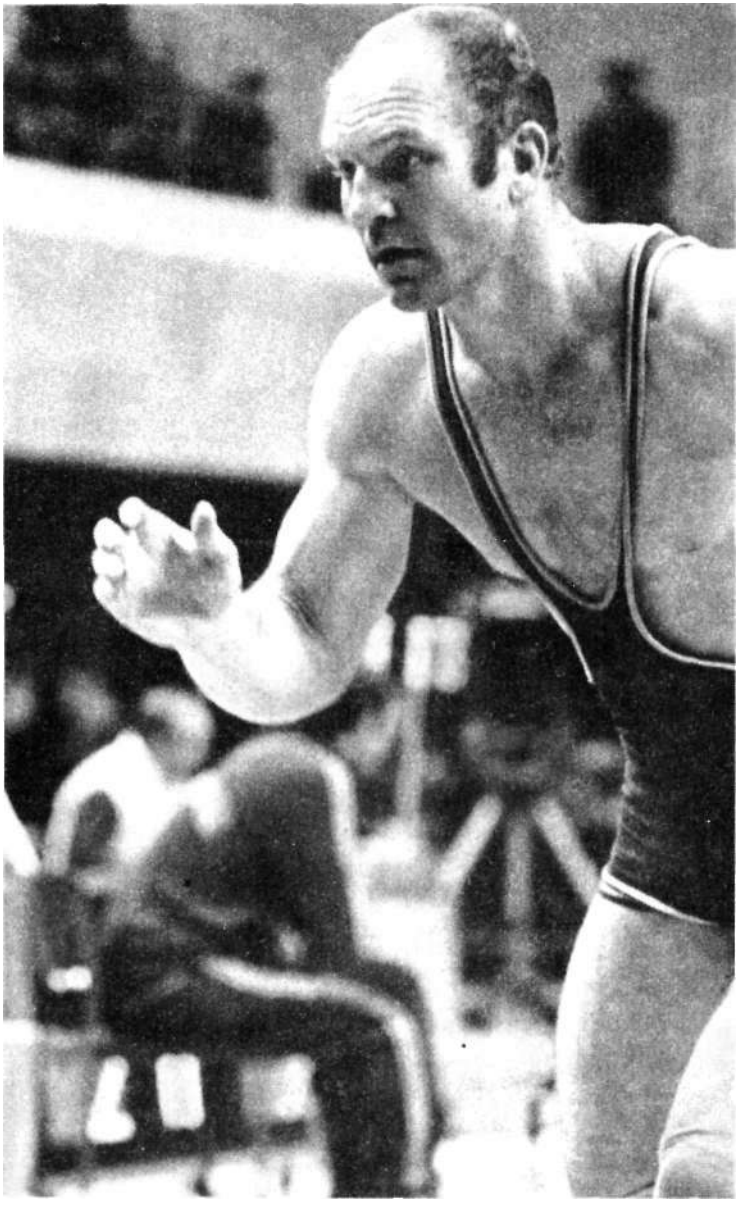


Каждый тренер говорит: «А выступать все-таки было легче...»



Олимпийцы и их главный тренер Иван Ярыгин

А если все начать сначала?



«Я выбрал бы только борьбу!»

возил огромные булыжники для строительства плотины Саяно-Шушенской ГЭС. Трагический случай оборвал его жизнь — в дождь, в непогоду, в слякоть сорвался грузовик в Енисей...

Мой отец, Сергей Николаевич, прошел всю Великую Отечественную. Когда он уходил на фронт, было ему ровно тридцать лет.

Я часто пытался расспрашивать батю о военных походах, о боях, о наградах. Не знаю, но он почему-то не любил вспоминать о войне, только горько скажет: «Чтоб её, проклятой, больше никогда не было!»

Знаю только, что отец прошел с боями до Волги, потом в качестве адъютанта командира сибирского полка освобождал с частями Украину, Польшу, Венгрию.

У отца было много медалей, но, к сожалению, мы, мальчишки, не понимая ценности этих наград, таскали их из деревянной шкатулки — тяжелые кругляши были незаменимы для игры в «расшибалочку».

Сохранились письма с фронта — ветхие, уже прозрачные от времени треугольники. Почти в каждом из них отец вспоминал, как они с мамой нашли друг друга в Горной Шории, что подался он туда на золотые прииски, но нашел настоящую для себя драгоценность — ее, Евдокию.

...Вернусь, однако, в год 1974-й, к чемпионату страны в Уфе.

Тренировался я в Красноярске, не хотел на сборы ехать. Видел, как жене нелегко. У нас ведь в 71-м дочка Аннушка родилась, а еще через два года — Сережа, Серыи. Помогал я ей во всем, научился пеленать, не гнушался стирки. И они мне помогали: если плохо на душе, сразу к ним, они ручонки тянут, глазенками хлопают, и теплее па сердце становится.

А хворь меня не оставляла. По врачам меня Дмитрий Георгиевич затаскал, лекарствами запичкал, все надеялся на поправку. Но я катастрофически худел — потерял восемь килограммов. Как в таком виде бороться?

Хорошо почувствовал себя только накануне старта — видно нервы успокоились. У меня всегда так бывало «перед бурей».

Действительно, гроза пронеслась надо мной жесточайшая — занял пятое место. Обошел только своего друга Лешу Атаманова. Впереди оказались и земляк Леша Исаев, и киевлянин Коля Муханов, и тбилисец Малхаз

Цнобиладзе, и Эльбрус Икаев из Орджоникидзе. Ясно, что на сентябрьский чемпионат мира в Стамбуле я не попаду. Что же делать? Надо восстановить силы. И в августе устроил себе с разрешения тренеров сборной каникулы.

Вернулся из тайги к 29 августа. Жадно схватил газеты — как там наши, в Турции? Вовка Юмин чемпион! Ай, молодец! Иранца обошел, японца, болгарина, венгра. Добился-таки своего.

Насруллаев и Ашуралиев тоже с золотыми медалями. Верил в них Шахмурадов после Тегерана и не ошибся.

В Тедиашвили-то никто не сомневался. Правда, появился у него серьезный конкурент — Иван Абилов из Болгарии, но неопытный еще, необстрелянный.

А у Сослана второе место?! Не может быть! Сослан, ты же без труда выигрывал у румына Шимона? Нет, конечно, это случайность. Будем считать — осечка.

А мои «полутяжи»? Как и ожидалось — Гулюткин первый, Баянмунх — второй, Бюттнер — третий.

...Еще только начинался год 1975-й, а мы с Миндиашвили уже готовились ко второй Олимпиаде — в Монреале. Опять мне предстоял спор с Гулюткиным. Мог, конечно, и кто-нибудь из «самородков» объявиться.

На тбилисском турнире чувствовал себя уверенно, и поехал в составе сборной на майский чемпионат Европы в Людвигсхафен, в ФРГ.

Окрыленные победой, вернулись мы с Дмитрием Георгиевичем в Красноярск. Правда, опять с Бюттнером «неувязка» вышла. На ковре я действовал во всех встречах раскованно, видел, что для соперников я опасный противник. А вот с Бюттнером поединок не сложился: судьи ко мне почему-то прицепились, арбитр шагу не давал шагнуть. Три предупреждения получил — все ему казалось, что я не активен. Но ведь и соперник не действовал! Харальд же затем две встречи проиграл и даже в призеры не попал.

И снова большие перспективы открывались, главная задача теперь — попасть на чемпионат мира в Минске. Впервые ФИЛА приняла решение организовать мировое первенство — да еще по трем видам борьбы — в Советском Союзе.

Юрий Шахмурадов нам объявил — в Минске выступят те, кто победит на Спартакиаде народов СССР.

Что со мной тогда произошло, почему, когда был великолепно подготовлен физически, потерпел одно из самых жестоких поражений за всю свою спортивную жизнь? В то время стометровку пробегал за 11 секунд, отжимался от пола более 120 раз, по канату на пятиметровую высоту поднимался и спускался на одних руках 15 раз без передышки. Ну, конечно, каждую неделю пробегал свой, ярыгинский, как его окрестил Миндиашвили, марафон — от Красноярска до деревни Слизнево. Туда и обратно — 52 километра.

В Киев приехал в отличном настроении. О победе на Спартакиаде не думал, все мысли были о чемпионате мира. Может быть, уверенность переросла в самоуверенность?

Встретил в гостинице Леву Тедиашвили. Он, подмигнув, сообщил: «Я, между прочим, в «полутяжи» перешел. Не возражаешь?» Я опешил: вот это номер! Так это же будет соперник номер один. Загадка... Но не подал виду, что растерялся. Пообещал Леве «туше» в первой же встрече. А Леван в ответ: «Вах, да я тут у всех выиграю, разве это «полутяжи»?» И смеется.

Во Дворце спорта обстановка напряженная. Нервничают руководители команд, у них свои расчеты, бегают с бумажками, подсчитывают очки. Из-за этих очков бывали у нас случаи, когда борца из слабой команды уговаривали «лечь», чтобы соперник, претендующий на медаль, не тратил зря сил. Меня это всегда возмущало до глубины души, готов был скрутить руки махинаторам. Правда, апелляционное жюри следило за поединками, результаты фиктивных схваток отменялись, виновные наказывались. Я говорю не об этом турнире, а о других. Просто вспомнил, какая накаленная атмосфера складывается, когда идет слепая погоня за очками.

Прекрасно выступали киевлянин Анатолий Харитонюк, Володя Юмин, Арсен Алахвердиев, Магомед Арацилов из Махачкалы, москвич Анатолий Прокопчук. В категории 90 кг он был первым, а шестым остался молодой, застенчивый хлопец из Донецкой области Илья Мате, будущий олимпийский чемпион, атлет, который через пять лет преградит лучшим полутяжеловесам дорогу к олимпийскому пьедесталу.

Легко прошел турнир Сослан Андиев. Хорошо выступил и воспитанник якутской школы борьбы Павел Пинигин.

...К финалу я продвигался довольно быстро. И сейчас не могу объяснить, как «отдал» балл Гулюткину. Миндиашвили даже взвыл, как от боли, в этот момент. И выскочил из зала.

«Все кончено,— подумал я,— судьба отвернулась от меня». Не встречаясь с Тедиашвили, я оказался на третьем месте — груз штрафных очков потянул вниз.

«Беда, беда,— мысленно повторял про себя, стоя на пьедестале. — Позор, позор».

— Домой, домой,— резко сказал Дмитрий Георгиевич.

Борьбу я решил бросить — нервы не выдержали. В самолете наворачивались слезы. Закрыв глаза, мучаясь, терзаясь, вспоминал всю свою жизнь.

Спасла меня от тяжелейших переживаний, как всегда, тайга и охота. Месяц бродил я с братом Сашкой по чащобе. Завалили медведя, двух маралов.

Обросший, худой, но в отличном настроении прилетел в Красноярск. Миндиашвили спросил:

— Что делать собираешься, Иван?

— Пошли в зал — соскучился по ковру.

И мы поехали в наш зал.

Перед чемпионатом мира меня и тренера вызвали на сбор — на нашу базу Стайки под Минском. Но уже было решено, что в полутяжелом весе выступит Гулюткин.

Об этом первенстве, я думаю, лучше расскажет Голубев, который вел репортаж с чемпионата и был свидетелем всех его перипетий. Чемпионат был сверхувлекательным и поучительным.

В. ГОЛУБЕВ. Для начала скажу: советские атлеты завоевали в общей сложности 20 золотых, 6 серебряных и 1 бронзовую медали.

Эти цифры свидетельствуют о триумфе советских борцов. Они впечатляют, внушают надежды.

Из журналистского блокнота. «В кровь разбитое лицо Володи Юмина. Блуждающий взгляд. Раскрытый рот. Слипшиеся волосы. Он сжимает кулак и вены на руках вздуваются, словно река в половодье.

Юра Мосин, массажист, поблескивая стеклами очков в тонкой оправе, кружил вокруг Юмина и не решался протянуть ему начатую бутылку «Боржоми». Он

никак не похож на массажиста, этот Юра Мосин — мягкие руки, мягкая фигура, интеллигентное лицо: ну, прямо студент какого-нибудь технического вуза или профессорский сынок.

Володя на глазах терял голову. Он стонал от злости и отчаянья. Но я знал, что через 15, самое большое через 20 минут Юмин отойдет, и трезвость вернется к нему. Такой он по характеру, он нравился своей непосредственностью. Володя еще мальчишка в свои 22 года.

Юмин рано остался без родителей, попал в детдом где-то па Урале. Затем переехал в город Каспийск, устроился на завод «Дагдизель» слесарем-инструментальщиком. Там его нашел Кадыр Пирсаидов, тренер по вольной борьбе общества «Труд». Взял к себе в группу, заменил отца, помогал во всем.

Вот что мне рассказал о себе сам Владимир: «Сколько раз наши наставники нам твердили: помните, поединок кончается только по сигналу судьи. Если ты ведешь в счете и думаешь, что победа в кармане, соперник обязательно тебя накажет за самоуверенность. Я придерживался этого правила, понимал, насколько оно разумно. Ведь это мой третий чемпионат мира. В Тегеране я дебютировал, не знал конкурентов, не представлял себе всю сложность выступления на турнире столь высокого ранга. Спустя год в Стамбуле чувствовал себя уже совсем иначе, все было знакомо, и к золотой медали я шел прямым путем. «Бронзу» Тегерана я поменял на «золото» Стамбула.

Юрий Аванесович Шахмурадов предупреждал меня, что и Минске будет труднее. Дело в том, что у японцев появился в моей категории очень сильный парень. «Советский спорт» писал, что Масаи Араи — «тайное оружие» японцев. По первым же схваткам стало ясно, что это конкурент номер один в споре за чемпионский титул.

Жребий распорядился так, что мы сошлись на ковре в полуфинале. Оба не имели штрафных очков. Следовательно, победитель встречи становится чемпионом. Мне кажется, что все свои предыдущие поединки я провел, как и положено обладателю золотой медали прошлогоднего первенства. И знаете, что меня вдохновляло? Телеграмма, полученная из Каспийска. Я уже на заводе не работаю, учусь в Дагестанском педагогическом институте, по, как видно, на «Дагдизеле» меня помнят. Вот она: «Товарищи по работе, весь коллектив предприятия

желают тебе победы в Минске. Верим в твою стойкость. Ждем возвращения домой. Наилучшие пожелания нашему земляку Руслану Ашуралиеву и всем членам сборной СССР по вольной борьбе».

Поверьте, я очень старался, чтобы оправдать доверие земляков. На поединок с Масаи Араи вышел, мне кажется, в боевом настроении. Перед схваткой мой секундант Хасан Хутбеев, тренер сборной России, еще раз напомнил, что японец умеет на ковре все, и надо держать ухо востро.

Да, эту встречу я запомню на всю жизнь. Складывалась она тяжело: первый период выиграл японец со счетом 3 : 2. Жесткий, цепкий парень. Я почувствовал, что он опережает меня, значит, физически он готов отлично. Во второй трехминутке я прибавил в скорости, сравнял счет, а японец получил предупреждение за пассивность. Я продолжал атаковать — соперник оборонялся. Я шестым чувством понял, что до конца остаются считанные секунды — вот она, желанная победа! И тут же наступила расплата за мою забывчивость. Араи прошел в ноги, «посадил» меня, заработав два балла (я выиграл только один до этого), и не отпускал. Краем глаза я видел табло, на котором цифры мелькали с бешеной скоростью. И наконец замерли на цифре 9. Все кончено — время схватки истекло.

Нет, никогда не прощу себе эту оплошность, которая обошлась мне так дорого. Разве «серебро» неудача? Для меня да. Если мне доверят выступить па Олимпиаде, честное слово, я сумею доказать себе и тренерам, что умею бороться до конца...»

Юмин закончил свой монолог, а я прочитал ему стихи поэта Евгения Ильина:

Борьба — занятие мужское.
Чуть оплошал — не жди добра.
Как поле боя, топчут двое
Плацдарм борцовского ковра.

Володя Юмин понимающе улыбнулся.

Наши борцы вольного стиля в Минске завоевали 4 золотые, 3 серебряные, одну бронзовую награду. Только два участника команды — Борис Базаев и Василий Сюльжин — оказались за чертой призеров. Командную победу в девятый раз отметила наша сборная.

Ныли достижения и повесомее. Раз были, то у многих помнилось чувство неудовлетворения, хотя «вольники» все-таки опередили «классиков» в их постоянном негласном споре. Я попытался вызвать на откровенный разгонор Болеслава Михайловича Рыбалко. Он был задумчив, необыкновенно серьезен. И вот что он сказал: «Четыре чемпиона в команде это, пожалуй, шаг назад по сравнению с другими первенствами. Хотелось на родине выступить лучше. И, наверное, есть объяснение этой ситуации. Объяснение, но не оправдание.

Борцы вольного стиля явно прогрессируют, я имею в пилу пашу сборную. Но некоторым атлетам казалось, что медали уже у них в кармане, предыдущие выступления давали основания так думать. Однако самоуверенность и шапкозакидательство никогда себя не оправдывали. Добавим сюда волнение, которое удваивалось в родных стеках. Вот Вася Сюльжин, горячо поддерживаемый земляками, «сгорел» на наших глазах, и ничего нельзя было поделать.

Где-то даже неплохо, что кое-кто получил холодный душ. Соперники награды без боя не отдают. Мы убедились, что болгары, американцы, монголы не стоят на месте, ищут свои пути, применяют новинки на ковре. Следовательно, и нам нельзя почивать на лаврах. Правда, радостно было за тех ребят, с кем связываем олимпийские надежды. Казалось, что Александру Медведю трудно будет найти замену, но за его спиной вырос Сослан Андиев, ему только 22 года, я очень верю в него. А Леван Тедиашвили? Уже четвертый раз признан лучшим на мироном ковре. Он сможет выступить и на своей второй Олимпиаде».

...Опустился занавес грандиозного спектакля, где актеры блистательно сыграли свои роли. Я долго сидел в полутемной комнатке во Дворце спорта, ее окошко выходило *а* зрительный зал. Телетайп уже не стучал (я ежедневно передавал репортажи в «Советский спорт» вместе с' журналистом Михаилом Супоневым), табачный дым Медленно оседал вниз. Наступила опустошенность, усталость. Столько было выплеснуто эмоций — на век хватит. Я, например, еще раз убедился, что борьбу широко и активно пропагандировать необходимо, это замечательный внд, Мужественный. Для настоящих мужчин.

Замолчали фанфары. Погасли прожекторы. Медали уложены в коробочки. Чемпионат позади. Монреаль — впереди».

И. ЯРЫГИН. Все эти дни я мысленно был на ковре и «сражался» со всеми конкурентами. Нет, я не сдался. Гулюткин потерпел фиаско. Он только третий. А старина Баянмунх первый. Вот как бывает, как все в спорте непредсказуемо.

...Когда у нас с Дмитрием Георгиевичем появилась надежда попасть на вторую Олимпиаду? После неудачи Гулюткина в Минске? Или после моего успешного выступления на Кубке мира-76? Или после чемпионата Европы?

Могу сказать, что Миндиашвили никогда такой надежды не терял, он мне про Монреаль стал твердить сразу после Мюнхена, после того, как мы с ним правительственные награды получили.

У меня же были довольно длительные периоды сомнений и самокопания, нерешительности и обид. На кого? На себя в первую очередь.

Как бы то ни было, а вопрос о кандидатуре атлета в олимпийскую команду в полутяжелом весе встал буквально ребром. Кто? Кто достоин? Кто не подведет?

И Шахмурадов всерьез взялся проверять меня со всех сторон.

Вот таков спорт — казалось бы, сколько титулов у спортсмена, не раз доказывал свою надежность, а была хоть одна осечка — и главный тренер уже пристально всматривается в другие лица: может, посильнее парень найдется?

Я ни в чем не обвиняю Юрия Аванесовича — он поступал так, как требовали интересы команды. И хотя Миндиашвили со свойственной ему горячностью и экспансивностью до хрипоты доказывал Шахмурадову и другим коллегам, что «ориентироваться в год Олимпиады надо только на Ярыгина, мол, сибиряки никогда в трудные минуты не подводили», вспоминал и войну, и все было, конечно, убедительно, но требовало осмысления, раздумий тренера сборной.

Харальд Бюттнер имел две победы надо мной. А вдруг он для меня тот барьер, который принято называть психологическим? Мне оставалось только успешными выступлениями и яркими выигрышами вернуть свое доброе имя.

В конце марта 1976 года мы в четвертый раз отправились на Кубок мира в Толидо. И до начала турнира но традиции провели товарищеские встречи с американцами в разных городах Америки. Год Олимпиады, поэтому американцы бросают против нас лучшие свои силы, проверяют в бою всех кандидатов в олимпийскую сборную. В некоторых категориях мы видим действительно талантливых и самобытных ребят, но в целом наша команда явно сильнее. Мы побеждаем во всех матчах, и том числе и в финале Кубка мира, и не только американскую, но сборные Ирана, Канады.

В который раз был поражен добрым отношением к нам, русским, американцев. Времена тогда были нелегкие, в газетах нагнетался антисоветизм, дули зловещие ветры «холодной войны», а в реальности все было наоборот. Американцы встречали советскую команду с искренними объятиями и улыбками.

Мы постоянно слышали от людей, которые к нам подходили: «Восхищаемся вами, любим вас. Вы такие же, как мы. Что нам мешает жить в мире?» Помню, по приезде в Красноярск я в интервью для газеты все так и рассказал, как было. А в материале этих высказываний не оказалось, да еще мне приписали, будто я сказал, что в Америке свирепствует безработица, а сами американцы недолюбливают представителей социалистической страны Чертовщина какая-то! Попытался возмутиться, но мне твердо сказали, что так надо.

В Штатах все свои поединки я выиграл, чем остался весьма доволен. Впрочем, и темные глаза Шахмурадова светились радостью, он начинал снова верить в меня.

Частые перелеты по стране очень утомили, а еще трудная дорога домой — сон урывками, скрючившись в кресле. Чтобы мы размялись, Юрий Аванесович заставлял всех делать зарядку. Она и впрямь была очень нужна: ведь некоторым по приезде нужно было стартовать на чемпионате Европы в Ленинграде. А мне необходимо было не просто выиграть, выступить так, чтобы отпали все сомнения насчет моей кандидатуры в олимпийскую сборную. Никаких осечек не должно было быть. Я вспоминал чемпионат и Катовице и мечтал о том, что и в Ленинграде удастся повторить быстрый «путь наверх».

Ленинградский чемпионат был масштабным — по воль

ной, классической и по борьбе самбо. Организация таких соревнований непроста, но к чести хозяев — они были на высоте. Дворец спорта «Юбилейный» не пустовал, зрителей было очень много. В такой обстановке выступать одно удовольствие.

Мы убеждались, что борьба еще вызывает интерес. Я думаю, что в этом немалая заслуга руководителей Международной любительской федерации борьбы и ее президента Милана Эрцегана. Я хочу рассказать об этом человеке, ибо в нашем борцовском мире Эрцеган, пользуется большим авторитетом и уважением.

Родом Эрцеган из небольшого югославского города Зренянин, борьбой увлекся в 17 лет, но прозанимался всего год — получил травму, которая приковала его к постели. Однако не сдался, занимался самостоятельно и даже хотел поступить в тренерскую школу. Медкомиссия не пропустила по состоянию здоровья.

Тогда Милан окончил педагогическое училище и работал учителем младших классов в сельской школе в Македонии.

Во время второй мировой войны был командиром отряда партизан. За смелые боевые действия против фашистов награду получил из рук генерала Иосипа Броз Тито — руководителя югославского движения Сопротивления. В партизанском отряде Эрцеган стал коммунистом.

После войны Эрцегана назначают генеральным секретарем Македонского спортивного союза. Затем долгое время он возглавлял Научно-исследовательский институт спорта, писал учебники.

В 36 лет Эрцеган — генеральный секретарь Всеюгославского союза спорта. Тогда же был избран председателем Федерации борьбы Югославии.

Образованнейший человек, знающий в совершенстве десять языков, Эрцеган избирается в 1956 году генеральным секретарем ФИЛА, в 1972-м — президентом.

Эрцеган все делал и делает для того, чтобы поднять зрелищность борьбы, ее авторитет. По его идеям и предложениям менялись и совершенствовались правила. По его инициативе наши научные работники разработали правила соревнований для детей младшего возраста. Борьба действительно стала популярной в мире, в ФИЛА сейчас входят 119 национальных федераций.

...В Ленинграде мы еще боролись по старым правилам — по три периода. Однако мне, как и на Олимпиаде и Мюнхене, не довелось ни одного поединка провести на ковре до финального свистка арбитра. В общей сложности на все схватки я затратил всего четыре минуты — это значит, что в самом начале схватки «тушировал» и чехословацкого мастера Дрозду, и болгарина Костова, и Цинглера из ГДР, и турка Гючлю.

Журналисты писали, что Ярыгин выступил с ураганным натиском. Я и сам почувствовал второе дыхание, пришла необыкновенная свежесть движений, полная раскрепощенность, необыкновенно радостное ощущение своей силы.

И хотя в Ленинград не приехал основной мой соперник Бюттнер, тренеры в меня поверили и даже освободили от майского чемпионата страны в Одессе — дали отдохнуть после двух сверхважных турниров.

И все было по-прежнему — Красноярск, затем поездка в Сизую, свидание с матерью и отцом, недельное скитание по тайге, по сопкам, рыбалка, охота.

Исключительно плодотворно прошли сборы перед Олимпиадой. Олимпийцам помогали все, кто считался вторым или третьим номером. Чемпионом в Одессе впервые стал Асланбек Бисултанов, молодой, мощный парень из Грозного. Грозно топорщились у него смоляные усищи, сверкали чернющие глаза — он честно выполнял роль спарринг-партнера. И неотступно ходил со мной закадычный друг — Леха Атаманов. Выиграл в Одессе «серебро и радовался, как ребенок, но еще больше был рад за меня, что я в команду олимпийскую включен.

...Все ближе дыхание Олимпиады-76. Конец июня — последние тренировки, экипировка, подгонка формы, предотъездные хлопоты.

Красная площадь. Мавзолей Владимира Ильича Ленина, цветы к могиле Неизвестного солдата. Колонны олимпийцев. Клятва верности олимпийским идеалам, клятва выступить так, чтобы оправдать доверие Родины.

Девятичасовой перелет.

«Вольники» и дзюдоисты вылетели с последней группой, когда Игры прошли апогей и уже близились к завершению. Конечно, жаль, что мы не участвовали в торжественной церемонии открытия, но горды тем, что снова борцу Николаю Балбошину — доверили пронести алый стяг страны

Синие, урчащие автобусы катили по широкой авеню Шербрук в олимпийский парк «Мезонев», где было построено большинство спортивных арен, а вечерами по просьбе участников — в центр Монреаля.

Центр Монреаля — это 20- или 25-этажные дома. Торговая улица Сан-Катарин всегда многолюдна, словно там ежедневно народные гулянья. В центре — средоточие «красивой» жизни. Узкие улочки, ведущие в разные стороны света, уже явно беднее, меньше рекламы в магазинных окнах, серее товары.

Идешь по Сан-Катарин, и вдруг перед тобой вырастает буро-серое здание: знаменитый «Форум», где играют не менее знаменитые асы НХЛ. Мы привыкли, что дворцы спорта стоят обычно в стороне от оживленных трасс, а здесь, пожалуйста, «Форум» «зазывает» прохожих.

Ребята заметно волновались. Очень хорошо выступали наши представители других видов спорта, медали так и сыпались, повара не успевали дарить пышные торты победителям.

Мы сгорали от белой зависти — у «классиков» семь золотых наград. Пришли поздравить Валеру Резанцева, Виталия Константинова, Толю Быкова, Сурена Налбандяна, Николая Балбошина, Сашу Колчинского. Я поднял на руки Лешку Шумакова, земляка, красноярца, подкинул вверх (он же сорокавосьмушник). Молодчага, Леха! Не уронил чести края нашего богатырского!

Конечно, и Володю Чебоксарова обнял, у него «серебро». Он тоже наш, сибирский, родом из Тюмени.

Нет ничего тяжелее ожидания. Скорей бы в бой! Ломали друг друга на последних тренировках, аж косточки хрустели. Хороший показатель: есть жажда борьбы — значит, находимся на пике формы. Тренеры обеспокоены — только бы не перегорели, не сожгли себя до начала.

...В огромном зале прохладно, а ковер словно раскаленная сковородка. Каждый из нас выходил на поединок с твердым желанием отдать всего себя до конца, без остатка. Можете себе представить мои чувства, когда я узнал, что жребий в первой схватке «подарил» мне Харальда Бюттнера! Ну, в финале бы мы повстречались, ну, в полуфинале, на худой конец в третьей или во второй встрече. А то сразу же в самое пекло!

Боялся ли я Бюттнера, которому проиграл дважды на чемпионатах Европы? Не скрою, сердце екнуло, ладони вспотели. Но не от страха, нет. От того, что я тут же представил себе, как я у Харальда... выигрываю! Мы же с Дмитрием Георгиевичем очень долго готовились к этой третьей встрече с ним, все продумали, прежние схватки просто наизусть выучили, по полочкам разложили.

Конечно, в спорте конечный результат непредсказуем, но мы были уверены, что не может быть другого исхода, кроме победы.

Свист, крики, трещотки — знакомая обстановочка. Бюттнер выскочил на ковер, бледнее мела. Понимаю его состояние — сколько лет он на подступах к главным вершинам, европейскую одолел, а вот до мировой не добрался. Может быть, покорится Олимп?

Вижу, как его трясет от возбуждения, тренер что-то жарко шепчет ему, сжимая в руках синее полотенце. Бюттнер на мгновение замирает, смотрит в одну точку — представляю, как он себе внушает: «Ты выигрывал у Ярыгина. Два раза. Два раза! Два раза!!! Он плохо защищается от прохода в ноги. Плохо, плохо...»

А у меня в ушах звенели, бухали медным колоколом рубленые фразы Миндиашвили: «Ты должен всех здесь разорвать! Ты меня слышишь? Разорвать! Для чего ты сюда приехал? Победить! Только победить, победить. ...бедить, ...дить».

Вы не подумайте, что мой тренер кровожадный. Это у нас в борьбе есть такое выражение, «разорвать» — это значит выиграть убедительно, чисто, с явным преимуществом.

Бюттнер сразу попытался пройти в ногу. В вольной борьбе это самый распространенный прием. Действительно, если ты захватил ногу соперника, то считай, что один балл у тебя в кармане. Ведь скачущего на одной ножке не очень-то трудно подсечь.

Да, пройти в ногу — вот сначала что он должен был сделать. Я знаю его маневр и не подхожу близко, потом сгибаюсь, закрываю узкую лазейку между моей грудью и ковром. Бюттнер чуть растерян, он видит, что я подготовился к встрече. И вдруг Бюттнер входит в клинч, делает обвив, бросок через бедро. Ага, вот его «секретная» заготовка! Усилием рук я гашу инерцию движения и с подседом сбиваю Харальда в партер. Есть балл!

До сих пор помню каждый прием, каждую секунду тогда

поединка. Действовал резко, с опережением. Арбитр то и дело вскидывал вверх руку с растопыренными пальцами. В третьем периоде счет стал 13:2. Победа с явным преимуществом. С явным! И над кем? Над самым опасным конкурентом.

Миндиашвили плясал у ковра, Шахмурадов улыбался, а публика неистовствовала — ей по душе такие острые встречи.

Дальше пошло-поехало, как по маслу: аргентинец Верник, чех Дрозда, болгарин Костов, стареющий Баянмунх.

И вот финал: Расе Хелликсен, американец, не подарок, хотя виделся с ним на ковре не однажды и ни разу не уступил. Этого белокурого, плотно сбитого гиганта я учил хитростям борьбы и в Толидо, на Кубке мира, и во время товарищеских встреч со сборной США. Мы с ним по-настоящему подружились. Расе показал себя наиспособнейшим учеником. Я шел в атаку и видел себя словно в зеркальном отображении — Хелликсен не отступал, он тоже бросался вперед и делал мои излюбленные броски.

Вы знаете, с каким счетом закончился наш матч? Не поверите — 19 : 13!

Мы стояли мокрые, как мыши, затем повисли на плечах друг друга. Судья пытался нас разнять, чтобы объявить мою победу, но сил у него не хватило...

Это была уже четвертая золотая медаль нашей команды. До меня в ранге олимпийских чемпионов пребывали Володя Юмин, Паша Пинигин, Сослан Андиев. Серебряные награды получили Рома Дмитриев, Саша Иванов, Витя Новожилов.

В 22 часа по местному времени 31 июня закончился поединок Левана Тедиашвили с американцем Беном Петерсоном. Он был таким же «каскадным», как и мой с Хелликсеном. Леван все-таки переиграл в острых позициях исключительно сильно подготовленного Бена, который, кстати, в Мюнхене уже всходил на олимпийский пьедестал в категории 90 кг. Но вот теперь в эту категорию перебрался Тедиашвили и не позволил Петерсону добыть вторую высшую награду.

...Нет, я не верил своим ушам. На общем собрании советской делегации решили, что на торжественном закрытии Олимпиады я понесу знамя нашей страны. Я расте-

рялся, покраснел... Такая честь выпала на мою долю! Потом я понял — это не мне честь, а отечественной школе борьбы. Признаюсь: никогда я так не волновался, как в те минуты, когда нес по олимпийскому стадиону древко с алым полотнищем.

Нам, олимпийцам, в Москве была устроена грандиозная встреча. От волнения наворачивались слезы, мы прятали лица в охапках цветов. На митинге надо было выступать.

Я помню самое важное, что сказал, от сердца:

— Мы ощущали дыхание Родины...

В сентябре вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Утром, раскрыв газету, нашел знакомые фамилии: Юрий Аванесович Шахмурадов — орден Дружбы пародов. Дмитрий Георгиевич Миндиашвили — орден «Знак Почета». Леван Китоевич Тедиашвили — орден Ленина. Иван Сергеевич Ярыгин — орден Ленина.

ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН

...Мир постоянно составляет и пересоставляет сам себя в бесконечном процессе неудовлетворенности.

Э.-Л. Доктороу

Сейчас, с высоты прошедших лет, осмыслив события того олимпийского сезона, я вижу прямую связь времен, соединяющую Мюнхен, Монреаль, Москву, Сеул. Чтобы взойти на каждую из этих олимпийских вершин, надо было «преодолеть себя», переступить через «не могу».

Чтобы попасть в Монреаль, мне, например, пришлось сделать почти невозможное: я должен был доказать тренерам сборной, что, несмотря на мой пошатнувшийся борцовский авторитет, я не подведу в решающий момент. Не побоюсь сказать, что я поставил на карту все. Юрию Шахмурадову говорил честно и без рисовки: «Я буду олимпийским чемпионом. Можете не сомневаться!» Рисковал ли я, делая столь смелые заявления? Рисковал, но для такого смелого заявления были основания. Уже после Монреаля Шахмурадов в одной из статей так отозвался обо мне: «Иван Ярыгин на решающем этапе подготовки к Олимпиаде показал пример

самозабвенной отдачи. Он поразил нас самоотверженным отношением к тренировкам. Именно это и обеспечило ему новую значительную победу».

И Шахмурадову там, в Монреале, и мне, когда я стал тренером сборной, постоянно задавали один вопрос: «Чем объяснить феноменальные успехи советской команды борцов вольного стиля?»

В разные годы называли различные причины нашего преимущества на мировом ковре: это и богатый арсенал приемов, и новые методы при «шлифовке» скоростно-силовых качеств. Но когда наша сборная в 1987 году в 21-й раз подряд победила в командном первенстве на очередном мировом первенстве (это был французский городок Клермон-Ферран), на пресс-конференции, услышав знакомый вопрос одного испанского журналиста, я ответил точно так же, как и Юрий Шахмурадов в 1976 году: «Советская школа вольной борьбы — это синтез национальных видов единоборств, которые существуют в Советском Союзе».

И подобный ответ не является преувеличением, хотя могут сказать, что вольная борьба зародилась в Америке и что она была включена в программу третьих Олимпийских игр. Правда, в этих соревнованиях участвовали только американцы. И все-таки теперь все убедились, что техническая оснащенность наших атлетов выше в целом, чем у представителей других команд. Согласитесь, что любой прием или бросок можно выполнять в десятках разных плоскостей, эффективнее он получается у того, кто пользуется дополнительными нюансами: где подсесть, где подвернуться, как рвануть руку соперника на себя, как искуснее выполнить зацеп или обвив ноги. Эти тонкости есть в таких видах борьбы, как грузинская «чидаоба», якутский «хапсагай», молдавская «трынтэ», армянский «кох», азербайджанский «гюреш», узбекский «куреш», осетинская «хъабыс хает». Наши борцы впитывали в себя, как говорят, с молоком матери основы этих видов, ведь в сборную постоянно входят представители многих союзных и автономных республик.

Будь моя воля, я попросил бы кинематографистов сделать документальный фильм о наших национальных видах борьбы, чтобы в нем было отражено, какие приемы и броски применяют советские мастера. Уверен, этот фильм пользовался бы огромным успехом во многих странах, где культивируется борьба. Чтобы рас-

крыть одну из причин наших успехов на международной спортивной арене, хочу рассказать о некоторых наших борцовских центрах в глубинке, о выдающихся борцах и тренерах. Здесь я обращусь за помощью к литзаписчику, который много поездил по стране и побывал в нескольких таких центрах.

В. ГОЛУБЕВ. Любители борьбы знают, что вольная борьба особенно популярна в Дагестане. Немало именитых чемпионов выросло в этой автономной республике. Мы уже говорили о первом олимпийском чемпионе из Дагестана Загалаве Абдулбекове. Нельзя обойти молчанием и такого выдающегося атлета, каким был Али Алиев.

Горный орел. Да, именно так, «горный орел», называют в Дагестане своих любимцев, прославивших республику на борцовском ковре. Али Алиев был первым, кто это сделал.

Алиев, с одной стороны, человек счастливой спортивной судьбы, с другой — трагической. Первый из дагестанских пехлеванов чемпион мира. Этого звания он затем удостаивался еще четырежды. Национальный герой маленькой республики, он был воплощением мужества и благородства.

Алиеву не было равных на мировом ковре. И, конечно, никто не сомневался, что он станет чемпионом па Олимпиаде в Риме. Казалось, долго не найдется такого борца, который бы смог выиграть у крепкого, азартного атлета. И как же несправедливо обошлась судьба с этим смелым джигитом — трижды он стартовал на Олимпиадах (в Риме, Токио, Мехико) — трижды оставался за чертой призеров. Какой-то злой рок преследовал Алиева.

Как ни горевали земляки Али по этому поводу, он оставался для них кумиром. Честный, скромный парень, Али не терял голову от успехов, не опускал рук после неудач. Он стойко нес бремя чемпиона и не сгибался под ударами.

Я помню его последнее выступление на чемпионате страны. Это был памятный и для Ярыгина турнир, где он впервые положил на широкую ладонь небольшой желтый кругляш. Такую же медаль рассматривал и Алиев, она была у него девятая по счету. Горячие поклонники Али, махачкалинцы, одинаково приветствовали и полюбив-

шегося им богатыря из Красноярска, и крепыша из горного селения Чох — гордость Дагестана.

Я видел слезы на глазах старцев в каракулевых папахах, когда они провожали несравненного Али Алиева из спорта. И не только из спорта. Он, окончив медицинский институт, был приглашен в Москву работать в одном из вузов. Для способного врача открывалась желанная перспектива — защита кандидатской диссертации, работа хирургом.

И Али уехал. Но, как говорится, в один прекрасный день Алиев понял, что не может жить в столице, тянет его в родные края. И он вернулся в Махачкалу. Там ему предложили возглавить кафедру хирургии мединститута.

Нашел ли в медицине Али Зуркарнаевич Алиев свое призвание? Видимо, нашел, ибо его коллеги отзывались о нем как о самом замечательном специалисте и принципиальном, честном, требовательном руководителе.

Я был в командировке в Махачкале в то время, когда Алиева всего несколько месяцев назад назначили главным врачом второй городской больницы. Я с удовольствием принял его приглашение посмотреть новое «хозяйство». Мы ходили в белых халатах по стареньким коридорам, заглядывали в больничные палаты, в операционные, и Алиев с присущей ему страстью рассказывал о планах реконструкции здания, о новых, современных операционных, о закупке заграничного оборудования, об операциях, которые здесь будут делать. Я обратил внимание на то, с каким почтением здоровались с Али Зуркарнаевичем пациенты, знаменитый спортсмен стал не менее знаменитым доктором.

А потом я получил приглашение заглянуть вечером в парк Ленинского комсомола, в борцовскую школу «Урожай». Конечно, я знал, что Алиев все эти годы с небольшими перерывами, когда учился в Москве, тренировал Руслана Ашуралиева, который стал двукратным чемпионом мира, бронзовым призером Олимпиады в Мюнхене. Но все-таки немного удивился: какие тренировки при такой чудовищной загруженности его как врача?

Для Алиева вечера в зале борьбы — это «смена декораций», смена деятельности. И на ковре, в тренерском костюме, он был так же деловит, увлечен и азартен, как и в больнице. Видимо, Али вообще ничего не умеет делать вполсилы. И в зале я понял — нет, от борьбы он никуда не уйдет. Восемьдесят мальчишек было

в его группе, за два с половиной часа тренер стал мокрым, ни одной минуты он не посидел на скамеечке, все время показывал приемы.

Мало того, Алиев, оказалось, еще и по утрам на берегу Каспия с ребятами занятия проводит. Играют в футбол, бросают камни на дальность, борются на песке до изнеможения — и это называлось разминкой!

Кроме юнцов, у Алиева занимался и Магомедхан Арацилов, скромный парень с умными глазами, студент медицинского института. Алиев рассказывал мне, что Магомед был нескладным, худющим мальчишкой, и другие тренеры советовали Али не мучиться с ним — мол, перспективы никакой. Алиев же, следуя своему принципу — слабых не отчислять из группы, наоборот, уделял мальчику чуть больше внимания, чем другим. Из «скелета» Арацилов вырос в мускулистого, жилистого борца, и дебютируя на взрослом ковре, стал победителем на Спартакиаде народов СССР. В 1975 году это было. Правда, знатоки немного морщились, глядя на стиль борьбы Арацилова: дескать, техника исполнения бросков не отшлифована. Может, и так, да только на ковре еще и сила, выносливость нужны. И Магомед научился лучше всех в группе Алиева бегать кроссы, научился терпеть в изматывающих схватках, поэтому и стал чемпионом мира в 1978 году. Был недалек от олимпийской вершины в 1980 году, чуточку недобрал, «серебро» ему досталось.

...И снова утро. И снова берег Каспийского моря. Зычные команды Алиева. Он бежит впереди по песку, сворачивает направо на набережную — и в горы, в горы. Два часа кросса!

А потом в больницу, в горисполком, в операционную. Увлеченность жизнью — главная черта Алиева.

Запомнил его слова: «Если у тебя любовь к краю, к земле, к работе,— большие вершины одолеешь...»

После Олимпиады-80 в числе спортсменов, тренеров, физкультурных работников Али Зуркарнаевич Алиев был награжден орденом «Знак Почета».

Эта награда — за любовь к борьбе и медицине.

Как ни любил Алиев медицину, а все-таки оставил ее и вернулся в спорт совсем. В 1988 году назначили его председателем республиканского спортобщества профсоюзов.

Однако я хочу вернуться немного назад и чуть-чуть приоткрыть занавес над борцовской картой Дагестана. Где истоки любви всех жителей к борьбе, где же вырастают будущие чемпионы? Никогда не забуду небольшую поездку на машине по селам Дагестана. Сопровождал меня Юсуп Юсупов, тогдашний председатель сельского общества. Он пояснял: «Все наши борцы — из горных селений. Алиев родился в селе Чох, братья Насруллаевы — в Тарки, Арацилов — в Чародинском районе. И мы продолжаем искать таланты именно в отдаленных аулах».

По пути заехали в Кизилюрт. Познакомились с двумя тренерами сельской школы борьбы — Гамзатом Султан-мурадовым и Дадой Гаджиевым. 90 мальчишек у них занимаются в небольшом зальчике аккуратно побеленного домика. Маты, сшитые вплотную, тусклые лампы под низким потолком. Условия, разумеется, не ахти. Но никто не жалуется, знают, что «хоромы» будут позже, когда появятся результаты.

Председатель райсовета «Урожай» Халил Билалов спросил: «Вы в Хасавюрт, к Вахмураду Касимову? Поеду с вами. Он же мой «соперник». Посмотрю, как у него дела идут».

Поехали. Билалов пояснял:

— У нас в Кизилюрте пять общеобразовательных школ. Сами понимаете, каждый пацаненок мечтает попасть «на борьбу». Когда осенью идет набор, то мы сообщаем об этом по местному радио и в газете. Буквально тучи мальчишек сбегаются к залу. Как быть? Выход один — устраиваем открытое первенство. Ведь все умеют бороться.

В Хасавюрт мы попали уже к вечеру. Приняли нас как самых дорогих гостей. И не потому, что прибыло «начальство» и корреспондент. Кавказское гостеприимство и доброжелательность общеизвестны.

До глубокой ночи просидели мы с тренерами Хасавюрта, беседуя о настоящем и будущем их школы. Вместе мечтали, представляя, как будет сломана стенка в бывших мастерских и можно будет постелить сразу два новых ковра, как сделают душ, раздевалки, высадят тенистую аллею, вдоль которой вывесят портреты знаменитых борцов Дагестана и Хасавюрта...

А когда расставались, я пожалел, что так быстро пролетело время. Поверьте, это грустные минуты в

жизни журналиста, минуты прощания. За несколько часов тебе становятся родными люди, которые поделились с тобой своими заботами, горестями, сокровенными мыслями. Один рассказал о своем столетнем дедушке, живущем в далеком ауле, который еще на охоту ходит и знает назубок всех борцовских знаменитостей. Другой поведал о нелегкой судьбе, о скитаниях, о поиске своего места в жизни. Третий — страстный путешественник, знаток природы... Но всех их объединяет любовь и преданность борьбе!

В машине я продолжал расспрашивать Юсупова о тренерах Хасавюрта и, конечно, вспоминал поездку в райцентр Сергокала, где тогда познакомился с Рашидом Рашидовым. Рашидов покорил меня скромностью и честностью и глубокой привязанностью к дорогим его сердцу мальчишкам.

Рассказывая о них, он все время повторял, счастливый этим обстоятельством: «Ах, какой у меня мальчик есть! Удивительный мальчик. Борец. Поверьте мне». И Юсуп Юсупов наклонялся ко мне доверительно: «Если Рашид сказал, что есть способный парень, значит это действительно так. Я ему очень верю. А один из учеников Рашидова, Руслан Караев, призер чемпионатов Европы, тренируется теперь в Махачкале».

И. ЯРЫГИН. Богата наша страна талантами. Из самых разных концов слетаются в сборную борцы. Сборная СССР поистине интернациональна. В ней якуты, грузины, аварцы, чечены, украинцы, белорусы, буряты, осетины...

Один из моих близких друзей — Роман Дмитриев, чемпион Мюнхена, Тегерана, серебряный призер Монреаля. Он был первой ласточкой якутской школы борьбы. Л потом там выросли Паша Пинигин, Саша Иванов, братья Христофоровы, Коля Неустроев, Вася Гоголев.

Тренером их был удивительный человек — Дмитрий Петрович Коркин. Закончив Ленинградский педагогический институт имени Герцена, Коркин вернулся в свое село Чурапча и стал там учительствовать в школе-интернате. Великий подвижник, знаток борьбы, Дмитрий Петрович со временем добился того, чтобы эта школа-интернат превратилась в спортивную, и в нее он отбирал самых талантливых мальчишек по всей Якутии.

Все чемпионы — это его ученики. Коркин создал свою,

знаменитую теперь на весь мир борцовскую школу. А трудился он в невероятно сложных условиях вечной мерзлоты, в зальчике, в котором было трудно разместиться и десятку ребят. Дмитрий Петрович стоически переносил лишения. Но цель была достигнута — выросли в Чурапче классные атлеты!

Я много раз бывал в Якутске, в Чурапче, других городах и поселках алмазного края. Всегда поражался увлеченностью мальчишек борьбой. Это народная традиция, в Якутии чрезвычайно популярна национальная борьба «хапсагай». Поэтому в каждом якутском селе масса талантов. Жаль, что ни школа в Чурапче, ни школа высшего спортивного мастерства в столице республики не могут «переварить» всех способных ребятишек. Тогда стали в далеких селах создавать спортивные филиалы, где идет отбор юных дарований для центральной спортшколы в Якутске.

В какой глубинке открывают спортивные школы, можно судить по тому, как мы добирались до одной из них, в селе Майя. Сначала решили лететь на вертолете, но все же выбрали автомобиль. Перебрались на правый берег широководной Лены на мощном пароме — 25 километров получилось наискосок. Тугой ветер бил в лицо, стараясь «сорвать скальп».

А потом пыльная дорога с большими кучами галечника по обочине — это на случай дождей, распутицы. Ухабы, ямы — будто плывешь на утлом суденышке в девятибалльный шторм. Взмолился остановить, попросил размять ноги. Через пять минут пулей влетел в «Москвич» — мириады комаров набросились на меня. Попутчики смеялись от души... Нас встречали немного чумазые мальчишки, лихо гоняющие на легких мотоциклах. Плакат на деревянном заборе сельского стадиона гласил: «Всех приглашаем на спартакиаду!»

Было очень интересно поглядеть спартакиаду сельских спортсменов по национальным видам спорта. В Майю прилетели, приехали даже из Черского, Тикси. Кто-то рассказывал, что добирался почти неделю — где на оленях, где на лодках, катерах, попутках. Якутия-то — ведь четыре Франции по площади!

Понравились мне «кыллы» — прыжки с разбега на одной ноге. Специалист сразу бы увидел здесь будущего Виктора Санеева — одиннадцать прыжков, это какую же «крепкую» ногу надо иметь! На сорок метров

«улетали» спортсмены. Я бы посоветовал тренерам по легкой атлетике искать «тройников» в Якутии.

Стрельба из лука, бег, поднятие гирь и, конечно, «хапсагай». Схватки идут бурно, динамично: дотронется после броска, подсечки соперник любой частью тела земли — проиграл. Увертливость нужна, устойчивость. Вот Роман Дмитриев и Павел Пинигин как раз такой устойчивостью и выделялись на ковре.

Заглянули мы в сельскую борцовскую школу. Деревянный дом, два ковра. Мальчишки возились на них без устали. Тренер Василий Уваров пожаловался: «Всех не можем принять, места не хватает. Работаю недавно, мечтаю вырастить своего Дмитриева. Вот Егор Санников уже «мастера» выполнил. Гордость нашего села».

Удивил меня местный спортивный музей, его создал бывший учитель физкультуры Иннокентий Тихонович Васильев. Книгу рукописную сотворил — в ней описание 134 национальных якутских игр. Экспонаты показывал — старинные лыжи, коньки, чудом сохранившийся пожелтевший плакат первой Всесоюзной спартакиады 1928 года. С благоговением достали шахматную доску с автографом Анатолия Карпова, он был здесь проездом, но музей не оставил без внимания.

...Рано ушел из жизни Коркин, тяжкая, неизлечимая болезнь его подстерегла. Он знал о ней и все печалился, что некому дело своей жизни передать. Больным он переехал в Якутск, тренировал детей, а сам присматривался — кто же будет его преемником?

Нашелся такой человек. Роман Дмитриев! Бросил он московскую жизнь и вернулся в родные края — всерьез борьбу поднимать. Вместе с Николаем Неустроевым горячо взялся искать способных ребят. Организовал ежегодный юношеский турнир, его призами стали медали Дмитриева. Прошло время, и вот уже в сборной страны появился Василий Гоголев. Он трижды побеждал на чемпионатах страны, дважды был лучшим на европейском первенстве.

...Продолжу свой рассказ о некоторых событиях на борцовском ковре 1977 года. На весенний чемпионат Европы в моем весе поехал Асланбек Бисултанов из Грозного, чемпион страны 76-го года, я уже упоминал о нем. Просто поразительно: классные «полутяжи» начали расти

как грибы после дождя! Я настроился на выступление на европейском первенстве, а мне говорят: «Погоди, не спеши, нам перспективных обстрелять надо. Вон Бисултанов, отлично выиграл на тбилисском турнире. Ему и Европу открывать. А тебе задача другая — Кубок мира в Толидо».

С ревностью следил я за выступлением Бисултанова на европейском первенстве: не подкачал усатый Асланбек, завоевал «золото», турку Гючлю досталось «серебро», Бюттнер остался на третьем месте. Не знаю, но меня такой расклад почему-то настроил на решительный лад, и на Кубке мира боролся напористо, жестко, с вызовом. Американца Гарольда Смитта мне удалось «тушировать» через 27 секунд после начала схватки, и местная газета писала: «Ярыгин установил мировой рекорд Кубка мира по самой короткой схватке».

Это была уже четвертая моя победа в личных соревнованиях кубка. Не скрою, было приятно. Мы легко переиграли сборную США со счетом 8 : 2. Красивую борьбу показали Володя Юмин, Паша Пинигин, Витя Новожилов, Толя Прокопчук.

Тогда мы впервые увидели уникального тяжеловеса Джимми Джексона, негра огромного роста, вес которого 180 килограммов. Наш Боря Бигаев ростом 190 сантиметров казался рядом с Джексоном просто малышом. «Черная гора» подмяла под себя Бигаева за несколько секунд. Скажу вам, это было зрелище не для слабых. Мы были поражены — кто же сможет выиграть у Джексона на чемпионате мира?

Новое испытание теперь ожидало меня на чемпионате страны, его снова проводил Красноярск. Красноярцы радовались этому обстоятельству — трибуны были забиты зрителями. Вот только мне было грустно — не сумел я выиграть у молодого Бисултанова, хитрее и быстрее меня он оказался. Я думал, что уж Лева Тедиашвили одолеет его. Но и его переиграл настырный Асланбек.

Турнирная ситуация получилась такой запутанной, что я с грузом штрафных очков опустился на пятое место, хотя выиграл у другого молодого «полутяжа» — у Ильи Мате из Донецка. А Мате победил самого Тедиашвили! Представляете, сколько удовольствия доставили поединки в моем весе болельщикам.

На чемпионат мира послали Бисултанова. Он победил. Вот тогда окончательно утвердился авторитет школы

борьбы Чечено-Ингушетии, где главную роль играл тренер Дэги Багаев. Другой его ученик, Хасан Орцуев, стал чемпионом мира в 1979 году, а Салман Хасимиков четырежды завоевывал звание чемпиона мира в тяжелом весе.

В. ГОЛУБЕВ. Мне довелось много раз встречаться с Дэги Имрановичем, бывал и в Грозном. Интересный он человек, Багаев, кипучий, как вулкан. Прекрасный семьянин, у него четверо детей, и ему приходится разрываться между домом и залом. Зал — его второй дом. Он там с утра до вечера, обедать забывает. Ночами ведет дневники, делает наброски к будущей книге. У него была цель воспитать чемпионов мира. И он добился ее. Но не успокоился. Задумал одолеть новую вершину — подготовить еще борцов высочайшего класса. И не о славе своей печется. О славе своего народа, своей республики.

Записал его рассказ в нашей длинной беседе у домашнего очага. Мне кажется, его высказывания любопытны. Вот так надо трудиться, творчески и страстно!

«Когда я в 1966 году вернулся в Грозный после учебы, то сразу с головой окунулся в нелегкую тренерскую жизнь. Борцовские секции были разрознены, предоставлены самим себе, и я, чувствуя нерастраченную энергию, пытался браться за все, помогая коллегам, тренируя разные группы. Год работы дал мне, с одной стороны, очень много, с другой — никакого удовлетворения. И однажды заслуженный тренер СССР Болеслав Рыбалко посоветовал: «Тогда по-настоящему разберешься в тренерской кухне, когда начнешь работать с новичками. Очень важно самому воспитать мастера. А сразу взрослых тренировать — это пустое дело...»

И всю осень искал, набирал ребятишек. Между прочим, набором мне приходится заниматься каждый сезон. Очень нужная и полезная для тренера эта «черновая работа».

Если у человека нет глубокой заинтересованности в результатах своего труда, то никто его не заставит качественно работать. Я же спал и видел своих ребятишек чемпионами, мне очень хотелось прославить родную Чечено-Ингушетию. И теперь, когда появились у нас успехи, когда наши борцы возвращаются домой с золотыми

наградами, можно и поделиться с коллегами своими методами работы.

Молодому тренеру прежде всего надо определить свою главную цель, к чему он должен стремиться. Некоторые думают поскорее воспитать чемпиона города, области, подготовить просто мастеров. У меня мечта была повыше — так тренировать мальчишек, чтобы они попали в сборную страны!

С чего я начал? Завел досье на сильнейших борцов мира — по справочникам, по книгам, по разным источникам выписывал «параметры» известных атлетов. Какова у них сила, скоростная выносливость, какими приемами пользуются? И старался развить у своих учеников именно те качества, которыми обладают борцы экстра-класса.

Естественно, что каждый тренер обладает определенными знаниями, полученными в учебных заведениях. В процессе жизни он расширяет их, знакомясь с работой своих коллег. Лично я очень благодарен своим учителям, которые щедро делились опытом. Это и Петр Федорович Матущак, и Алексей Захарович Катулин, и Болеслав Михайлович Рыбалко, Александр Михайлович Дякин и даже Вячеслав Петрович Кожарский, крупнейший знаток классической борьбы. Но этого мало. Нужен постоянный творческий поиск. Поскольку я сам в молодости занимался самбо, то решил взять для своей методики и некоторые оригинальные приемы борьбы в одежде.

Шаблонность — вот что самое страшное в работе. Если идти только проторенными путями, ничего не получится. И я старался больше придумывать разнообразных упражнений, целые недельные циклы, отличные друг от друга.

В основном я набираю ребят из сельских районов. И знаете почему? Пришел к выводу, что дети, проводящие много времени на воздухе, значительно выносливее городских, могут выдерживать большие, интенсивные нагрузки. К примеру, из села Старая Сунжа вышли чемпионы мира Асланбек Бисултанов и четырехкратный чемпион мира Салман Хасимиков, в селе Шатой выросли чемпион мира Хасан Орцуев и чемпион России Магомед Уциев, в селе Гехи — Руслан Бадалов, много талантливых ребят приезжают из Урус-Мартана, Саясана, Хасавюрта, Чечен-Аула.

Признаться, уговаривать мальчишек прийти в секцию у нас в Чечено-Ингушетии не требуется. Хотелось бы, чтобы

все желающие приходили в зал, да условия не позволяют, следовательно, отбор идет строгий.

В новичках меня прежде всего интересует характер. Верно, волевые качества можно воспитать, закалить, но и в детском возрасте легко определить, получится ли из мальчишки настоящий боец или нет. Для меня очень важны всевозможные наблюдения за поведением ребят. Даже такая, казалось бы, незначительная деталь, как запрет пить воду из-под крана во время тренировок, и то может показать многое. Один украдкой все-таки бегает к крану, другой крепится, выполняет указание тренера.

Знаю, что в наших тренерских кругах меня называют слишком «жестким», слишком требовательным, чуть ли не деспотичным. Не скрою — я сторонник строгой дисциплины. Понимаете, в нашей работе можно быть довольным и тем, что в мальчишках, желающих заниматься борьбой, нет недостатка. Так или эдак, а талант из массы и сам проявится. Нет, такой принцип не для меня. Вырастить чемпиона — это значит и вырастить личность. И для этого нужно быть настойчивым, требовательным. Быть воспитателем, педагогом.

Были и у меня педагогические неудачи. Обиженные моей строгостью ученики бросали борьбу или искали другого, «доброго» тренера. Конечно, потеря ученика очень неприятна. Но я твердо убежден: не нужно бояться обидеть или потерять ученика, если ты глубоко уверен в своей правоте. Особо я непримирим к нарушителям спортивного режима, их я никогда не глажу по головке.

Дети — моя боль и радость. Не могу видеть драки на улицах, праздно шатающихся юнцов. Сколько раз вмешивался в уличные потасовки и столько же раз всех драчунов приводил к себе в зал. Лично убедился, что борьба, спорт — лучший врачеватель ребяческих душ...

Встретил недавно молодого человека. Он бросился меня обнимать: «Не помните, Дэги Имранович? Я у вас борьбой занимался... Вы меня в зал хулиганом привели, ножи отбирали, курить отучили... Я борцом стал. Сейчас — рабочий человек, техникум закончил... Спасибо за все!» Вот я забыл фамилию парня, а он добро не забыл.

В цепочке «спортшкола — мастер — мастер высокого класса» самое важное, на мой взгляд, начальные азы обучения. Сколько раз приходилось слышать от тренеров сборной страны, что зачастую в основную команду

попадают борцы с плохой техникой, которых надо переучивать. Поэтому именно становлению правильной, рациональной техники уделяю особое внимание.

Борцы первого года обучения осваивают у меня все азы техники. Обычно через три месяца после начала занятий среди новичков проводятся соревнования. Я провел эксперимент, который дал отличные результаты. Целый год мы изучали основные приемы. Это была напряженная работа для мальчишек, некоторые не выдерживали, происходил естественный отсев. И только через год ребята выступили впервые на официальных соревнованиях — на первенстве города. Успехи даже меня поразили — восемь чемпионов и два призера.

Конечно, не надо думать, что все тренировки были похожи одна на другую и тяжким бременем однообразия «давили» на ребят. Повторю, что именно разнообразные игры составляли главную часть занятий. Изучают они правила судейства — это тоже очень заинтересовало юных борцов. Но самую большую пользу для выработки характера принесли, так называемые, боевые встречи. Во время таких поединков «туше» не фиксировалось, мальчишки продолжали схватку, только проведший прием получал сразу четыре балла. Победитель тоже не объявлялся, а только тренер давал оценку поведения каждого в поединке. Например: «Ты, Руслан, молодец, вел себя мужественно, а ты, Хасан, выигрывал в счете, а потом растерялся, стал отступать. Ты же, Алихан, почему-то боишься бороться. Разве ты не сильный?»

Удивительные результаты приносила моя нехитрая выдумка. Договаривался с более сильным парнем, чтобы он в одной из встреч проиграл несколько баллов слабому сопернику, который его побаивается. Затем разбирал поединок и доказывал не ожидавшему выиграть борцу, что он все может, все умеет и никого бояться не надо. Убедился: какая великая вещь — уверенность в своих силах!

В моем дневнике описан каждый день тренировок. Очень много внимания мы уделяли физической подготовке. Занятия акробатикой, плаванием, легкой атлетикой, штангой, футболом, баскетболом и даже прыжками в воду развивали ребят, каждый вид помогал вырабатывать определенные качества.

Однажды вспомнил гимнаста Альберта Азаряна, его

мощный торс. Вычитал, что он был кузнецом. Добыл для ребят кузнечный молот, наковальню. Упражнение «кузнец» всем понравилось, и польза огромная.

Одно время у нас в зале жил потешный медвежонок. Сколько удовольствия доставлял он мальчишкам! С ним было весело. А я присматривался к животному с другой стороны: какая скрытая сила и какая мягкость мышц, какая пластика движений! Постепенно определился метод подкачки силы с обязательными упражнениями на гибкость, на растягивание.

Замечательный танцор Махмуд Эсамбаев научил меня, как надо делать сильными ноги, правильно тянуть шпагаты. Очень благодарен я Махмуду за его нужные подсказки. Например, и такую, что всем борцам необходимы вращения на одной ноге и в прыжках с поворотом на 360°. Это развивает вестибулярный аппарат, позволяет затем разучивать приемы с бросками вправо и влево.

...Труден путь к мастерству. Он усеян не розами, а, скорее, шипами. Но надо все преодолеть, учесть все ошибки, чтобы добиться своего. Я просто хотел поделиться с коллегами своим небольшим опытом. У нас в Грозном вольная борьба на подъеме, сейчас растет еще одна хорошая плеяда ребят».

И. ЯРЫГИН. Мы не случайно рассказываем о выдающихся тренерах вольной борьбы, они «мотор» нашего вида, без них мастеров не вырастишь. И здесь, безусловно, важно то, что наставники чемпионов незаурядные личности, люди, сложные по характеру, но личности, со своим видением жизни и спорта.

И это прекрасно, что горячих энтузиастов, талантливых тренеров мы имеем в каждом регионе, где развивается борьба. Их трудами, волей, силой характера сборная пополняется такими ребятами, о которых можно сказать — я пошел бы с ними в разведку. Скромность, уважение к старшим, порядочность, доброе отношение к товарищу — эти качества были у тех, с кем мне приходилось выступать и на международной арене и дома. Понятно, что и среда, в которой росли наши выдающиеся борцы, способствовала становлению их личности, но и роль тренера здесь не последняя, он развивает, шлифует лучшее, что заложено природой в человеке.

Я часто задавался «вечным» вопросом: а для кого и для чего мы выступаем? Для славы страны? Да, конечно. Для

пропаганды советского образа жизни? Разумеется. Однако самый глубокий ответ я, например, нашел на... БАМе. Точно — после той самой поездки в мае 79-го.

По решению ЦК ВЛКСМ и Спорткомитета СССР наша команда борцов отправилась на трассы в порядке шефской помощи Всесоюзным ударным комсомольским стройкам. Мы были крайне взволнованы предстоящей встречей со строителями.

Улан-Удэ — отправная точка маршрута. Переполненный Дворец культуры локомотивовагоноремонтного завода. Много цветов, дружеских приветствий. Нас засыпали вопросами.

Здесь же, на сцене дворца, уложили ковер, и состоялась встреча сборной СССР и сборной Бурятии. Комментировал поединки Юрий Шахмурадов. Конечно, трудно было соперникам против таких асов, как Тедиашвили, братья Белоглазовы, Андиев, Пинигин, Прокопчук, но верткий Виктор Рынчинов, тренер из поселка Баянгол, все-таки выиграл у Сережи Корнилаева.

Следующий пункт — поселок Кичера, который расположился у подножия Баргузинских хребтов. От бывшей Медвежьей пади в пойме реки Кичера на восток, к Уояну, тянутся две просеки — для железнодорожного полотна и для ЛЭП. Здесь мы встретились с ребятами строительно-монтажного поезда № 608 имени XVIII съезда комсомола, которые вели стокилометровый участок трассы. В бригадах строителей было много осетин, так они просто захватили в плен Сослана, засыпая вопросами, прося подробно рассказать о чемпионате мира, кто и как боролся, да какие впечатления о зарубежных странах.

Сорок километров на автобусе — по долинам и горам, и мы на так называемой выносной точке. В авангарде строителей всегда идут по тайге лесорубы — расчищают будущий путь. Продираемся сквозь вековые кедры, видим две палатки. Дощечка на дереве: «Бригада Рябкова».

Леван радостно кричит: «Так это же Сашка Рябков, мы ж с ним на съезде комсомола познакомились. Сашок, где ты?»

Откуда-то выскочил Рябков.

Обнялись, как родные. Шутки, смех. Лесорубы нас обступили, хлопают по плечам, как старых знакомых.

Ужинали у костра, ночевали в палатках. Леван острил по поводу комаров: «Нет, вы когда-нибудь видели, чтобы на вас пикировали тысячи бомбардировщиков?

Нет, вы посмотрите, это не комары — это откормленные лошади!»

На следующий день мы всей командой вышли на работу. Дали нам топоры. Кто деревья подрубал, кто сучья на сваленных корабельных соснах и кедрах обрубал.

Ох с какой радостью я топором помахал! Володя Тышинский одобрительно головой качал: «Ну, Ваня, ты профессионал в этом деле».

Закончилась смена. Наварили ухи — три огромных котла. Ничего нет вкуснее ухи в тайге! Леван не вытерпел, предложил Саше Рябкову, он, как выяснилось, самбист-второразрядник, побороться по бурятским правилам. Кряхтел, кряхтел Леван, «прозевал» подсечку, оказался на земле.

Долго сидели у костров. Сережа Белоглазов попросил гитару — и полились над тайгой задушевные песни.

Утром сфотографировались все вместе, и на вертолетах улетаем в тоннельный отряд под Северобайкальском.

— На этом участке сомкнутся западные и восточные лучи магистрали,— сказал нам управляющий трестом «Нижнеангарсктрансстрой» Герой Социалистического Труда Федор Ходаковский.

Самый трудный участок — тоннели сквозь Байкальский хребет. Условия работы тяжелейшие, не каждый выдержит. Нам дали защитные каски и мы пошли по путям в одном из тоннелей. Электросварка, гул мощных вентиляторов, огромных насосов, откачивающих грунтовые воды, оглушили нас. Почти не слышим друг друга. Вижу, Сережа Корнилаев немного испуганно поглядывает на скальные разрезы, морщится от удушающей пыльной завесы. Торопимся на воздух. А каково здесь рабочим? Мы узнали, что на самых сложных участках подобрались в основном спортсмены, есть и мастера спорта. И начальник отряда Валерий Манюков — мастер спорта по хоккею.

Вечером в поселке новая встреча. И опять сотни вопросов болельщиков, и, видя их живой интерес к тому, о чем мы рассказывали, хотелось говорить и говорить.

Толя и Сережа Белоглазовы устроили показательную встречу, это был скорее спектакль, который можно назвать «красота вольной борьбы».

А тем временем Андиев и Тедиашвили собрали мальчи-

шек и провели с ними пятиминутную тренировку, показав простейшие приемы.

Потом команды Андиева и Тедиашвили вышли на ковер и в первой же встрече первоклассник (из «сборной» Левана) победил третьеклассника (из «сборной» Сослана) . Тедиашвили смеялся вместе со зрителями: «Вот какой я гениальный тренер, моей любимой подсечкой Лешка Русин выиграл!»

Сыграли в волейбол с командой строителей — проиграли. Решили взять реванш в футбольном сражении. Меня в ворота поставили, Леван — в защите. Прокопчук, Пинигин, Корнилаев — нападающие. Игра получилась увлекательной. Сотни зрителей вокруг поля, как на бразильской торсиде!

Почему я рассказываю об этой поездке? Потому, что она очень взволновала нас, осталась в памяти и в душе. Нас поразили ребята, их самоотверженный труд в невероятно тяжелых условиях. Газеты трубили о трудовых подвигах, о преодолении. Но чего это им стоило? И при этом люди не очерствели. Они любили, дружили, смеялись. Они стойко переносили неустроенный быт, свалки мусора, пустые обещания. С болью и горечью говорили о покореженной тайге. Двенадцать дней для нас были днями глубокого познания жизни. Строители говорили: «Ну, останемся мы здесь. А как жить? Где жить? Где обещанные поселки, спортивные залы? Ничего нет. Ничего! Спасибо вам, хоть вы к нам приехали, мы хоть чуть оттаяли, с вами было весело, вы свойские парни. Нам нужно простое человеческое общение». И они от нас ждали помощи. Когда нас принимали в райкомах партии или в райисполкомах, то мы «бросались в бой», говорили, убеждали в необходимости создать строителям элементарные условия для отдыха, подготовить простейшие спортплощадки. Кое-что делалось. Через несколько недель в отдел борьбы пришло письмо от одного рабочего БАМа, благодарил за помощь, писал, что после приезда сборной страны были организованы несколько борцовских секций для строителей и их детей. Откуда берутся силы у этих парней, удивлялись мы? А они, слушая о наших тренировках и нагрузках, в свою очередь изумлялись, как мы выдерживаем такой темп жизни. Леван Тедиашвили отшучивался: «Да мы на тренировках дурака валяем. Побегаешь, попрыгаешь, кинешь пару раз кого-нибудь через голову, вот и домой пора. А на соревнованиях рожу страшную

скорчу, усами пошевелю — соперники от страха сами на лопатки падают...»

Леван всегда собирал вокруг себя множество людей. Открытый, веселый человек, он пользовался особой симпатией у борцов, у тренеров. Душа команды, душа любой компании. Замечательный рассказчик, превосходный пародист. О своих победах рассказывал иронически. Никогда не кичился своими титулами. И не унывал. Очень редко я видел его грустным.

...Если 1977 год прошел под «знаком» Бисултанова, то в следующем сезоне на коне оказался Тедиашвили, который на турнире в Тбилиси переиграл Асланбека. И на чемпионате Европы он был первым.

И вдруг осечка — на мировом первенстве в Мехико Леван в финале попался на прием и очутился на лопатках. «Обидчиком» оказался все тот же Харальд Бюттнер, сумевший-таки завоевать золотую медаль, о которой мечтал столько лет.

Леван почти год не показывался на ковре. Но надо знать Тедиашвили до конца: в самый ответственный момент он снова себя показал — «почти» победил на чемпионате страны, где решался вопрос об олимпийской команде. «Почти» потому, что его финальная встреча с Ильей Мате закончилась со счетом 4 : 4. Впереди оказался Мате — он последним провел техническое действие. Этот поединок назвали «поединком века».

Леван Тедиашвили — жемчужина нашего спорта. Незаурядная личность, он и после своей последней схватки пошел незаурядным путем. Впрочем, об этом надо рассказать подробнее.

...И когда он в четвертый раз был провозглашен чемпионом мира и шел с медалью на шее по бушующему минскому Дворцу спорта, как всегда подмигивая и улыбаясь друзьям, я вдруг понял, что эта радость немного наигранная. Стоило ему войти в раздевалку, как на лице появилось безразличие. Нет, не усталость, именно безразличие. Смешинка в глазах осталась (вообще у него грустных глаз не бывает), а вот золотая награда как-то сиротливо лежала на скамеечке.

Равнодушие к победе? Может, мне только показалось?

Равнодушие, когда он столького достиг?

Во-первых, он один из немногих в мире борцов вольного стиля который «прошел» последовательно три весовые категории: в весе 82 кг и 90 кг побеждал на Олимпиадах в Мюнхене и Монреале, в весе 100 кг выиграл на европейском первенстве. Во-вторых, Леван внес много нового в технику и тактику поединков. Его фантазия на ковре безгранична!

В 1970 году Леван сказал своему тренеру Вахтангу Михайловичу Балавадзе: «Если через год не буду чемпионом мира, уважать себя перестану. Не хочу подводить вас — вы со мной столько занимались, силы тратили... Мужчина я или не мужчина?»

Подивился Балавадзе, языком поцокал: «Вах, хорошо думаешь, правильно думаешь. Совсем на меня похож. Я тоже таким был — все в чемпионы рвался. Раз борцом стал — побеждай!»

Через год Тедиашвили впервые победил на мировом первенстве-71 в Софии.

Все его друзья завидовали ему — его легкости выполнять задуманное. Его легкости сходиться с людьми. Его легкости, наконец, выигрывать у асов ковра. Левана сразу прозвали счастливчиком, когда тренерский совет после долгих криков и споров назвал грузинского атлета членом олимпийской команды-72.

Даже знатоки не предполагали, что Тедиашвили так легко, с огромным запасом победит на Олимпиаде. Казалось, что Леван выступает не в своем весе — выше всех по классу оказался наш борец. И хитроумный американец Джон Петерсон, щеголь и красавец, уходил в финальной встрече с опущенной головой. А Леван, щедрый на улыбки, на дружбу, поздравлял с «серебром» и Джона и его родного брата Бена, который целовал золотую медаль, завоеванную в весе 90 кг. Через четыре года в Монреале он «отнимет» у Бена высшую награду...

Поближе познакомиться с Тедиашвили мне довелось на чемпионате мира 1973 года в Тегеране. Мы дружно жили в одном отеле, ездили вместе на автобусе на соревнования, гуляли вечерами по душным улицам города.

Леван тогда перешел в более тяжелую категорию — 90 кг. Потяжелел, налился мышцами. Но его потрясающая реакция, чувство дистанции, кошачьи движения, искрометные подсечки и обвивы — это все осталось. Ах, что он показывал на ковре! Это был концерт, гала-представление, эксцентрика, но только не «жаркие поединки». Игра,

по существу, велась в одни ворота. На голову, нет, на две головы сильнее был Тедиашвили своих конкурентов. Он улыбаясь сбегал с помоста, подмигивал ребятам и трибунам и как бы говорил: «Вот так мы их. Обычное дело...» И зрители в восторге поднимались со своих мест, чтобы еще раз хоть глазком увидеть советского атлета.

...В детстве маленький Леван зачитывался детективами. Ночью читал, на уроках. И когда учитель пожурил Левана за плохое поведение да еще упрекнул, что вот, мол, ходишь на секцию борьбы, зря время теряешь, а учишься неважно, тогда еще умудренный жизнью учитель не знал, что через несколько лет его ученик прославится на весь мир, а любовь к детективам приведет его после окончания института физкультуры на юридический факультет Тбилисского госуниверситета.

Смешно спрашивать у Тедиашвили, почему он выбрал борьбу. В грузинском селе Сагареджо каждый мальчишка владел приемами «чидаобы» — национальной борьбы в одежде. И каждый мальчишка знал, кто такой Арсен Мекокишвили, которому все стремились подражать. Именно Арсен Мекокишвили, олимпийский чемпион Хельсинки, родом из соседнего села Георгацминда, поздравлял Левана с первыми чемпионскими званиями.

А в секцию Леван пришел в 12 лет к Ванико Мекокишвили, ныне заслуженному тренеру СССР. 47 мастеров воспитал Ванико, юному Тедиашвили привил любовь к борьбе.

После окончания школы Леван отправился в Тбилиси — искать себя, искать соперников. Пока не поступил в институт, работал на мебельном комбинате разнорабочим, шлифовщиком, укладчиком. А «отдыхал» вечерами па ковре. Тренировки для него — удовольствие.

...Чемпионат мира, Олимпиада-72 — золотые медали. Леван в числе других олимпийцев награжден орденом «Знак Почета», знаком ЦК ВЛКСМ «Спортивная доблесть». Чемпионат мира-73, чемпионат страны, Кубок мира, Всемирная универсиада, чемпионат Европы-74, снова чемпионат страны, чемпионат мира-74 и чемпионат мира-75. Серия блистательных побед!

На Олимпиаде в Монреале Тедиашвили принес советской делегации последнюю, 47-ю по счету золотую медаль. И очень гордился этим знаменательным фактом.

12 сентября 1976 года Леван Тедиашвили, двукратный

олимпийский чемпион, был награжден орденом Ленина.

Он сделал все возможное, чтобы попасть на третью Олимпиаду. Что ж, время властно над нами...

Прошли годы. И состоялась новая встреча Владимира Голубева, много писавшего о Тедиашвили в годы его выступления на ковре, с делегатом XXVII съезда партии. Вот что он ему рассказал:

«Председатель колхоза должен вставать раньше всех Я стараюсь так и делать, но все равно моя мама Александра Михайловна меня опережает. Мама есть мама, с заботами о сыне засыпает, с этим же и встает ни свет ни заря. Мой отец без памяти был влюблен в маму, донскую казачку, привез ее в свой дом. И прожили они в мире и согласии много лет.

В семь утра я уже должен быть в правлении колхоза «Красный Октябрь». Планерки проходят бурно, порой «в голос», но мне почти всегда удается разрядить обстановку шутками. Не могу терпеть плохое настроение. Люди не должны выходить на поля или фермы мрачными, они должны радоваться жизни.

Что думал я о своей судьбе, пока был молод? Точно знал, что готовить себя к полноценной жизни нужно заранее. Окончил институт физкультуры, но осталась неудовлетворенность. Заочно юридический факультет одолел, оживился, почувствовал — это опять мне интересно. Работал начальником отдела в милиции. Потом пригласили в аппарат ЦК комсомола республики. Пошел, «закрутил» работу по вовлечению трудных подростков в борцовские секции. Сам видел — нужное дело. И все же вновь чувствовал какую-то неудовлетворенность. И вскоре понял почему.

Поездки мои в родное село участились. От Тбилиси всего 60 км, прокатишься с ветерком, подышишь горным воздухом — другим человеком становишься. Георгацминда, Какабети, Сагареджо — люди на виноградниках, на полях, на фермах. Каждый в дом зовет, каждый расспрашивает о делах. А у меня чуть не слезы на глазах — вот куда меня тянет, вот где сердце стучит набатом. Может, наследственное это? Прадед, дед, отец — потомственные виноградари, земледельцы, на земле этой родились, на ней и след оставили. И решил я вернуться к родной земле.

Избрали меня земляки секретарем партийной организации, а два года назад доверили и председатель-

ское место в колхозе «Красный Октябрь» села Какабети. Хозяйство досталось отсталое, нерентабельное, но многопрофильное, хлопотное.

И знаете, что мне больше всего захотелось сделать, когда с людьми поближе познакомился, вник в их заботы? Борцовский зал выстроить! Хотел мальчишек сразу увлечь спортом, да и их родителей тоже. Потом остановил себя: э-э, неправильно думаешь, сейчас в тебе спортсмен заговорил. А ты уже не борец, ты колхозник, обязан жить их нуждами. Почему многим жителям села труд в тягость? Да потому, что по старинке землю возделывают, лозу виноградную растят. Воды нет, дорог хороших тоже нет. Разве это правильно?

И первое, чего добился как председатель, — выделения средств на строительство шоссейной дороги и водопровода. Своими руками вырыли траншею длиной в семь с половиной километров, проложили трубопровод, и вода из кристально чистых горных родников пришла в Какабети.

Вода — это жизнь! А жизнь — это действие. Споро все взялись за дело. И сами не верили, что получится, но свои глаза не обманут. Запыхтели по шоссе тракторы и комбайны, легковушки колхозников. Ритм жизни убыстрился, веселее стало!

И планы появились интереснее. Испокон веку в Сагареджойском районе виноград выращивали. Партия серьезную задачу нам поставила — заняться животноводством. А что, разве не потянем? На правлении, на общем собрании решили — потянем. Животноводческая ферма — это теперь моя первая забота. Кормами мы себя полностью сами обеспечиваем, потому как получили новую технику, — сеялки, тракторы, косилки. Стали бороться за культуру работы на ферме — чтобы труд был механизирован, чтобы чистота и порядок были. Постепенно, понемногу пошло дело на лад. Качество молока улучшилось, «подобрели» коровенки.

Но главное — люди повеселели, в охотку им труд стал. И усвоил я великую мудрость — отдавай людям всего себя без остатка, коли они тебе честь оказали. А они тебя не подведут.

А еще сблизило нас всех несчастье. Три года назад обрушился на Сагареджо небывалый по мощности град, всю лозу побил, колосья к земле пригнул, дороги в месиво превратил. Все как один бросились спасать виноград.

Сутками не спали, костры жгли, согревались, сгребая лопатами град, поднимали, привязывали веревками лозу. Никто не дрогнул, не попросил отдыха, бились за народное добро.

Многие думают, что житье в колхозе — это сплошное копание в земле. Ошибаетесь! Колхозник, как и горожанин, к культуре и спорту тянется. А наши мальчишки? Непоседы, озорники, паинек среди них нет. Всё умеют, с детства познают нелегкий крестьянский труд, и мозоли у них, как у взрослых.

И бегать, играть им хочется. И непременно бороться! Кто же в Сагареджо не борется? Между прочим, в нашем районе воспитано более шестидесяти мастеров спорта по борьбе, отсюда родом и легендарный Арсен Мекокишвили, олимпийский чемпион.

А зал для борьбы — я не удержался — все-таки оборудовали в местной средней школе. Отбоя от желающих нет. Нашел себе помощников, тех, кто хорошо знает «чидаобу». Начали тренировки. Я сам с «чидаобы» начинал — прекрасная школа, столько полезных бросков и приемов в кровь вошло, потом все пригодилось.

И вот думаю: чем еще молодых людей заинтересовать? Как сделать так, чтобы им в колхозе жилось лучше?

Футболом, конечно, у нас все увлекаются, болеют за тбилисское «Динамо». Когда матч динамовцы у себя проводят, мы садимся в автобус и на стадион. Выигрывают наши — возвращаемся, песни грузинские поем, веселимся, как дети.

Как-то подходит ко мне один колхозник. «Леван Китоевич,— говорит,— никогда не был в опере. Хочу Зураба Соткилаву послушать».— «Потерпи немного,— отвечаю.— Будет тебе опера».

Через неделю подхожу к нему и говорю: «Сегодня вечером автобус в Тбилиси пойдет. Поедем с нами». А он: «Что, опять на футбол?» — «Нет, дорогой, в театр оперы и балета билеты достал. Как раз Соткилава петь будет».

Приятель у меня есть — Гурам Костава. Знаменитый фехтовальщик, призер Олимпийских игр. Уговорил я его открыть у нас в колхозе секцию фехтования. Согласился он и подивился энтузиазму молодежи — теперь ни одного занятия не пропускает, через день из Тбилиси ездит.

А девушки наши пожелали художественной гим-

настикой заниматься. Ну зала пока нет, но и безвыходных ситуаций тоже не бывает Договорился со старшим тренером республики Нелли Саладзе, и гимнастки на автобусе к ней на тренировки приезжают.

В прошлом году произошло событие для колхоза грандиозное — изъявили желание работать на ферме все выпускники средней школы. Когда узнал я про это — дух от счастья захватило. Милые вы мои, так это же какое дело замечательное! Это же не только рост сознательности, это же социальное отражение всех наших начинаний. Раз так, решили на правлении: взяться в этом году за строительство стадиона, большого спортивного зала для борцов и гимнастов, бассейна. Узнали об этом молодые колхозники, в пляс пустились, такую лезгинку показали — огонь!

Сбывается, кажется, моя мечта сегодня: из отстающих наш колхоз выходит в передовые. Хозяйство впервые получило прибыль более 250 тысяч рублей.

...Горд, счастлив, что живу на родной земле, тружусь, отдавая людям свое сердце. В числе других делегатов представляю Грузию на съезде нашей партии.

Спасибо вам, люди, за доверие. Спасибо от души Я оправдаю его. Делами своими».

И. ЯРЫГИН. 1979 год. Третья моя Всесоюзная спартакиада и вторая бронзовая награда. Впереди Илья Мате и молодой Магомед Магомедов.

Мате уже чемпион Европы, а Магомедов чемпион мира среди юниоров. И мы не понимали, как Илья, человек, казалось бы, не имеющий абсолютно спортивной злости, мягкотелый, застенчивый, немного ироничный, не обладающий ни феноменальной силой, ни должной реакцией, побеждал на ковре нас, как принято говорить, асов ковра. Видимо, за счет идеальной техники и опережения (на ковре он становился реактивным). Илья почти не делал ошибок в защите, пользовался не эффектными, а «деловыми» приемами.

К 1980 году я уже стал пятикратным обладателем Кубка мира и весьма гордился этим достижением. Но мечта о Московской Олимпиаде не покидала меня ни на минуту.

Но кто попадет в команду? Мате, Тедиашвили, Магомедов, Бисултанов, Ярыгин?

Шахмурадов сказал: «Решайте сами на чемпионате страны. Победитель — стопроцентный олимпиец».

Это было сказано в начале мая, за две недели до чемпионата СССР 1980 года. К тому времени Мате завоевал уже и титул чемпиона мира, а Магомедов в апреле — чемпиона Европы. Я же в пятый раз привез домой Кубок мира.

Итак, еще одна «битва гигантов», состоявшаяся в новеньком Дворце спорта «Динамо» на улице Лавочкина в Москве.

Это был редкий и удивительный турнир — так я оцениваю его по прошествии лет. Это был спор настоящих мужчин (извините, что и о себе так отзываюсь). Мы бились честно, доблестно и до конца. И все-таки впереди снова Мате, загадочный Мате, хотя Леван, как уже говорилось, чуть не вырвал победу. У меня опять бронзовая медаль — и прощай мечты об Олимпиаде.

Я провел ужаснейшую ночь. Я не хотел признать себя побежденным, ведь не смалодушничал, не отступил Что, что ты не сделал, чтобы выиграть? Недотренировался? Перетренировался? Не подготовил чего-то неожиданного для Мате и Левана? Недоработал в тактическом плане? И мне вдруг стало страшно — а что же будет завтра? Олимпиада без меня? Зачем тогда эти четырехлетние муки, надежды? Была цель, теперь она растворилась в тумане поражения.

Что делать завтра? Идти на тренировку? Отдохнуть, быть может? Укатить в спасительную тайгу? И вернувшись, тренироваться?

Я не мог разобраться в себе, но и ни с кем не хотел в ту ночь разговаривать, советоваться. Возможно, я был так растерян потому, что не подготовил себя к такому исходу. Мне казалось, что я прыгну выше себя и завоюю путевку на Олимпиаду.

Промучился всю ночь. И только месяц спустя понял, что выступление на чемпионате в Москве было последним выступлением двукратного олимпийского чемпиона Ярыгина.

И не предвидел я тогда важного поворота в своей судьбе: в конце года мне предложили подумать о возможности возглавить сборную страны и переехать в Москву.

И начнется совсем другая жизнь у сибиряка и охотника Ивана Ярыгина, у Наташи, Анютки и Сереги...

...Об Олимпиаде в Москве написано немало. Немало и восторженных описаний событий, и эмоциональных высказываний непосредственных участников Игр. Я в этом смысле не исключение, переживал со всеми, болел за своих ребят до боли в сердце.

Если честно, то все члены нашей борцовской дружины были огорчены тем, что в Москву не приехали спортсмены США. Надо прямо признать, что без них обеднели соревнования легкоатлетов, баскетболистов, пловцов. Ослабла без них конкуренция и на ковре. Представляю, как были расстроены и американские атлеты.

Тем не менее никто не собирается умалять значение и силу олимпийского турнира «вольников». Накал схваток был воистину олимпийским, а волнение неописуемым, финалы почти во всех категориях непредсказуемы. Это был не только триумф моих товарищей, это был и бенефис Юрия Шахмурадова. Он прощался со сборной с легким сердцем: за семь лет собран богатейший урожай медалей, а под занавес — блестящая победа. У нас семь олимпийских чемпионов — братья Белоглазовы, махачкалинцы Сайпулла Абсаидов и Магомед-Гасан Абушев, москвич Санасар Оганисян, Илья Мате из Донецка, Сослан Андиев из Орджоникидзе. У Магомеда Арацилова — «серебро», у Сережи Корнилаева — «бронза». Без медали остался только Паша Пинигин.

И думаю, читателю интересно послушать Изамутдина Кадырова, воспитавшего двух чемпионов.

— Мой отец Генжа очень хотел увидеть Олимпийские игры. И особенно соревнования борцов. Гордился, что его сын будет в Москве, выведет на олимпийский ковер своих учеников — дагестанских пехлеванов. Отец никогда не болел, горы и море — вот источник здоровья. Хвалил меня, что спортом занимаюсь, сам не пропускал борцовские турниры в Махачкале. До революции он был бедным крестьянином. С приходом Советской власти изменилась жизнь села, изменилась и его жизнь. Однажды отцу очень повезло: он вырастил большой урожай пшеницы, да такой крупной, что его прозвали Генжа-Будай. Будай — означает зерно. Крестьяне долго пользовались зерном отца, заслужил он уважение за бескорыстие и помощь селянам.

В возрасте девяноста лет он не отходил от телевизора. Когда я приехал в Махачкалу, обнял меня: «Видел тебя, сын, по телевизору, и ребят твоих видел. Здорово боролись!»

Если бы мне кто-нибудь несколько лет назад сказал, что я буду тренером двух чемпионов Олимпийских игр, я бы рассмеялся. Нет, разумеется, любой учитель мечтает увидеть своих учеников в зените славы. И я, помню, был на седьмом небе, когда появились у меня чемпионы страны среди юношей. А тут — высочайшая, главная вершина — победа на Олимпиаде. Сайпулла и Магомед-Гасан завоевали золотые медали!

В моей квартире вы не увидите выставленных медалей, вымпелов, значков. Все это хранится в ящике письменного стола. Не люблю я разукрашивать комнаты спортивной атрибутикой. И вечерами я не сижу за толстыми тетрадями, изучая какой-нибудь хитрый метод тренировок, не мучаюсь ночами от бессонницы — ах, что-то у ребят не клеится... Моя наука в спорте, равно как и в жизни,— это мои любимые поэты, мои книги. Я с ними всегда — на тренировках, на сборах, в горных аулах, куда езжу «высматривать» мальчишек.

Мои мальчишки... Как же интересно с ними! Легендой стал такой давний случай. Приехал как-то в Махачкалу один известный тренер со своими ребятами на юношеский турнир. Осматривал залы, наблюдал за тренировками. Ему говорили, что в Дагестане надо в каждом ауле залы открывать — тогда в сборной страны не будет перебоев с резервом. Уважаемый тренер не поверил, что у нас в республике каждый мальчишка умеет бороться. Поспорили. Пошли по городу, тренер сам выбрал первого встреченного на улице парня. Привел в зал. Предложил побороться со своим учеником. Надо было видеть смущение знаменитости, когда его воспитанник потерпел поражение...

В Дагестане титулы человека не портят, а, наоборот, заставляют больше трудиться. Пехлеваны пользуются особой любовью народа, но от них требуют все новых и новых побед. Споткнется кумир, неправильно поведет себя — будет гневно осужден. А это жестокое наказание.

Кто не знает знаменитый пляж Копакобана в Бразилии! Говорят, что там каждый второй мальчишка, играющий на песке в футбол,— Пеле или Гарринча. Ну, а я скажу, что наш чудесный золотой пляж Каспия — это огром-

ный ковер. Борцы начинают именно на нашем махачкалинском пляже. Придите на море в шесть утра — вы поразитесь количеству борцов. Причем в любое время года. Бегают, играют в футбол, занимаются с тяжестями, кидают камни, устраивают схватки. Вы увидите совсем маленьких пацанов и именитых чемпионов. Тут все равны.

Хотя я считаю, что любой родившийся в Дагестане мальчик — это почти «готовый третьеразрядник» по борьбе, все-таки наше детство начинается с футбола. Мы играли тряпичным мячом от зари дотемна, улицу на улицу. Команда с улицы Международного общества помощи революционерам (сокращение МОПР) называлась «Искра». Мы хотели быть непобедимыми, и порой в острых матчах с командами других улиц затевали потасовку.

Потом было увлечение велосипедом, затем, конечно, борьбой.

Когда я родился, перед окончанием войны, то моей маме Асият Бармузовой было 44 года, а отцу, рабочему одного из предприятий Махачкалы, — 54. Я был младшим из трех сыновей, и мы очень почитали родителей. Как жаль, что мама умерла, не дожив двух недель до Олимпиады. Как она была бы счастлива, узнав о победах моих ребят, о награждении учеников и меня орденом «Знак Почета»...

В нашем дворе предводителем был Закир, смелый и задиристый парень. Это он учил нас приемам, учил стоять на «мосту», глотать слезы, но не сдаваться.

Ребята из ремесленного училища, куда я поступил, затащили меня в зал «Динамо». За год занятий выполнил первый разряд по классической борьбе.

Как отличника учебы меня направили в Ленинград в техникум физкультуры системы профтехобразования. Здесь судьба столкнула меня с отличным человеком, о котором я вспоминаю с благодарностью, — преподавателем Сергеем Петровичем Зайцем.

Если честно, то сначала я не думал о тренерской работе. Меня манило к земле, я мечтал поехать в совхоз, выращивать богатые урожаи. Видно, от отца эта любовь передалась.

После окончания техникума, после службы в армии вернулся в Махачкалу. Руководители спорта «тянули» на свою сторону, предлагали возглавить спортшколу. Я был на распутье: «Кому нужны мои достижения в «классике»? Мне на «вольника» еще надо переучиваться...»

Ходил на тренировки к известным тренерам, присматривался, думал, как соединить мои знания классической борьбы с вольной? Наконец, решился. Набрал так называемую экспериментальную группу — девятилетних мальчишек. В этой группе был и большеглазый, шустрый Абушев.

Познакомился с его родителями, мать — строитель, отец — шофер, в семье еще пять детей. Огорчился, когда узнал, что отец Мингажутдин запретил ходить Магомеду на борьбу: боялся, что в школе будет из-за этого плохо учиться. Так этот отчаянный Магомед убегал на тренировки из дома через форточку! Убедил я мать Патимат и отца, что спорт только поможет дисциплину подтянуть.

Знаете, я бы тоже в его возрасте убежал в зал через форточку. У нас на занятиях интересно было. Играли в регби, футбол, купались в море, гоняли наперегонки. И везде, во всех играх — элементы борьбы. Причем я сначала упор делал на технику классической борьбы. Пожалуй, это была новинка в методике.

Через два сезона Гусен Карачаев привел на пляж двоюродного брата Сайпуллу Абсаидова, родившегося в поселке Тарки (где, кстати, выросли братья Насруллаевы, известные борцы) и приехавшего в Махачкалу поступать в строительный техникум. Поздновато, конечно, начинать в 14 лет, но меня поразила отменная реакция 36-килограммового Сайпуллы.

Первый чемпион из экспериментальной группы появился в 1974 году: на первенстве страны среди юношей в Донецке Курбан Курбаев победил в весе до 48 кг. А через год он уже был лучшим и среди юниоров вместе с Абсаидовым, который выступил в весе до 56 кг.

В душе я себя считал просто неплохим тренером, но хотел научиться тонкостям науки у наставников старшего поколения — Арменака Карапетяна, Магомеда Рамазанова, создавших нашу динамовскую школу борьбы. Ну, понятно, мои ребята были счастливы, что тренируются в одном зале с четырехкратным чемпионом мира и олимпийским чемпионом Монреаля Владимиром Юминым. Очень многое давали нам постоянные встречи с атлетами из школы «Урожая» Али Алиева.

Сайпулле Абсаидову — 22 года. Он закончил исторический факультет Дагестанского государственного университета. Трудным было у него олимпийское восхождение.

Послали его два года назад на чемпионат Европы. Вроде бы неплохо выступил, выиграл серебряную медаль. А через год на подобном турнире в Бухаресте вообще остался без приза. И это было тем более обидно, что впервые наши «вольники» на европейских состязаниях завоевали сразу восемь высших наград.

Причину поражения мы нашли сразу — слишком большая сгонка веса. Поэтому на VII летней Спартакиаде народов СССР решили пробовать силы в весе не 62 кг, а 68. Но не тут-то было. В интересах сборной России попросили Абсаидова вернуться в категорию 62 кг. Сражался он отчаянно, но уступил в финале Тасолтану Хатагову, воспитаннику осетинской школы.

Спасибо старшему тренеру сборной страны Юрию Аванесовичу Шахмурадову, он взял па себя смелость включить в команду на чемпионат Европы-80 Абсаидова и Абушева. Ну, Сайпулла уже имел опыт взрослых турниров, а Магомед-Гасан только вышел из юниорского возраста, правда, успел дважды отличиться на мировых чемпионатах среди молодежи.

Можете представить себе мое состояние, когда я ждал вестей из Чехословакии. Отлегло от сердца — ребята выиграли! И мгновенно обожгла мысль — так они же на Олимпиаду попасть могут! Вот только как выступят на чемпионате страны?

Вы спросите, неужели я раньше не думал об олимпийской перспективе моих ребят? Думал, но когда все вокруг говорят, что в весе 62 кг явный лидер Володя Юмин, а в весе 68 кг — чемпион мира Миша Харачура, то незаметно примиряешься с обстоятельствами. А тут что-то засветило. Даже сердце заболело. Я сказал Сайпулле и Магомеду: «Это единственный шанс для вас навсегда остаться в истории спорта. Олимпийский чемпион — этот титул дается человеку навсегда. Попробуете?»

Абсаидов доставил мне истинную радость на первенстве СССР: у Харачуры, блестящего мастера атак, бесстрашного бойца, он выиграл убедительно, с завидным преимуществом. Что может быть приятнее для тренера, чем видеть, как его ученик, его птенец постиг великую науку борьбы. Сайпулла был потрясающе быстр и находчив. Я не верил своим глазам — мужчина, джигит!

Абушев на чемпионате занял второе место. Но провел несколько ярчайших схваток, показал кучу эффектных бросков, надежность. Признаться, я до последней минуты

не верил, что Магомеда включат в команду. Однако Юрий Шахмурадов устроил для Абушева целую серию контрольных боев со всеми претендентами в сборную. Магомед оказался сильнее всех. Он был в отличной готовности. Тренерский совет отдал ему предпочтение.

Какое же это счастье — вырастить олимпийского победителя! А если сразу двоих? Целую неделю после борцовского олимпийского турнира я пребывал в полной прострации. Казалось, что позади целая жизнь и больше ничего не надо. Потом все встало на свои места. Снова пришел в зал и стал работать так же напряженно, как и до Олимпиады. Что я и делал и делаю.

И С ПРЕКРАСНЫМИ ПОБЕДАМИ ВОЗВРАЩАЛИСЬ МЫ ДОМОЙ

В тридцать три года я был назначен «главным»... Переехал с семьей в Москву. Новые люди, новая обстановка, огромная ответственность. Знакомство с коллегами из других отделов Управления спортивных единоборств. Принимал документы у Юрия Аванесовича. Он был приглашен в институт физкультуры доцентом кафедры борьбы. Позднее Шахмурадова избрали заместителем председателя Всесоюзной федерации.

Кабинетная работа, составление планов меня поначалу пугали. Скорей бы на сборы, в зал! Там я снова встречался с моими дорогими ребятами, которые стали звать меня Сергеичем.

На чемпионат мира осенью 1981 года я поехал в роли тренера-дебютанта. Волновался, конечно, хотя на сборах в Алуште и Стайках начал нащупывать линию своего поведения. Мне очень не хотелось выглядеть этаким мэтром. Поэтому сразу договорились, что между нами остаются самые дружеские отношения, доверительные. Ни одного решения я не принимал, не посоветовавшись с борцами. Первым моим помощником в команде был Сережа Белоглазов, капитан.

Я уже говорил, что мне везло на хороших людей. И то, что в тот момент в сборной оказались преданные спорту парни, которые очень хорошо понимали мое состояние, это помогло мне оставаться самим собой.

Самой надежной опорой, советчиком остался Дмитрий Георгиевич Миндиашвили. По положению я мог «командовать» тренерами сборной, но у нас сразу сложи-

лись доверительные отношения, образовался союз единомышленников, мы для себя выбрали верный тон — без общих обсуждений никаких необдуманных решений не принимать. Миндиашвили, Алексей Атаманов, который был назначен гостренером по Украине, Гранит Таропин — тренер братьев Белоглазовых, Хасан Хутбеев — старший тренер сборной России, руководитель комплексной научной группы Олег Юшков, сменивший на этой должности Рубена Пилояна, который, кстати, летом 1986 года защитил докторскую диссертацию, врач Валерий Пироговский, Роман Дмитриев, гостренер Всесоюзного спорткомитета Леонид Колесник, старший тренер молодежной сборной Валерий Онопко, тренер олимпийского резерва Шамиль Невретдинов — вот кто составлял мозговой центр команды.

Для меня было очень важно, чтобы сборная выступила на мировом первенстве не хуже, чем, к примеру, на чемпионате-79. Мы решили включить в поездку четырех олимпийских чемпионов — Сергея Белоглазова, Сайпуллу Абсаидова, Санасара Оганисяна, Илью Мате.

Абушев проиграл на чемпионате страны Виктору Алексееву, Андиев всерьез занялся кандидатской диссертацией, Толя Белоглазов перенес операцию.

Говорят, что на турнире я ходил белее мела. Но хорошо помню, как настраивал ребят, успокаивал их, однако меня самого Дмитрий Георгиевич «приводил в чувство». Пришлось понервничать за Илью Мате, который неожиданно вяло провел одну из встреч и заработал только «бронзу». Повредил руку Эльбрус Короев, сошел с дистанции. «Пролетел» Яраги Шугаев...

И все-таки у нас пять чемпионов. Неплохо для утверждения в новой роли.

Это был двадцатый чемпионат, на нем выступили атлеты из двадцати девяти стран. Для меня важно было увидеть новые веяния, тенденции, каким путем идут основные соперники. Еще раз убедился, что вольная борьба таит неисчерпаемые возможности для совершенства!

Понял и другое — нас упорно догоняют. Заметно повысили физическую подготовку болгарские, иранские, японские спортсмены. Явно разнообразнее стал у них арсенал эффектных бросков.

Мы не могли всего этого не учитывать в дальнейшей подготовке. Наша сборная нуждалась в обновлении, и мы

решительно пошли на это, испытывая определенную, долю риска.. Но другого выхода не было.

Наш резерв был в следующем: усилить комбинационность атак в конце каждого периода, особое внимание обратить на работу ног.

На Кубок мира-82 мы повезли много новичков. И все-таки проигрыш американцам оказался для нас ушатом ледяной воды.

Я места себе не находил, мне казалось, что как только появлюсь в Спорткомитете, на меня будут указывать пальцем: вот, мол, доверили молодому команду, а он не справился.

Мне не дали упасть духом ребята и тренеры, Андиев, Белоглазовы, Виктор Алексеев не утешали, а уверяли, что от неудач никто не застрахован. Да разве я сам этого не знал?

После чемпионата страны в Орджоникидзе мы провели самый тщательный отбор кандидатов на мировое первенство. Тренерский совет бурлил и кипел, страсти разгорались при выборе атлетов, но все личные интересы были подчинены общей цели.

...Того, что произошло на чемпионате мира-82 в канадском Эдмонтоне, признаться, никто не ожидал. Наша сборная установила, так сказать, мировой рекорд чемпионатов — впервые ребята завоевали сразу семь высших наград! Да еще у нас в активе одна серебряная и две бронзовые медали.

Реально взвешивая шансы, мы полагали, что будет пять верных чемпионов. Но борцы выступали так азартно, так храбро, что от соперников — да каких! — только пух летел.

Это были счастливые дни. Мы снова утверждались на мировой арене, мы снова доказали, что ушли вперед.

По традиции после окончания турнира мы поздно вечером собрались в одном из номеров студенческого общежития. В тесноте, да не в обиде. Пили чай, ели арбузы, и каждый спешил поделиться тем, что лежало на душе. Не было громких слов, бахвальства, высказывали выстраданное, пережитое.

Сережа Корнилаев, капитан, самый маленький в команде, мухач, но самый авторитетный — за правду, честность, основательность его уважали товарищи, — неторопливо

говорил: «Тяжко нам досталось на тренировках. Тяжко. Не сачковали, не отлынивали. Болели за дело. Никому не хотелось проиграть. Моральный климат в команде был здоровый, отношения добрые, без фальши. Мы дружбою сильны, правда, ребята?»

Еще раз обвожу глазами всех, кто собрался в комнате. Осман Эфендиев. Мальчишка еще, 18 лет. Первый раз на чемпионате. Занял второе место и заплакал, забился в угол. Я к нему: «Сам же виноват, чего растерялся?» А он: «Так вот и обидно, зачем мне это «серебро»?

Ах, малец, малец. «Серебро» его, видите ли, не устраивает. Что ж, честолюбие есть, это хорошо. И характер есть. Будет борцом!

Мои любимцы в сборной — братья Белоглазовы. Замечательные парни! Они представляют тип современного спортсмена — и Анатолий, и Сергей обладают широким кругозором, социально активны, начитанны, исключительно доброжелательны.

Миша Харачура, Илья Мате — он «исправился», снова стал лучшим полутяжеловесом,— Салман Хасимиков, самый «легкий» тяжеловес среди соперников, но далеко не легкого характера человек. Через год Салман станет четырехкратным чемпионом мира, как и Корнилаев.

...Очередное мировое первенство, которое прошло в Киеве, снова принесло нам успех, снова семь золотых наград. Конечно, было приятно, что все знакомые тренеры, возглавляющие команды основных соперников, поздравляли и в недоумении разводили руками: «Мы же, кажется, знаем все ваши секреты, стараемся тренироваться по вашей методике. Но почему-то выигрываете медали вы».

И даже честолюбивый Дан Гейбл, который очень остро переживает неудачи своих борцов, и тот удрученно качал головой: «Я так надеялся в Киеве добыть три «золота». Но вы сильнее нас, американцев, и я это признаю...»

Семь золотых. Только мы, тренеры сборной да сами ребята, знаем, чего нам это стоило. Казалось, мы работали на износ, казалось, наступит та самая «мертвая» точка, тот момент, когда не выдержишь, сдашься, сбавишь обороты. Новинок в методике было немало, но главная заключалась в том, что значительно увеличилось количество попыток технических действий в единицу времени. Для этого требовалось и повысить выносливость, и обострить реакцию, и разработать необычные тактические схемы

ведения боев. В поте лица трудились вместе с нами члены комплексной научной группы, руководил которой Олег Юшков, кандидат наук, наш, красноярский. Я ему верил и верю. Его идеи, подчас парадоксальные, обсуждались на тренерском совете и почти всегда принимались. У Олега есть какая-то интуиция на новизну, он умеет смотреть вперед.

Мы готовились к Олимпиаде-84, и не знали тогда, что приезд советской делегации в Лос-Анджелес будет невозможен.

Мы не полетели за океан. Но спортивный форум все-таки состоялся, он назывался «Дружба-84», и участвовали в этих представительных соревнованиях те, кому были дороги идеи мира и сотрудничества.

Борцовский турнир «Дружба» прошел в Софии. На ковер дворца «Септември» вышло около двадцати чемпионов и призеров мировых, европейских первенств, подлинные звезды мировой борьбы.

Мы дружно жили — болгары и поляки, монголы и кубинцы, атлеты из Чехословакии, ГДР, КНДР,— одним словом, единая семья. Вместе проводили тренировки, вместе бегали кроссы.

Граниту Ивановичу Таропину дали важное поручение — помогать борцам Афганистана, которые прилетели в Болгарию без тренера. Таропин все успевал — занимался и с афганцами, и с братьями Белоглазовыми. Оба брата выиграли по золотой медали (а всего у нас семь высших наград), я радовался за них так, как и за себя не радовался. Для них это было принципиально — победить семейным дуэтом. Ведь год назад Толя Белоглазов на киевском мировом чемпионате получил «бронзу». И хотя его утешали и говорили, что после тяжелейшей операции желудка это тоже удачно, он не ел и не спал от огорчения. Вообще поражения и Толя и Сергей воспринимают болезненно, как личную трагедию.

В Киеве Толя проиграл Валентину Йорданову, болгарину. В Софии Йорданов «поджидал» его уже в первой встрече. Но не видно, чтобы Анатолий волновался. Я боялся: не дрогнет ли? Ничего подобного! Уверен в себе, глаза горят, тело напружинилось. Он спокойно выходит на ковер.

Что Толя вытворял на ковре! Все ему удавалось.

Йорданов сопротивлялся по-настоящему только первый период — такие неожиданные ходы придумывал Толя, что Валентин просто опешил. Подошел старший тренер болгарской сборной Желязко Димитров: «Мы ведь тоже готовились, казалось, все предусмотрели! Белоглазов просто превзошел себя. Прима!»

Анатолий повторил «рекорд» Тедиашвили: трижды побеждал на чемпионатах мира и трижды в разных категориях — до 48, до 52 и до 57 кг. В Софии мы попросили выступить его снова в весе до 52 кг, и в интересах команды Толя согнал восемь килограммов.

Да, братья бойцы так бойцы! Самые надежные в сборной. Жаль, что Толя вынужден был оставить ковер, операция сказывалась, не мог уже большие нагрузки выдерживать. Решили, что в сборной Анатолий будет отвечать за подготовку борцов легких категорий...

Перешел в тренеры и Сослан Андиев, выдающийся борец.

Он много лет был капитаном и душой команды. Образованный, интеллигентный человек. Сослан поражал нас многообразием интересов. Он закончил сельскохозяйственный институт, работал над диссертацией «Экономика колхозов Северной Осетии», но защищать ее не стал: понял, что не сможет без сборной, без борьбы.

Как депутат горсовета входил в комиссию по развитию физкультуры и спорта. И приложил немало сил, используя свой авторитет двукратного олимпийского чемпиона, четырехкратного чемпиона мира, чтобы было здесь больше спортшкол, детских площадок и других мест отдыха горожан. Он необычайно популярен в Осетии. Я сам в этом убедился, когда шел с ним по улицам Орджоникидзе.

Я поражаюсь любви народа к борьбе и борцам. Два раза проводился в Орджоникидзе чемпионат страны по вольной борьбе, и дважды это превращалось в национальные праздники. Растут в Осетии новые чемпионы, укрепляются детские спортивные школы, строятся новые залы. Огромную поддержку борцам оказывают партийные руководители — секретарь обкома партии Юрий Ибрагимович Кониев и заведующий отделом обкома партии Казбек Мурзабекович Доев, председатель республиканской федерации борьбы.

Как-то я спросил у Сослана: «Какая самая большая радость у тебя в жизни?» Он ответил: «Три дочки у меня

растут. Вот моя радость. Правда, и сына хочется. Но это личная радость. А самая большая радость — чувствовать, что ты нужен людям. Как-то я спешил на тренировку, явно опаздывал. Этого я терпеть не могу. И вдруг меня останавливает пожилой человек, и говорит: так, мол, и так, товарищ Андиев, вы наш депутат и похлопочите, пожалуйста, чтобы вот на этой улице электрическое освещение провели.

Я мог бы сослаться на неотложные дела, но не сделал этого. Верит мне человек, просит, как можно отказать! Не пошел на тренировку, отправился прямо в горисполком. Через две недели стали копать ямы на той улице под фонарные столбы».

Меня всегда удивляло в Сослане одно: на ковре надо быть жестким, злым, а он мягкий, добрый, застенчивый. Но, видимо, он умел преодолевать себя и на ковре становился настоящим мужчиной!

Я был свидетелем великолепных поединков с его участием. Тяжеловес, он не походил на «мешков», на тех борцов, которые «давят массой». Сколько было экспрессии, порыва в этом борце баскетбольного роста. Умно боролся, с выдумкой. Не делал стандартных ходов, шаблонов.

Помню, на чемпионате мира в Мехико в одной из схваток с Роландом Герке из ГДР Сослан попал в критическую ситуацию — стоял полторы минуты на «мосту», казалось, все, скоро очутится на лопатках. Какой волей надо обладать, чтобы выдержать пресс соперника, найти в себе силы уйти, вывернуться да еще отыграть потерянное.

Когда его спросили в раздевалке, как все-таки удалось вывернуться и победить, он, обессиленный, мокрый от пота, ответил: «Сразу вся жизнь в голове прокрутилась. Вспомнил и проигрыш на чемпионате мира четырехлетней давности, и представил, как буду смотреть в глаза болельщикам... Даже застонал от отчаянья. И вдруг почувствовал, что силы удвоились. Напрягся что есть мочи и сбросил Герке».

...Движенья быстры, он прекрасен. Возможно, какой-нибудь «эстет» и не найдет ничего прекрасного в поединках тяжеловесов, но, поверьте, надо очень любить и понимать смысл единоборства, чтобы искренне воскликнуть: «Какая необычайная пластика у Андиева!» Даже в критических ситуациях — а в борьбе даже очень сильный человек может запросто попасть на «мост» — Сослан не выглядел

беспомощно, хотя, сами понимаете, «выползти, выкрутиться» из-под навалившегося на тебя какого-нибудь 150—160-килограммового Голиафа весьма не просто.

Видел я Сослана и совершенно убитым горем. На Кубке мира в Толидо, это было в год Московской Олимпиады, наша сборная уступила в финале американцам. И самым обидным был проигрыш Андиева. Не надо, видимо, описывать штормовую бурю в местном Дворце спорта. И хотя зрители были утомлены трехчасовой борьбой, поединок ожидался с необычайным волнением. Шум нарастал, гремели трещотки, заливались трубы, горохом сыпали самодельные барабаны. Оглушительный свист, крики, музыка. Чернокожий 180-килограммовый Джимми Джексон поразил своей «гороподобностью». Сослан выглядел рядом с ним тростиночкой. Это не преувеличение.

Джексон оказался не таким уж неповоротливым, приемы знал, пытался даже атаковать, стараясь вплотную подойти к Сослану и «завалить».

Андиев должен был рисковать. И он рискнул: пошел на бросок прогибом. Но скользнула пятка по влажному от пота ковру, и Джексон просто придавил Сослана.

На Сослане лица не было. Его победа ничего не решала в командном споре, догнать конкурентов уже было нельзя. Но Сослан не имел право проигрывать, он обязан был поставить красивую точку, чтобы хотя бы подсластить горечь поражения.

Как бы удачно ни складывался путь в спорте, каждый из нас приходит к тому порогу, который переступить необходимо. И за которым другая жизнь. Став тренером, Сослан окунулся в новую для себя жизнь, но остался скромным человеком.

Вот что он рассказывал, когда ушел с ковра:

«К новой для себя роли тренера привыкаю трудно. Прежде, когда сам был спортсменом, не думал, что стану тренером. Окончил сельскохозяйственный институт. А подошло время прощаться с борцовским ковром — почувствовал: не могу. Без ощущения борьбы, без любимого дела, которому отдал много лет — не могу. Этап ухода затянулся. Пожалуй, в моей жизни он — самый тяжелый. И самый поучительный.

Я всегда считал, что покидать спорт нужно красиво. Уйти таким, каким был в лучшие моменты. Может, я боялся поражений? Да. Ясно представлял, какими болезненными они могут быть в конце пути. И все-таки, решив сразу

после Московской Олимпиады уйти, я еще два с лишним года тренировался, выступал. Знал победы. Знал и поражения...

Есть люди, которым необходимо побеждать. Быть первым. Скажем, Александр Медведь — для него проиграть было катастрофой. Для меня, пожалуй, тоже. Проигрыш в 1974 году на чемпионате мира в Стамбуле румыну Ладиславу Шимону был для меня потрясением. Сейчас, со временем, думаешь: проиграл... ну и что? Ведь это спорт. Да и поражение оказалось полезным. Когда в Москве стамбульская ситуация повторилась — не оплошал. Без того проигрыша, может, и не было бы победы на Олимпиаде-80... А вернувшись из Стамбула, я дней двадцать не мог выйти из дома, так переживал. Братья меня чуть ли не под руки вывели на люди. Победы иной раз не столь остро помнишь. А вот поражения... Как ни странно, но они придают свою привлекательность спорту. Но это понимаешь позже.

Часто спрашивают, почему я так рано — в 28 лет — решил уйти из спорта? Приводят в пример того же Александра Медведя. Я признаю право каждого бороться за рекорд. Однако у меня самого никогда не было желания ставить «рекорды» в вольной борьбе. Вершина в спорте, как я ее понимаю, стать олимпийским чемпионом. И сущность занятий спортом, по-моему,— дойти до этой вершины. А сколько раз — это уже другая категория.

Борьба сама по себе была для меня радостью. Выходить на ковер, чувствовать волнение, азарт перед каждой схваткой, ощущать каждый свой мускул... Нагрузки — даже в них была какая-то поэзия. Все мне доставляло огромное наслаждение — тренировки, соревнования. В олимпийском году этого уже не было. Да, я хорошо переносил тренировки. Но не было искры, вдохновения. Ушла радость. И это было главной причиной, заставившей принять решение оставить спорт после Олимпиады-80.

Откуда в 28 лет такая усталость? За два сезона до этого, в 1978 году, случилась трагедия с моим старшим братом — Геннадием. Его смерть я перенес тяжело. Тренером моим стал средний брат, Сергей. Но нам обоим Гены не хватало. Для меня он был с детства кумиром, мой старший брат. Гена избавлял меня от многих жизненных забот и трудностей, брал все на себя, и я

тренировался, не отвлекаясь на них. И вообще если бы не мои братья, может, я и не стал бы борцом.

Они привели меня к Асланбеку Захаровичу Дзгоеву, у которого сами тренировались и которому я очень многим обязан. Фундамент борцовской подготовки заложен ими. Потом, когда Асланбек Захарович уехал из Орджоникидзе, моим тренером стал старший брат. А тогда, когда меня, шестиклассника, впервые привели к Дзгоеву, я вообще ничего не мог. Представьте: невысокого роста 85-килограммовый толстячок! Я не мог сделать кувырок, даже отжаться не мог, не говоря уже о подтягивании. Но буквально через год тренировок стал высоким, худым, подтянутым. Вот что могут сделать занятия спортом. Через три года выиграл чемпионат мира среди юношей.

Одно время мы с братьями выступали втроем, все в тяжелой весовой категории. На Спартакиадах народов РСФСР пьедестал почета занимали по старшинству. Но на чемпионатах страны братьям никак не удавалось завоевать «золото». В тот период «царствовали» Александры — Медведь и Иваницкий.

Как же я переживал за братьев! Не мог примириться с тем, что в нашей семье нет чемпионов страны. Тогда и решил: стану им.

Мне казалось, что решение уйти было бесповоротным. Но, как ни странно это звучит, не всегда спортсмен может распоряжаться собой. Не всегда люди, от которых в той или иной мере зависит его судьба, могут и хотят прислушаться к его голосу. Что движет при этом ими? Желание обеспечить дальнейшее развитие спорта? Или как можно дольше видеть себя при спорте?

От них только и слышалось: не торопись, не совершай бесповоротных поступков. Ты еще необходим — твой опыт поможет молодым борцам. Возражать было бесполезно. Я понимал, что в данном случае дело не в моем опыте — его я готов был передавать и как тренер. Срабатывало правило — «выжать» из спортсмена все без остатка. А что будет со мной дальше? Сколько-нибудь ясного ответа на этот вопрос я не получал... Человек живет среди людей, зависит от них. Спортсмен всегда на виду, и зависимость эту ощущает чрезвычайно остро.

Чтобы хоть в какой-то степени уйти от мучающей неопределенности, я поехал на тренировочный сбор. Неожиданно для себя узнал, что включен в состав сборной страны для участия в розыгрыше Кубка мира. Не устоял

против соблазна выступить на столь интересных соревнованиях... Приехал домой чемпионом. И услышал: вот видишь, как все хорошо. И слушать не желали об уходе, как я ни настаивал на нем. Да, запас прочности у меня был большой, и я мог бы спокойно отбороться еще несколько лет. Но это уже не была бы цель на максимальный результат. Меня это не устраивало. А для кого-то, кто подсчитывал очки, готовил различные отчеты, это было приемлемо.

И еще один год начался для меня тренировками — 1982-й. Знакомая-презнакомая спортивная база в Новогорске. Хорошо помню то сумрачное январское утро. Шеренга борцов. Тренеры напротив. И Иван Ярыгин. Мы с ним хорошо понимаем друг друга — столько лет в сборной тренировались вместе. Огонь, воду и медные трубы прошли...

И когда вся команда уже была в сборе, я вдруг из шеренги борцов перехожу к тренерам и говорю: «Мое место здесь». Все просто опешили. Никто не ожидал такого. Иван Сергеевич схватил меня за грудки и прямо-таки втолкнул в борцовский строй: «Ты что! На тебя все смотрят!»

Когда-то Юрий Шахмурадов, будучи старшим тренером сборной страны, говорил, что мне не хватает агрессивности на ковре, иначе, по его словам, я еще легче бы расправлялся со своими соперниками. Возможно, и в тот сложный период мне не хватило резкости, решительности...

Подошел чемпионат Европы, на который должен был ехать Хасимиков, давний мой товарищ и соперник. И вдруг перед самым отъездом в Варну Салман получает серьезную травму. В такой ситуации раздумывать нечего. Всеми силами нужно поддерживать тренера, команду.

Тот европейский чемпионат был очень сложным для меня, прежде всего психологически. Выступать, не выкладываясь, я не мог. Но и не думать об уходе тоже был не в состоянии. Мне в Варне удивительно везло. И жребий удачный. И опять я вернулся с победой. Вроде бы вновь на коне.

Я-то знал, что это не так. Но никто опять и слушать не хотел ничего об уходе. А через полтора месяца — чемпионат страны в моем родном Орджоникидзе. Вновь слова о долге, о чести, после которых говорить «нет» как-то неловко даже. Но было и другое: кое-кто погова-

ривал, что я просто струсил, поэтому не хочу выступать. И это было последнее, что заставило меня начать подготовку к соревнованиям.

Нервные, физические нагрузки, которые я брал тогда на себя, были так велики, что в итоге наступил момент, когда я вдруг почувствовал: мне нечем бороться... За три дня до соревнований потянул мышцу ноги. Как буду выступать, не представлял. Но на ковер вышел. Начал неплохо. А в полуфинале проиграл Борису Бигаеву, моему земляку, который много лет назад переехал в Киев. С чемпионата я снялся.

Кому, для чего это было нужно? Почему никто не внял словам спортсмена? И подобные ситуации складываются не у меня одного. Теперь-то я понимаю: что бы там ни было, человек обязан принимать решения сам. Но так нужно, чтобы рядом были люди, которые могли бы тебя услышать, поддержать...

Самое страшное, когда от спортсмена требуют только побед и побед.

В феврале 1985 года на тбилисском международном турнире мы с Нодаром Модебадзе прощались с большим борцовским ковром, этим ярким кругом, который заключает в своих границах целую жизнь — напряженную, полную страстей и неожиданностей. Он похож на арену корриды...

Трогательная, очень добрая церемония проводов вылилась в настоящий праздник интернациональной дружбы. В Тбилиси съехались друзья, болельщики, тренеры.

Сразу после турнира приступил к тренерской работе. В сборной страны отвечал за подготовку борцов тяжелых весовых категорий. Сейчас еще больше, чем прежде, лично ответствен за сохранение того особого духа товарищеской поддержки, честной дружбы, который цементирует наш коллектив уже много лет.

В нашей сборной с такими опытными тренерами, как, например, Дмитрий Георгиевич Миндиашвили, трудятся совсем молодые, начинающие, только-только сошедшие с борцовского горячего ковра. Например, олимпийские чемпионы Роман Дмитриев, Анатолий Белоглазов. К ним присоединился и я. Но в 1989 году ушел из сборной — был назначен председателем спорткомитета Северной Осетии».

Что и говорить — осетинская школа борьбы дала выдающихся атлетов. Савкуз Дзарасов, Борис Кулаев, Елкан Тедеев, Алимбек Бестаев, братья Андиевы... Это далеко не полный перечень известных борцов.

В последние годы на международном ковре осетинскую школу представляют Арсен Фадзаев, братья Махарбек и Аслан Хадарцевы. Правда, по разным причинам они живут в Ташкенте, но все начинали борцами в Осетии.

Арсен Фадзаев на мировом первенстве 1986 года в Будапеште получил золотую медаль в третий раз. А еще до турнира президент ФИЛА Милан Эрцеган вручил Арсену «Золотую борцовку» — как самому лучшему борцу вольного стиля 1985 года.

Аслан и Махарбек в Будапеште повторили дубль Белоглазовых прошлых лет — выиграли высшие награды. Арсен, Махарбек и Аслан действовали в поединках так виртуозно, что не уступили соперникам ни одного балла. Это поразительное достижение трех осетин!

Выступая перед болельщиками, я с удовольствием повторяю любимый свой тезис: сборная страны по вольной борьбе — яркий пример интернациональной дружбы, наглядное воплощение ленинской национальной политики. В 1983 году в команде впервые появился и тувинец, Саша Доржу. В отличном стиле победил всех на чемпионате страны, и взяли мы его на мировое первенство. Там он стал вторым.

Мне было приятно, что парень из далекой Тувы, где я когда-то жил, органично влился в сборную команды. И тренер Саши Валерий Оюн тоже ко двору пришелся. Оба небольшого роста, щупленькие, смуглые, с характерным азиатским разрезом глаз. Оба — скромняги, тихони, но любят смех, шутки. Александр чемпионом Европы стал в 1986 году. В 26 лет. Отец троих детей.

Конечно, не на голом месте хорошие атлеты рождаются. В Туве национальная борьба «хуреш» чрезвычайно любима. Некоторые ребята выступали на первенствах России, а Валерий Оюн и на первенстве страны боролся. Но вот Доржу первый в небольшой автономной республике чемпион.

Оюн очень гордится, что родился в селе Кочетово, названном в честь командира красных партизан Сергея Кочетова, который отважно боролся за народную Туву с белогвардейцами. В горах Талдыола Валерий охотился, помогал отцу, чабану, пасти овец в пахучих степях. Крепко

досталось старому Мааадыр-оолу — жена умерла рано, воспитывал трех дочерей и двух сыновей сам. Валерий и брат Михаил закончили школу-интернат в Кызыле. Оба поступили затем в Хабаровский институт физкультуры, повесили на грудь серебряные значки мастеров спорта.

У Саши Доржу такая же судьба. Жил в очень отдаленном селе Барлык, на руках у отца осталось восемь детей. Саша был направлен в профессионально-техническое училище учиться на каменщика. Увлекся борьбой, тренировался у Валерия Оюна. Между прочим, Валерий выступал до 29 лет. И на разных турнирах — на первенстве «Спартака», первенстве республики — тренер и ученик часто встречались в поединках, ведь оба в одном весе, наилегчайшем.

И Валерий шутил, что он и до сорока лет на ковер выходил бы, да неудобно стало Сашке с большим счетом проигрывать.

Бывал я в Туве, видел, как во многих секциях мальчишки занимаются. Жаль, конечно, что условия еще не ахти, в подвалах самодельные зальчики. Помню, зимой в Кызыл заехал. Стужа лютая, Енисей вздыбился ледяными торосами. Зашли в зал школы высшего спортивного мастерства — а там из окон дует. Посмотрел на азартных ребят — им и мороз нипочем. Им жарко на ковре. А Сашу Доржу сразу в куче-мале узнал — по точным, хлестким приемам.

В общем, такие парни, как Доржу, сборной нужны. И даже очень. Впрочем, возьми любого члена команды — это личность.

Вот Санасар Оганисян. Олимпийский чемпион, чемпион мира и Европы, комсорг сборной. Отец двоих детей. Гармоничная личность! Смотрите: окончил музыкальную школу по классу фортепиано, общеобразовательную — с физико-математическим уклоном. Учился в Московском инженерно-строительном институте. Получил красный диплом. Поступил в аспирантуру. Готовится к защите диссертации. И это при необычайно строгом режиме тренировок, сборов, выступлений!

А другие? Двукратный чемпион мира Виктор Алексеев и Володя Модосян, который стал чемпионом мира в 1986 году, закончили юридический факультет Красноярского университета. На юриста учился в Ташкенте и Махарбек Хадарцев, его старший брат Аслан закончил авто-

дорожный институт. А Тарам Магомадов — победитель турнира «Дружба-84», чемпион Европы, был вторым на мировом первенстве, защитил диссертацию в Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Вот какие парни в команде!

Говорить о команде можно бесконечно, по-настоящему люблю и ценю своих ребят. Нечестных, корыстных, хитрых людей коллектив сам отторгает: таков моральный климат в сборной. Известна поговорка о мужской дружбе: «Будь ты горящей рубашкой на мне — и то бы не скинул тебя». Не приукрашиваю, не идеализирую, но вот такие искренние отношения и у нас, между ребятами, между тренерами.

Что особенно ценю, так это внимание и участие к новичкам команды со стороны ветеранов. Думаете, легко переносить такую ситуацию, когда новобранец, включенный в основной состав, вот-вот «вытеснит» тебя, бывшего лидера? Наверное, это самое сложное в спорте. Сам это пережил, знаю. Однако борцы за годы пребывания в команде — как бы поточнее выразиться? — становятся мужчинами, у которых на первом плане честь, благородство.

У Фазиля Искандера нашел фразу: «Обаяние есть форма выражения щедрости». Пожалуй, мои ребята очень щедрые в жизни.

Не подумайте, что конфликтов не бывает. Все бывает. И с некоторыми заносчивыми спортсменами расставались. Но в основном большинство прочно закреплялось в команде. Поэтому и титулов у многих предостаточно. Взять хотя бы Салмана Хасимикова.

Он не в меру горяч, азартен и зол. Все эти качества проявляются у него во время поединков на ковре. Впрочем, не только на ковре, а вообще в тех ситуациях, где есть спор, соперничество, азарт борьбы.

Вот играют борцы перед тренировкой в футбол, разогреваются. Правила, понятно, жесткие. Футбол больше похож на регби: можно толкаться, хватать руками, даже нападать на вратаря. Но меры осторожности тоже соблюдаются — не дай бог повредишь чего — тренировки насмарку.

Для Хасимикова «правила техники безопасности» как бы не существуют. Если мяч у него, он подбирается, словно пружина, распрямляется со страшной силой, и вот уже 120-килограммовая махина несется на вас со ско-

ростью курьерского поезда, и все в страхе жмутся по стенкам. Попадись кто на пути — тренер ли, борец ли, будет отброшен, смят, опрокинут.

— Салман, ты можешь аккуратней? Кости же переломаешь.

— Давай, давай, действуй, вы же проигрываете...

Глаза его сверкают, ноздри раздуваются. Азарт игры его сжигает.

А вот еще был такой случай. Тренировались атлеты на спортбазе Черноморского побережья. Выдался знатный шторм — восемь баллов. Море действительно черное, даже смотреть страшно. Вышли посмотреть на бушующие волны. Отошли подальше от людей. Хасимиков разделся, полез в воду. Его схватили за руки: «Назад, опасно для жизни!»

— Испугались? Мужчины вы или нет? Вот смотрите, как плавают настоящие моряки!

Он вырос в Грозном, столице Чечено-Ингушской автономной республики, там до Каспия рукой подать. Он полюбил море, делал длительные заплывы. Разрезая мощными гребками упругую голубизну воды, мечтал о кругосветной мореходке, о капитанском мостике, об экзотических странах.

...Час он сражался со стихией, товарищи на берегу решили бежать за подмогой на спасательную станцию. Но он все-таки выбрался, выкарабкался, обдирая руки и колени об острые камни. Бледный, лег на гальку, весь в кровоподтеках...

— Салман, зачем ты так рисковал тогда?

— Хотел еще раз проверить себя. Почувствовать страх. Я его почувствовал. Были минуты, когда мне казалось — все, не выберусь, силы кончились. Но я пытался улыбаться, чтобы на берегу не увидели моей слабости. Выбрался на одной злости. Без злости нельзя, без нее нет характера...

Горяч Салман, словно молодой, необъезженный скакун. Не всегда выдержан, не всегда может владеть собой.

На взрослый чемпионат страны 1974 года он приехал в ранге двукратного чемпиона мира среди юниоров. Выступал в весе до 100 кг. Тренеры говорили: «Этот парень скоро всем покажет!»

Он показал — после двух дней борьбы вечером поел как следует, утром после взвешивания был отстранен от сорев-

новаций. Подвел команду. На все укоры брезгливо морщился: «Чего прицепились?»

Бывший тогда старшим тренером сборной страны Сергей Преображенский в сердцах бросил: «Близко к сборной его не подпущу!»

Ну, досталось Салману от тренера Дэги Багаева, когда они вернулись в Грозный. Перед строем, перед ребятами так отчитал, что Хасимиков краснел и мялся, ушел, опустив голову.

А взять чемпионат Европы-80? Хасимиков выступал на нем после тяжелой травмы да еще простудился вдобавок. Температура под сорок, а сниматься нельзя. Ребята его подбадривали, чаем с малиной поили, лимоны ему таскали. В финале Салману крепкий соперник достался, но Хасимиков его не раз побеждал. Но тут конкурент новую «тактику» применил — пошел на грубость, ударами по шее начал выводить Салмана из себя, видно, знал его горячность. Хасимиков действительно не стерпел, дал сдачу, арбитр тут как тут — объявил предупреждение, и наш борец получил поражение.

«Серебро» — награда высокая, но не для Хасимикова, чемпиона мира-79. Крепко ему влетело, прорабатывали его, так сказать, с песочком.

Что ж, надо прямо сказать, что характер у Хасимикова не сахар, и ему пришлось не раз выслушивать неприятные нотации об умении сохранять самообладание, не выплескивать эмоции, умерить свой пыл. Салман теперь признается, что неизвестно, как бы у него сложилась спортивная жизнь, если бы не армейский коллектив, в котором он мужал, рос.

— После окончания Государственного чечено-ингушского университета я переехал в Москву, попросил, чтобы моим тренером стал Томас Барба, заслуженный тренер СССР. Стал я офицером Советской Армии.

Честно вам скажу, что за эти годы я другим стал Служба в армии многое дает, она кого хочешь перевоспитает. Военного человека сразу видно — подтянут, дисциплинирован, ответствен за свои поступки. Многое я понял, прочувствовал. И можете себе представить мою радость, когда мне дважды вручали именные часы за успехи в спорте от министра обороны СССР!

...Если кто видел Хасимикова в поединках, тот, наверное, поражался: откуда в таком на вид неповоротливом борце реакция «мухача», резкость боксера? Салман —

плотный, кряжистый, рост для тяжеловеса совсем небольшой — 180 см, вес — 120 кг. Необычайно подвижен. Скажем, стометровку пробегает за 12 секунд, подтягивается на перекладине 27 раз.

За все годы выступлений Салман проиграл только одну встречу зарубежному сопернику — тогда, на чемпионате континента.

— Эх, невезучий я человек, — вздыхает горестно (но я вижу в глазах смешинку) четырехкратный чемпион мира, двукратный чемпион Европы, обладатель Кубка мира, трехкратный чемпион страны Салман Хасимиков. — На двух Олимпиадах мог бы бороться, но как назло было два перелома ноги.

— Так ведь опередить Сослана Андиева, нашего выдающегося тяжеловеса, было невозможно!

— Почему невозможно? Я к этому стремился... Да, Сослан был для меня самым грозным соперником.

— Кто для тебя является идеалом борца?

— Андиев! И не только борца. Сослан умница, душевный человек, настоящий трудяга. А еще преклоняюсь перед Леваном Тедашвили — я бы его назвал самым техничным борцом всех времен.

Никого из этих известных атлетов не знал Хасимиков, когда в 16 лет пришел в школу борьбы в Грозном. Надоело ему заниматься легкой атлетикой, хотя тренер сулил ему светлое будущее: в восьмом классе метал копье за 48 метров.

Пришел Салман на тренировку и спросил у ребят: «Кто здесь самый лучший тренер?» Ему ответили: «Вон там, на ковре. Дэги Имранович Багаев».

Хасимиков — к нему. Багаев отрезал: «Не могу взять. Все переполнено. Сам видишь — повернуться негде».

В горных республиках попасть в секцию борьбы так же трудно, как в Москве — записаться на фигурное катание. Для кавказских мальчишек нет ничего сладостнее пропахшего потом ковра.

На следующий день Хасимиков снова пришел в зал, никому не говоря разделся и без спроса встал в строй перед началом тренировки. У Багаева аж глаза на лоб полезли от такого нахальства, но сдержал себя и начал работать с новичком как ни в чем не бывало: видно, нравились ему упорные ребята.

Летом Салман спешит в Грозный, в горах побродить, родных повидать. Отец у него мастер по ремонту

автомобилей, средний брат Саламу — заведующий оргтделом в обкоме комсомола, сестра Роза — работает в горторге, другая сестренка Исита — секретарь комитета комсомола в совхозе «Юбилейный». Приезжает и старший брат Султан — он преподает в Карачаевском пединституте. Ну, а восьмиклассник Сулумбек от Салмана не отходит ни на шаг — мускулы щупает, нос перед дворовыми мальчишками задирает: не у каждого есть такой знаменитый брат! А мама на всех не нарадуется — красивые дети в семье Хасимиковых...

Между прочим, Салман с женой Лалой в детишках сами души не чают: весело и шумно у них в трехкомнатной квартире в Олимпийской деревне, когда все они забираются на папу — Шамиль, Тамерлан, Лиана и Анжела.

...Помню его прекрасную победу — на чемпионате мира-82 в канадском городе Эдмонтоне. Легко, изящно расправился Салман со всеми соперниками. В финале остался один — гигант из польской команды Адам Сандурский (рост 214 см, вес 150 кг). Шумное оживление в полуторатысячном «Кинсмен филдхаусе». Но что рост и килограммы перед азартом, резкостью, техникой. Хасимиков был великолепен — этот страстный автогонщик, книголюб, блестящий танцор (поверьте, у него пластика Махмуда Эсамбаева), весельчак и балагур. Он принес седьмую золотую медаль советским борцам вольного стиля на том чемпионате.

И на следующий год он снова победил на мировом первенстве — в Киеве, в четвертый раз.

И. ЯРЫГИН. Да, непростой парень Салман. И прямо скажу: в сборной он перевоспитался, стал зрелым, серьезным человеком. А вообще у кого много детишек, тот просто не может быть злым, черствым. Дети — они ведь совесть наша...

Конец октября 1986 года. Чемпионат мира в Будапеште. Двадцать четвертый за всю историю вольной борьбы и пятый для меня, тренера.

По плану нам надо было выиграть пять золотых медалей. «Взяли» шесть. В команде было несколько дебютантов. И все-таки опять вышли на хороший результат.

Сергей Белоглазов — пятикратный чемпион мира!

Арсен Фадзаев — трехкратный. Аслан Хадарцев — сильнейший вторично. Не подкачали и дебютанты — Махарбек Хадарцев, Хазар Исаев, Володя Модосян.

Как они боролись — загляденье! Каждая схватка для них — финальная. Без осечек, без ошибок. Исключительный настрой, собранность. Все нацелено на победу. Впрочем, и на тренировках они трудились так же целенаправленно, не позволяя себе ни дня расслабления.

Может сложиться впечатление, что у меня все идет без проблем. Как бы не так! Вот один атлет остался без награды. Очень для нас неприятная вещь, можно сказать, чрезвычайное происшествие. И кто? Володя Тогузов, осетин, талантливейший парень, просто самородок! Провел в сезоне блестящую серию, а вот концовка не удалась. И травма помешала, и нос немного задрал. Я поговорил с ним по душам. У Володи есть все, чтобы стать таким же мастером, как Белоглазов,— ум, смелость, сноровка. Верю, 20-летний Тогузов останется в сборной, его ждет большое будущее.

Еще одна неудача — «серебро» тяжеловеса Давида Гобеджишвили. Да, так мы расценили его выступление, экс-чемпиона мира. Для него это шаг назад, и нас это не устраивает: в престижной категории мы не должны никому уступать!

Удачным для нас оказался 1987 год — предолимпийский. Ребята триумфально выступили на майском чемпионате в болгарском городе Велико-Тырнове. Семь золотых, две серебряные — это ли не радость для всех, для всей нашей спортивной страны?

И чем ярче, увереннее выступали мои хлопцы, тем чаще приходилось задумываться о будущем борьбы, о ее перспективах. Такова уж тренерская доля: даже в час ликования вдруг задумаешься, уйдешь со своими мыслями куда-то в себя — а что же дальше? Не последует за победой какой-нибудь непредвиденный провал?

Перестройка коснулась всех сторон нашей жизни. Спорта, разумеется, тоже. Все круто поменялось, открылись отличные перспективы. Спорт вышел из зоны умолчания, из перечня запретных тем. И наши тренерские конференции, наши семинары стали откровеннее, мы уже не боимся открыто говорить о наболевшем.

Как бы мы ни радовали своих поклонников, я старался все-таки все переводить в серьезное русло, говоря

ребятам: «Это все замечательно, но помните — ни минуты расслаблений, ни минуты для обольщения. Весь боевой настрой надо сохранить до Олимпиады».

Все чаще стали созываться заседания президиума Всесоюзной федерации, которую несколько лет возглавляет Валентин Семенович Никифоров. Он очень занятой человек, работает заместителем председателя Московского городского комитета народного контроля. Валентин Семенович оказался удивительно контактным, душевным, заинтересованным в наших делах. Его авторитетное мнение помогало нам, тренерам, находить разумные решения при обсуждении важных проблем.

Мы долго ломали голову над определением состава на чемпионат мира. Хотелось так угадать, чтобы, скажем, человек семь-восемь вошли бы затем и в олимпийскую команду.

...Теплым августовским солнышком встретил борцов многих стран французский городок у подножия Альп Клермон-Ферран. Для «вольников» это был 25-й чемпионат, для «классиков» — 36-й. Прошли эти два турнира замечательно, особо торжественно, с пышными парадами, концертами. Ведь Международная федерация любительской борьбы отмечала свое 75-летие. В честь юбилея была развернута в одном из залов Дома спорта выставка книг, значков, марок, рассказывающая об истории борьбы. На конгрессе ФИЛА выступил с поздравлениями президент МОК Хуан Антонио Самаранч.

Международная научно-методическая конференция, на которой председательствовал вице-президент Александр Новиков, была исключительно интересной. Спортивные ученые, медики, тренеры как бы попытались заглянуть в завтрашний день борьбы. Знаете, каковы прогнозы, основанные на научных исследованиях? Резко повысится темп поединков! Казалось, куда уж больше. Но нет, к концу нашего столетия атлеты должны будут обладать сверхвыносливостью, быстротой, владеть 30—40 «рабочими» приемами. На занятиях ведущие «роли» будут играть... компьютеры.

Олимпиада, Сеул. Эти два слова повторялись чаще всего в беседах. Я не сводил глаз с трех ковров, следил не только за своими, но и за конкурентами. То же самое делали мои помощники. Нет, не все у нас будет просто: к Сеулу готовятся с невероятным упорством. Особенно американцы, болгары, японцы, южнокорейцы.

И все-таки, все-таки мы снова на высоте. В 21-й раз подряд одержана командная победа. Шесть золотых, одна серебряная, две бронзовые. Сергей Белоглазов уже шестикратный чемпион мира, Арсен Фадзаев — четырехкратный, Аслан Хадарцев — трехкратный, Махарбек Хадарцев и Лери Хабелов — двукратные, Адлан Бараев впервые примерил корону «короля» ковра.

Мы ликовали, надрывали голоса. Начальник Управления спортивных единоборств Геннадий Андреевич Сапунов, руководитель делегации, забыв о своем официальном ранге, кричал что есть мочи победителям: «Мужчина! Кра-са-вец!» Мы обнимались и целовались. Каждый турнир — это чудовищное испытание. И я «отпустил вожжи», дал ребятам выплеснуть эмоции.

Олимпийский сезон. 1988 год. 12-я победа на Кубке мира в Толидо, три выигранных матча со сборной США в традиционном турне по Америке. Это в марте.

Апрель. Манчестер. Небывалое достижение советской дружины: на европейском первенстве завоевано девять высших и одна серебряная награда! Такого еще не бывало в истории чемпионатов континента.

Извините за скупость изложения — моя радость и мое волнение «упрятаны» в цифры. Вы просто должны понять, как великолепно были подготовлены борцы, какой испытывали подъем. И это была почти олимпийская сборная: Сережа Белоглазов — пятикратный чемпион Старого Света, Арсен Фадзаев — четырехкратный, Адлан Бараев и Лери Хабелов — трехкратные, Василий Гоголев, Юрий Воробьев, Махарбек Хадарцев, Степан Саркисян и Аслан Хадарцев стали победителями впервые. И только Владимир Тогузов снова уступил в финале болгарину Валентину Йорданову, у которого в «кармане» уже четвертая медаль.

Нас так бурно поздравляли в Госкомспорте, что даже неудобно стало. Ну зачем такие восторги, это же не Олимпиада. В душу залез червячок сомнения: не зазнаются ли ребята, не успокоятся ли? Это ведь очень страшно, когда приходит самоуверенность. Тогда и тренировки пойдут вполсилы.

Эту «осторожность» у некоторых борцов я почувствовал на летнем чемпионате страны. От соревнований были освобождены Сережа Белоглазов и Арсен Фадзаев. А вот Аслан Хадарцев сослался на травму, на плохое самочувствие. Неужели он подумал, что билет в

Сеул уже куплен? Давид Гобеджишвили выступил так лихо, что сам Аслан удивленно качал головой.

Представляете ситуацию: два равных по силам тяжеловеса. Оба выигрывали у американца Брюса Баумгартнера, основного претендента на олимпийское «золото». Кто достоин быть в команде?

Решили просто и честно — провести между «тяжами» контрольный поединок. Кто выиграет, тот будет и в Сеуле. Оба с таким решением согласились, хотя, сами понимаете, подобная схватка может отнять массу сил.

Сбор в августе мы проводили на спортбазе в Кисловодске, на Малом Седле. Трехразовые тренировки, кроссы по горам. Ночные беседы с тренерами у меня в гостиничном номере. В долгих обсуждениях и спорах команду мы определили. Оставался вопрос с тяжеловесами. И вот была назначена встреча Давида и Аслана. Правила обговорили: если в основное время ничья, то поединок будет продолжаться до тех пор, пока кто-либо сделает техническое действие. Только на 26-й минуте Гобеджишвили удалось выиграть первый балл.

Как жалко было тех, кто мог тоже быть в Сеуле. Стойко, по-мужски переживали Вася Гоголев, Юра Воробьев, Аслан Хадарцев, Хазар Исаев. Они чуть-чуть, самую малость не дотянули до звания «член олимпийской команды СССР». И для меня было очень важно, что эти и другие ребята продолжали помогать олимпийцам, честно трудились на ковре, лихо плясали и пели, провожая нашу команду в Благовещенск, где мы пробыли неделю до отлета в Сеул.

Сеул... Встреча спортсменов 160 стран. Рекорд всех Олимпиад! Вот как соскучились по настоящему общению! Кого-то не было в Москве, кто-то не поехал в Лос-Анджелес. Увы, такая разобщенность не пошла никому на пользу. Поэтому веселье в олимпийской столице било через край. Слишком много эмоций, слишком много впечатлений.

Уже после того как все закончилось, читая высказывания чемпионов и призеров, а также спортсменов, потерпевших фиаско, можно было увидеть, что все без исключения говорили одно: Олимпиаду сравнить нельзя ни с чем, ни с одним чемпионатом мира. Цена победы и «вечного» титула так велика, что нужно обладать огромной психологической устойчивостью, чтобы выдержать и выстоять. Недаром Игры дарят так много сюрпризов:

взлетают на Олимп новички, терпят поражения заведомые лидеры.

Мы были еще в Благовещенске, когда выступали наши «классики». И были немало удивлены результатами турнира — «всего» четыре золотые, по одной серебряной и бронзовой медали. Сразу четыре участника команды остались без награды... Почему? Как такое могло произойти? Я видел, как «задергались» мои ребята, как занервничали.

В Сеуле мы сразу бросились с расспросами к тем, кто уже отборолся. Неужели судейство предвзятое? Неужели перегорели? Геннадий Сапунов устало сказал: «Это Олимпиада, ребята. Она сжигает нервы. Учтите это».

Вокруг нас кипела, шумела, восторгалась Олимпиада. Фанфары в честь чемпионов, концерты, дискотеки. Вокруг царила жизнь во всем ее многообразии. А для нас начался борцовский марафон. И бессонные ночи. И шарики валидола под язык. Я никогда не считал себя устойчивым к стрессам. Только, пожалуй, трижды я был абсолютно спокоен в острых ситуациях — на двух Олимпиадах и на чемпионате мира в Тегеране. Ни на йоту не сомневался в себе.

В Сеуле я был уверен в шести парнях — в Белоглазове, Фадзаеве, Бараеве, Махарбеке Хадарцеве, Хабелове, Гобеджишвили. Двое из них «сорвались» в последний миг: Бараеву и Хабелову досталось «серебро». Это в высшей степени несправедливо, ведь они лучшие борцы мира. И никого здесь винить нельзя, это их ошибка, их просчет.

Вообще наша сборная снова была недосягаема для других, у нас четыре первых места, три «серебра» (на второй ступени был и Степан Саркисян из Кировакана), две бронзовые награды, они у красноярца Сережи Карамчакова и Володи Тогузова из Орджоникидзе. Без медали остался только воронежец Саша Тамбовцев, занявший четвертое место. Не триумф, но для олимпийского турнира такого необыкновенного накала вполне приличный результат.

Махарбек Хадарцев. Пока что не вижу среди его соперников того, кто смог бы его потеснить еще несколько лет. Почему? В этом скромном парне, требовательном к себе (как и его тренер Казбек Дедегкаев) есть все, что необходимо борцу экстра-класса, атлету завтрашнего дня.

Лери Хабелова мне по-человечески жалко. Он тяжко

перенес свой проигрыш в финале. И я тоже, это ведь мой вес, полутяжелый. Румын Василь Пушкашу в два раза слабее Лери, много раз проигрывал ему. Что-то надломилось в Лери, «затормозился» под грузом ответственности. Я бы много отдал, чтобы все повторить сначала. Но ведь наши победы и поражения — это отражение жизни, где все бывает поровну.

Вот Арсен Фадзаев не дрогнул, хотя пережил немало. Ездил на похороны родственников, был очень расстроен, даже проиграл в одном турнире в ФРГ, чего с ним не случалось пять лет. И надо же такому произойти, что в первой же схватке в Сеуле Арсен повредил мышцу спины. Дикая боль свела судорогой его лицо. Он стонал кусая до крови губы. Нужен был обезболивающий укол. Но все были напуганы «допинговыми историями», не дай бог и с нами такое произойдет. Глубокой ночью спортивный врач делегации Сергей Миронов и начальник медуправления Госкомспорта СССР Анатолий Коврижный договорились с работниками медицинской комиссии МОКа о необходимости укола Фадзаеву. Под утро Арсен уснул.

Каждый поединок — как последний бой. Могу ли не гордиться таким человеком?

Золотую точку поставил Давид Гобеджишвили. Престижный вес, нам нужна была только победа. Брюс Баумгартнер приготовил кое-какие сюрпризы для Хадарцева, а тут вдруг появился двухметровый Давид. Мощный, свежий, неудержимый.

А что сказать о Сереже Белоглазове? Единственный в команде двукратный олимпийский чемпион. Все схватки провел на одном дыхании. Словно и не было за плечами 32 годков. Почему он имеет такое преимущество над соперниками в течение многих лет? Потому, что не дает себя обогнать, все время прибавляет.

...Девять наград привезли мы из Сеула. Снова сильнейшие в мире. Советская школа вольной борьбы — это авангард отечественного спорта. Страна высоко оценила труд борцов.

В. ГОЛУБЕВ. Нет сейчас в вольной борьбе (если говорить о еще выступающих атлетах) более титулованного спортсмена, чем Сергей Белоглазов. Осенью 1987 года он в шестой раз выиграл золотую медаль чемпиона мира, а весной 1988 года в пятый раз был признан лучшим борцом европейского ковра. К тому же он олимпийский

чемпион-80, победитель международного турнира «Дружба-84».

Большой, выдающийся спортсмен — это, как правило, человек трудной судьбы, сложного характера, с которым нелегко быть рядом не только тренеру, а и товарищам, родным. Не хотелось бы идеализировать моего героя, но, поверьте, не знаю в спорте более доброжелательного, обаятельного и общительного человека. Никакого намека на «звездную» болезнь, никакого превосходства над другими. И это при огромном авторитете в своем кругу. И авторитет этот прочен, ибо в нем сама суть Сергея — он честен до щепетильности, открыт, прям. Он никогда не предаст, не обидит слабого. Это все знают, все, кто с ним знаком. Но не подумайте, что «обвешанный» титулами Белоглазов этакий бука и буквоед, превыше всего ценящий свои принципы. Он веселый, жизнерадостный парень, гитарист, любящий шутки и розыгрыши, пародист, книгочей. Одним словом — душа компании.

Признаться, как-то неловко писать все время: «Сергей, Сергей». Долгие годы о лидерах нашей команды говорили только во множественном числе — братья Анатолий и Сергей Белоглазовы. Они родились в один день — 16 сентября 1956 года (правда, Анатолий все-таки считается старшим — появился на свет божий на 15 минут раньше Сереги), вместе росли, учились, участвовали в дворовых потасовках, гоняли в футбол и оба были приняты в секцию вольной борьбы, которая располагалась в подвальном помещении Дворца культуры приморского Калининграда.

И вот ведь какая штука интересная: Анатолий на правах старшего чуть опережал Сергея — первым попал на взрослый чемпионат мира, затем первым женился. Правда, сейчас у обоих детей поровну — по дочке и сыну. Одно время и по титулам они сравнялись — оба стали трехкратными чемпионами мира, олимпийскими чемпионами, победителями «Дружбы-84». Ну, а потом Анатолию как-то не повезло — заболел желудок, перенес несколько операций. Пришлось оставить ковер. Был назначен одним из тренеров сборной страны и по совместительству — тренером брата.

Что уж такого необычного увидел в них Гранит Таропин, молодой тренер, приехавший в Калининград счастье искать? Сам Гранит родом с Сахалина, отец у него рыбаком был, погиб в штормовом море. И, между прочим,

это он придумал такое необычное имя сыну — Гранит, чтобы тот рос крепким и сильным. Представляете: шестилетний Гранит стал мужчиной в доме, мать и стар-шая сестра на работу, а он — брата обстирывать, дрова рубить, картошку чистить. В школе-интернате увлекся борьбой. Прочитал как-то брошюрку о недюжинном борце из Тулы Иване Фроловиче Шабанове и махнул в город оружейников — познакомиться. Ничего не попишешь — юношеский максимализм и азарт приключений.

Работа на стройке, вечером — зал. Мастер спорта в 20 лет. Окончил школу тренеров в Малаховке, Смоленский институт физкультуры. Получил распределение в Калининград. Там пути Таропина и Белоглазовых сошлись...

Гранит Иванович Таропин как-то вспоминал, что, увидев тщедушных, худющих мальчишек, сердцем вдруг почувствовал — клад нашел! Но не о деньгах, не о злате-серебре подумал, а о талантах, об этих бойких забияках, которые на ковре устроили такую карусель, что пыль столбом. Братья тренировались лихо, выступали, понятное дело, в одной категории, и изумленные зрители на соревнованиях, во-первых, не могли отличить их друг от друга, а, во-вторых, изумлялись неистовой драме, которая разворачивалась на их глазах — никто не хотел уступать, бились отчаянно, до слез, до синяков! Пришлось их «разводить» в разные весовые категории.

Однажды на каком-то юношеском турнире братьев увидел Александр Медведь. Посмотрел на их поединок в финале, подошел к Таропину, уверенно сказал: «Счастливый ты человек, Гранит. Это борцы волею божьей, далеко пойдут, поверь моему слову».

Сбылось предсказание трехкратного олимпийского чемпиона!

Через пять лет ребята и Таропин переехали в Киев. Шуму, конечно, было по поводу этого «новоселья». Мол, как это так, республику поменяли. А что было делать? Братья росли, и зал для них был мал, условий никаких. Уладилось все со временем, но это когда Анатолий первый раз чемпионом мира стал. В самой легкой категории — 48 кг. В 1977 году.

А на следующий сезон Толя чуть «потяжелел», поехал на мировое первенство в Мехико бороться в весе 52 кг. А в то время королем положения в этой категории был несравненный японец Такада. Человек-молния, с блистательной реакцией. Когда много лет спустя я спрашивал

у Анатолия о самой памятной схватке в его жизни, он как раз и назвал свой поединок с Такадой. В Киеве его ждал Сергей, обнимал, тормошил, расспрашивал брата, уже двукратного чемпиона мира,— уж так ему хотелось тоже испытать себя на мировом ковре.

Такой случай представился на следующий сезон — мировое первенство проводилось в американском городе Сан-Диего. И что же? Дебют можно признать для Сергея неплохим — серебряная медаль. Только один балл проиграл он в последней встрече японцу Тохияме, который стал двукратным чемпионом мира. Но не в радость Сереже было «серебро» — очень переживал за Толю, который был неузнаваем, уступил соперникам в двух поединках, в том числе и Такаде, взявшему реванш за прошлогоднее поражение. Шестое место Белоглазова — это повод для уныния. Но недолгого. Все силы были брошены на анализ проигрышей. Их порыв на тренировках удвоился, утроился. Для обоих началось новое восхождение на более качественной основе. Они готовились показать совершенно новый стиль, своеобразный, неповторимый, который потом так и назвали — белоглазовским!

Триумф на Олимпиаде в Москве. Атлетам вручены ордена «Знак Почета», Граниту Таропину — орден Трудового Красного Знамени. Через четыре года близнецы покоряют зрителей софийского Дворца спорта «Септември» — они выходят победителями турнира «Дружба». Борцы и тренер награждены орденами Трудового Красного Знамени.

Жизнь шла своим чередом. Анатолий надел тренерский костюм, Сергей продолжал сражаться на ковре. Оба закончили заочное отделение Краснодарского института физкультуры, обзавелись семьями. У Анатолия жена Алла — гимнастка, у Сергея жена Наташа — чемпионка мира среди юниорок, играла в команде гандболисток. Заботы, детишки, поездки, сборы.

И вот, наконец, Сергей в 1987 году добыл шестую высшую награду чемпионатов мира. Остается еще один ориентир — Александр Медведь побеждал на мировых первенствах семь раз. Поэтому Сергей заявил, что и после Сеульской Олимпиады он не собирается вешать борцовки на гвоздь, очень заманчиво повторить или даже перекрыть рекорд Медведя.

Сослан Андиев говорил мне о братьях с тихим восторгом и отцовской нежностью: «Золото, а не ребята

Сколько такта, внимания к друзьям, к новобранцам команды. И не устают от борьбы. Был не раз свидетелем, как ночью они устраивали возню даже в коридоре спортбазы, это к кому-то из них приходила в голову блестящая идея новой комбинации бросков. Не могут откладывать до утра, тут же пробуют. Одним словом, оба надежны, а Сергея я считаю выдающимся спортсменом современности. Он стоит в ряду таких суперзвезд, как Медведь, Санеев, Седых, Власов, Бубка».

Что Сергей Белоглазов думал перед Олимпиадой? Вспомнил, что 18 лет назад он и Толя впервые увидели Гранита Таропина, а весили оба по 27 кг. Вспомнил, что славные бойцы были в сборной на Олимпиаде-80, но из той команды он остался один. Но друзья все равно рядом — Иван Сергеевич Ярыгин, Сослан Андиев, Анатолий...

Он всегда видел цель. Он шел к ней, гордо вскинув голову. И он добился своего. Олимпийская медаль снова в его натруженной ладони.

Трудно ли она ему досталась? Смешно об этом спрашивать у одного из самых титулованных атлетов мира. Он настолько выше по мастерству своих оппонентов, что медаль Сергею можно отдавать заранее. Но ведь так не бывает. Поэтому Белоглазов провел на сеульском ковре шесть поединков, в четырех победил чисто, в двух — по баллам. В финале иранец Аскари Махаммадьян попытался через «не могу» организовать атаку, но сил хватило только на первый период. Сергей закрутил такую карусель — дым коромыслом.

Вконец уставший иранец после гонга взвалил на плечи Сергея и совершил круг почета. Зал «Сангму» аплодировал стоя, отдавая дань уважения самому сильному, самому обаятельному, самому искусному борцу вольного стиля последних десяти лет.

И. ЯРЫГИН. Когда меня спрашивают молодые папы и мамы, в какую секцию отдать первоклашку или второклашку, я отвечаю: «В секцию борьбы. Все равно какой — классической, вольной, самбо или дзюдо».

Вы думаете, что я так советую из-за сильной любви к своему виду спорта? Да, я люблю единоборства. И все-таки по-настоящему убежден, что каждый мальчишка, будущий мужчина, защитник Родины обязан пройти борцовские университеты. Для того, чтобы вырабо-

тать в себе характер, чтобы закалиться, получая синяки и шишки. Чтобы стать по-хорошему честолюбивым. Чтобы почувствовать жажду соперничества. Чтобы стать добрым и сильным. Чтобы в конце концов уметь постоять за себя.

Сильный, ловкий, крепкий здоровьем человек — это уверенность в себе. Почти всегда — умный, честный, справедливый. Не знаю, удалось ли нам, авторам этой книги, показать красоту борьбы и красивых борцов. Разумеется, никто не собирается идеализировать нашу жизнь, в ней еще много проблем и теней. Но мы очень хотели привлечь своими рассказами в наши ряды школьников, учащихся техникумов, студентов, вообще юношей и молодых людей, которые раздумывают: а чем бы им заняться, куда потратить свою энергию?

Довольно раздумий и сомнений! Мечтать, строить иллюзии — это, возможно, и нужно. Но пора и действовать!

Вы прочитали эту книгу? Спасибо, как говорится, на добром слове, благодарим за внимание.

А теперь сделайте все возможное, чтобы всерьез заняться борьбой.

Ищите, ищите свой ковер мечты!

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....3

...Только самолетом можно долететь.....7

Олимпийский траверс.....32

Восхождение второе.....46

От Москвы до самых до окраин.....79

И с прекрасными победами возвращались мы домой.....110

Иллюстрации

Ярыгин И. С.

Я79 Ты выходишь на ковер.— М.: Сов. Россия, 1989. — 144 с, 8л. ил.

Автор этой книги, выдающийся борец вольного стиля Иван Ярыгин считает, что каждый мальчишка, будущий мужчина, обязательно должен пройти школу борьбы. Этот вид спорта рождает мужественных атлетов, рыцарей без страха и упрека. О том, как простой сельский парень стал знаменитым спортсменом, о чемпионах прошлых и нынешних лет, о творческих и нравственных исканиях молодого тренера вы узнаете из этой книги.

Рассчитана на массового читателя.

7А3.5.

Я $\frac{4204000000—094}{М-105(03)89}$ КБ—55—42—88

ISBN 5—268—00787—4

Иван Сергеевич Ярыгин

ТЫ ВЫХОДИШЬ НА КОВЕР

Редактор **Л. П. Орлова**
Художественный редактор **А. С. Кулемин**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректор **Т. А. Лебедева**

ИБ № 5814

Сдано в набор 14.02.89. Подп. в печать 03.08.89. А05156. Формат 84x108/32- Бумага кн.-журн. (на вкл. офс.) Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40 (в т. ч. вкл. 0,84). Усл. кр.-отт. 8,61 Уч.-изд. л. 8,21 (в т. ч. вкл. 0,86). Тираж 50 000 экз.

Заказ 80. Цена 70 к. Изд. инд. ОН-40. Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15. Книжная фабрика № 1 Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».